

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П. М. Машерова»

А. А. Стреленко

**СОЦИАЛЬНАЯ ПЕРЦЕПЦИЯ
И ОТНОШЕНИЯ С ДЕТЬМИ
В ПРИЕМНЫХ СЕМЬЯХ**

Монография

*Витебск
ВГУ имени П. М. Машерова
2020*

УДК 316.663:316.356.2-058.855
ББК 88.502+88.611.9
С84

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова». Протокол № 6 от 18.06.2020.

Одобрено научно-техническим советом ВГУ имени П. М. Машерова. Протокол № 7 от 25.09.2020.

Автор: доцент кафедры психологии ВГУ имени П. М. Машерова, кандидат психологических наук, доцент **А. А. Стреленко**

Научный редактор:
доктор психологических наук, профессор *В. Л. Ситников*

Рецензенты:
директор Института педагогики, психологии и социальных технологий
ФБГОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
доктор психологических наук, профессор *А. А. Баранов*;
профессор кафедры психологии развития и образования ФБГОУ ВО
«Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена», доктор психологических наук *И. А. Баева*

Стреленко, А. А.
С84 Социальная перцепция и отношения с детьми в приемных семьях : монография / А. А. Стреленко. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2020. – 121 с.
ISBN 978-985-517-759-4.

Монография посвящена одной из актуальных проблем современной психологии – определению социально-перцептивных индикаторов, выступающих регуляторами родительно-детских отношений в приемных семьях. В работе исследованы показатели структуры и содержания Я-образов замещающих матерей, Ты-образов их приемных детей.

Впервые выявлены специфика субъективного отражения и объективно определяемые психологические особенности родительно-детского взаимодействия. Проведен сравнительный анализ, раскрыта специфика структурных и содержательных характеристик социально-перцептивных образов замещающих матерей и установлена кластерная модель родительского взаимодействия на основе социально-перцептивного отражения.

Предназначена для психологов, социальных педагогов, специалистов СПЦ, студентов психологических и педагогических специальностей.

УДК 316.663:316.356.2-058.855
ББК 88.502+88.611.9

ISBN 978-985-517-759-4

© Стреленко А. А., 2020
© ВГУ имени П. М. Машерова, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1 Теоретический анализ проблемы социально-перцептивных образов ребенка в различных типах семей	13
1.1 Анализ зарубежных подходов к изучению социально-перцептивных образов	13
1.2 Социально-перцептивный образ (образ человека) в отечественной психологии в советский и постсоветский периоды	18
Выводы по главе 1	29
Глава 2 Социально-перцептивная детерминация родительско-детских отношений	30
2.1 Социально-перцептивный образ ребенка как субъекта и объекта отношений	30
2.2 Проблема типологии социально-перцептивных образов ребенка как фактора детерминации родительско-детских отношений	44
Выводы по главе 2	68
Глава 3 Методика и организация эмпирического исследования по определению социально-перцептивных образов ребенка в представлениях родителей	70
3.1 Методологические основания эмпирического исследования	70
3.2 Программа, предмет, объект и задачи исследования	71
3.2.1 Программа изучения образа ребенка	71
3.2.2 Объект и предмет исследования	72
3.2.3 Основные задачи исследования	72
3.3 Методика изучения образа ребенка и родительско-детских отношений	73
3.4 Сбор и обработка эмпирических данных	77
Выводы по главе 3	78
Глава 4 Психологическая структура и содержание социально-перцептивных образов ребенка как факторов детерминации родительско-детских отношений	79
4.1 Я-концепция и Я-образы в сознании замещающих матерей	79
4.2 Структура и содержание Я-образов и Ты-образов ребенка у замещающих матерей	81
4.3 Особенности родительско-детского взаимодействия замещающих матерей	89
4.4 Построение кластерной модели родительского взаимодействия на основе социально-перцептивного отражения	95
Выводы по главе 4	106
Заключение	107
Список использованной литературы	109
Приложения	118

ВВЕДЕНИЕ

Проблема образа человека все чаще становится предметом исследования в разных областях научного знания. Не обошла она и социальную психологию, в которой до сих пор остаются актуальными вопросы адекватного отражения, познания и понимания людьми друг друга.

Понимание людей и взаимопонимание между ними не происходят мгновенно. Вероятно, этому будет предшествовать опыт родительской семьи, которая как институт социализации способствует развитию у ребенка социально-психологической умелости при взаимодействии с другими людьми. Именно в семье взрослые и дети учатся договариваться, учатся умению высказываться и обращаться с просьбой к другим людям, учатся слушать другого в ответ, а в дальнейшем научаются понимать другого человека. Такой благоприятный вариант развития возможен при условии адекватного межличностного восприятия ребенка родителями, правильного воспитания, осуществления защиты и заботы, а также ненасильственного взаимоотношения между членами семьи.

Вопрос о социально-перцептивных представлениях родителей и детей вызывает несомненный академический интерес. Но указанная проблема имеет еще и большое практическое значение. Представление родителей о своих детях – это не только когнитивный образ ребенка. Это еще и определенная социальная установка, которая определяет общение и отношения. То есть за социально-перцептивным образом ребенка в представлениях о нем у родителей кроется готовность интерпретировать, оценивать и действовать определенным образом, на основании сформированной психической репрезентации выстраивать те или иные схемы взаимоотношений с детьми [79, с. 85–91].

Как свидетельствуют исследования последних лет, наиболее сильное влияние на развивающийся у ребенка Я-образ обычно оказывают родители, поскольку именно они снабжают детей определениями правильных и неправильных действий, образцами поведения и оценками поступков, и все это включается в основу собственных представлений ребенка о себе. Наверное, поэтому ребенок, как правило, становится таким, каким его видят мамы и папы. Ключевым моментом здесь может служить не только простое наложение (совпадение) образов – самовосприятие ребенка и восприятие его родителями, но и совместный образ-представление, лежащий в основе складывающихся родительско-детских отношений. Именно поэтому ребенок во многом будет ощущать себя так, как его представляет значимое ему окружение близких людей, члены его семьи [27]. Однако такое утверждение можно подвергнуть сомнению, т.к. ребенок социализируется не только в семье. Многочисленные социальные группы, значимые

другие взрослые и сверстники для детей и подростков могут серьезным образом влиять на развитие их представлений о себе [77, с. 93–110].

Нужно отметить, что современное положение семьи и детей на сегодняшний день имеет свои особенности, о которых говорят многие специалисты и в доказательство этого приводят неутешительные данные. К примеру, заметное изменение различных сторон семейной жизни и их оценок, происходившее в последнее десятилетие, показывает, что в Европе все более прочные позиции занимает такое демографическое и семейное поведение, которое многими учеными-демографами и социологами именуется вторым демографическим переходом. Исследования свидетельствуют о девальвации традиционной формы совместной жизни – семьи, возникшей на основании заключения брака. При этом все большее одобрение получают мнения, что для роста и развития ребенка необязательно наличие обоих родителей, а женщина, если она этого желает, вполне может растить ребенка одна. Вместе с тем еще в начале 2000-х А. А. Митрикас на основании сравнения результатов ИЕЦ (исследования европейских ценностей) 1990 и 1999 гг. утверждал, что ценность детей в жизни семьи снизилась, хотя в целом для большинства людей она остается очень важной [60, с. 65–73].

Подобные тенденции и в настоящее время сохраняют свои позиции. На современном этапе развития семьи отмечаются серьезные проблемы, связанные с общением в семье и формированием семейной идентичности.

Представители системного подхода подчеркивают, что увеличение продолжительности жизни повлекло серийную моногамию, т.е. несколько браков в течение жизни и образование сводных семей. Распространение длительных сожительств, использование репродуктивных технологий, в том числе суррогатного материнства, добровольное фиктивное родство, распространение гомосексуальных браков, союзов и сожительств, различные практики принятия детей в семьи, межэтнические браки создают семейное разнообразие, но одновременно и новые проблемы в восприятии себя членом таких семей. И для окружающих, и для самих себя создание семейной идентичности происходит в процессе взаимодействия с социальным окружением и друг с другом. В этой связи остаются актуальными вопросы, как члены таких новых семей взаимодействуют, создавая свою семейную идентичность для окружающих и для самих себя [26, с. 92–105].

Подобные проблемы встречаются как в России, так и в Беларуси. Например, в работе О. В. Бессчетновой отмечаются тенденции, которые присущи не только современной российской семье, но и характерны для развитых индустриальных стран мира: увеличение числа не состоящих в браке, снижение рождаемости, нуклеаризация семьи, рост числа разводов и неполных семей, семей с одним родителем, увеличение числа сводных семей, рост числа детей, живущих в бедности, снижение роли внешних факторов и возрастание значимости внутрисемейных регуляторов поведе-

ния в браке и семье, демократизация отношений между супругами, родителями, детьми [14].

Таким образом, социальная политика в отношении семьи сегодня приобретает особую актуальность в связи с расслоением и изменением статуса сложившихся ранее социальных категорий населения. Проявляется это через деформацию ценностных отношений в системе жизнедеятельности семьи, девальвацию материнства, пренебрежение родительскими обязанностями и, как следствие, возникновение такого явления, как социальное сиротство [14, с. 5].

Проблема социального сиротства в нашей стране решается через реализацию одного важного права ребенка – права на жизнь в семье.

Приемная семья – относительно новая форма устройства детей-сирот, поскольку в течение долгого времени приоритетными считались учреждения интернатного типа. Важность развития семейных форм устройства на государственном уровне была оценена по достоинству лишь в последние 15–20 лет, в том числе и в связи с широким распространением зарубежного опыта при решении социальных проблем с различными категориями населения [110; 112].

Так, по официальным данным в Республике Беларусь подавляющее число детей-сирот и оставшихся без попечения родителей, выявленных в 2018 году (81,3%), направлялись для дальнейшего воспитания в замещающие семьи, таких семей в стране 10 064. На начало 2019 года в этих семьях воспитывались 14 927 детей.

Самой массовой формой семейного устройства осиротевших в республике является опека и попечительство: 8 876 детей растут в 7 301 опекунской семье. Считается, что это самый дешевый способ воспитания осиротевших детей, т.к. республиканским бюджетом ежемесячно оплачивается лишь содержание ребенка в такой семье (237 рублей на ребенка-дошкольника и 253 рубля на школьника). Услуги по воспитанию и уходу за ребенком опекуны оказывают бесплатно, т.е. даром. При всей своей благостности эти семьи нередко стоят на пороге бедности. На втором месте по массовости в рейтинге замещающих семей – приемные семьи. В 2 481 приемной семье растут 4 183 ребенка. Число приемных семей так же, как и число воспитанников в них, неуклонно снижается год от года. Прошедший 2018-й не стал исключением: минус 294 приемные семьи и минус 433 воспитанника в них.

При этом уровень поддерживающих услуг на местах, предлагаемый приемным семьям, оставляет желать лучшего. Это, кроме прочего, подтверждается числом детей, которые за минувший год по разным причинам досрочно покинули приемные семьи: 26 детей были возвращены в детские интернатные учреждения, 248 – переведены в другие замещающие семьи, еще 15 детей были временно помещены в детские социальные приюты при социально-педагогических центрах. Судя по числу детей, признанных

оставшимися без попечения родителей в 2018 году, услуги профессиональных приемных родителей будут еще долго востребованы: в указанном году 2 324 ребенка остались без родителей, что на 21 ребенка больше, чем в 2017 году.

По-прежнему стабильна и численность воспитанников школ-интернатов системы Министерства образования – их 1 206 человек. Плюс в 2018 году состоялось рекордное (за время учета с 2001 года) число отмен национальных усыновлений, в результате 26 детей испытали предательство дважды и были возвращены усыновителями. Итого 111 детей за этот год были возвращены из семьи на государственное обеспечение [76].

Нужно отметить, что тенденция отмены усыновления в республике набирает обороты. Аналогичная проблема присутствует и в Российской Федерации. Так, по мнению А. В. Махнача, отказы от принятых на воспитание в семью детей происходят по причине некомпетентности замещающих родителей, а также из-за недостаточно тщательного их отбора. Ставшее обязательным обучение кандидатов в замещающие родители не дает стабильного эффекта, т.к. знаний и умений у них очевидно недостаточно [58].

В республике делаются попытки улучшить ситуацию в отношении семьи и детей. Возрастающая потребность в современных научных данных отражена в государственной программе «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» на 2016–2020 годы, в частности подпрограмме «Семья и детство», задачами которой являются совершенствование системы охраны здоровья матери и ребенка; развитие системы поддержки семей с детьми и улучшение условий их жизнедеятельности, укрепление института семьи; обеспечение прав и законных интересов детей [64].

Заслуживает внимания и еще очень важная психологическая проблема, касающаяся психологической безопасности семейной среды [94]. Отношение к ребенку ближайшего окружения, индивидуальные особенности взрослых могут приводить к тому, что человек начинает воспринимать себя неудачником, несчастным, немощным и т.д., относиться к себе как к жертве жизненных обстоятельств. Это может обусловить то, что его поведение и отношения с окружающими определяются подобным самоотношением, которое усложняет его жизнь, а также может привести к психическим и социальным отклонениям, т.е. превратить в реальную жертву, сделать виктимным. Поэтому проблема психологической безопасности развития детей и подростков в семье в настоящее время является чрезвычайно актуальной и способствует возникновению множества аспектов гуманистического, социально-экономического, правового, медицинского, образовательного характера.

Таким образом, установка государственной политики в Беларуси на все возрастающую ориентацию на семейное обустройство детей, лишенных родительского попечительства, задает вектор в направлении изучения психологических механизмов и закономерностей адекватного восприятия приемных детей, которые будут включаться в межличностную систему от-

ношений в приемных семьях, определения психологической типологии, основанной на выявлении взаимосвязи образов родителей и образов принимаемых ими детей.

Решать эти вопросы следует совместными усилиями, с учетом программ охраны материнства и детства в целом, программ профилактики раннего «социального сиротства», профилактики агрессивного и враждебного отношения, коррекции виктимного поведения.

Отсюда необходимо коренное переосмысление традиционных концептуальных подходов к анализу семейной системы, организации социально-педагогической и психологической поддержки приемной семьи как формы семейного устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Очевидны важность разработки качественно новых взглядов и системы реализации государственной семейной политики, учет уже существующего положительного опыта, что способствовало бы более высокому положению и адекватному восприятию приемной семьи в обществе, основанным не на предубеждении, а на объективных данных об образах детей в сознании приемных родителей и тех родительско-детских отношений, которые порождаются этими образами.

Степень разработанности проблемы. Современными авторами образ человека рассматривается через различные уровни методологического анализа. Так, например, в работе Б. А. Еремеева «Психометрика мнений о людях» (2003) выделяются: *макроподход* в духе гегелевской феноменологии, где речь идет об образе в его связях и отношениях с различными условиями и обстоятельствами породившей его ситуации. Иными словами, о психике и непсихике говорили Г. Гегель, И. М. Сеченов, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, Н. А. Бернштейн, П. Я. Гальперин, Д. И. Дубровский, Е. А. Климов, В. П. Зинченко и С. Д. Смирнов, Б. Ф. Ломов с сотрудниками, В. С. Мерлин, Б. Г. Ананьев и др.; *мезоподход*, в котором раскрывается смысл субъективной реальности: о душевном мире, о сознании, о памяти, об опыте (о перцептивном мире, о картине мира, об образе мира) и т.п., в пределах психического различаются отдельные образования, прежде всего образы, которые связаны так или иначе и соотносятся друг с другом по различным основаниям (Э. Гуссерль, Л. С. Выготский и А. Р. Лурия, А. Н. Леонтьев, С. Д. Смирнов, Е. А. Климов, В. В. Петухов, Е. Ю. Артемьева, В. Ф. Петренко, А. Г. Шмелев, Ю. К. Стрелков и др.); *микropодход*, в котором образ рассматривается изнутри, где выделяются его «компоненты»: элементы («единицы») и их связи, – а также раскрываются механизмы формирования целостности. «Анатомию и физиологию» образа раскрывали в своих трудах Л. С. Выготский, А. В. Запорожец, Л. А. Венгер, В. П. Зинченко, А. Р. Лурия, Б. Г. Ананьев, Л. М. Веккер, Б. Ф. Ломов, А. В. Ярмоленко, Б. Г. Ананьев, М. Д. Дворяшина, Н. А. Кудрявцева, Л. М. Веккер, В. А. Ганзен и др. [34].

На сегодняшнем этапе в своей работе А. В. Шустова представила ретроспективный анализ категории образа-представления, проанализировав труды отечественных и зарубежных авторов за последние 120 лет (конец XIX – первое 10-летие XXI в.). На основании использованных категориально-понятийного и историко-ретроспективного методов она заключает, что существует разнообразие понятий образа-представления в категориальном пространстве.

Вместе с тем она указывает на отличительные особенности зарубежной психологии в понимании феномена образа-представления. Его сутью является обозначение четкой принадлежности образа к когнитивным процессам. Образ-представление представляется как средство решения перцептивных, мнестических и мыслительных задач.

В свою очередь преобразование категории образа-представления в отечественной психологии в разные хронологические периоды, соответствующее становлению основных научных направлений, позволяет выделить несколько точек зрения на изучение образа-представления как психологического феномена: как процесс, как продукт, как уровень психического отражения и как модель (представление о мире и репрезентация) [106].

В настоящее время в работе белорусского ученого Е. И. Сутович был проведен теоретический анализ подходов к исследованию образа человека в психологической науке. На этой основе она выделяет несколько эмпирических этапов в процессе исследования образа человека. По ее мнению, первый этап связан с анализом содержательных и формальных характеристик взаимоотношений респондентов с людьми, образ которых описывается А. А. Кроником, У. Джеймсом, Ч. Кули, Дж. Мидом, Г. Хайманом, И. С. Коном, А. А. Бодалевым и его учениками, Т. С. Табуровой и др. Второй этап Е. И. Сутович обозначает как «аналитический». Он заключается в определении возможности выбора среди широкого перечня традиционно используемых в психологической науке методик той, с помощью которой могут быть решены исследовательские задачи, а также в потребности разработки новых и/или дополнительных методик исследования образа человека (В. П. Серкин). Третий этап – «описательный», в нем выражается интерес исследователей к отдельным «описательным» процедурам (С. А. Одинец, А. А. Хвостов, В. С. Атюнина, В. Н. Бурик, С. В. Липпо). Вместе с тем ученый отдельно выделяет еще один подход к образу человека, так называемый «синтезированный». И в качестве примера приводятся подход В. Л. Ситникова и те исследования, которые были проведены под его руководством (С. И. Гусева, И. Ю. Шилов, Н. В. Парнюк, А. А. Стреленко, Н. Б. Казначеева, А. В. Комарова, О. Б. Кононова и др.).

Следует отметить, что в исследованиях последнего десятилетия был накоплен и обобщен достаточно обширный пласт знаний об образе человека. Вместе с тем одно из противоречий, которое возникает на современном

этапе, касается методологической и теоретической проработанности данной проблемы.

Одна из таких проблем обнаруживается при заимствовании из общей психологии научных понятий, которые используются и в социальной психологии. На это в своей работе указывают В. С. Агеев и Г. М. Андреева [2].

В свое время они отмечали, что сопоставление подходов к изучению перцептивных процессов в общей и социальной психологии сталкивается с рядом трудностей как внутри научного, так и междисциплинарного характера.

Так, на внутринаучном уровне возникает необходимость в установлении точного соотношения значения термина «перцепция», «восприятие» в общей и социальной психологии. Одновременно как в общей, так и в социальной психологии существуют далеко не однозначные представления о перцепции и перцептивных процессах, их природе, структуре, механизмах, функциях и т.д. Другая трудность заключена в сходстве терминологического и понятийного аппарата, используемого в общей и социальной психологии при изучении перцептивных процессов.

Соответственно, подобные трудности породили разделение на общепсихологический и социально-психологический подходы в изучении социально-перцептивных процессов. Для того чтобы более точно обозначить, о чем идет речь в интересующем нас плане, целесообразно говорить не вообще о социальной перцепции, а о межличностной перцепции, или межличностном восприятии (о восприятии человека человеком). Восприятие социальных объектов обладает такими многочисленными специфическими чертами, что само употребление слова «восприятие» кажется не совсем точным. Во всяком случае ряд феноменов, имеющих место при формировании представления о другом человеке, не укладывается в традиционное описание перцептивного процесса, как оно дается в общей психологии. Поэтому в социально-психологической литературе до сих пор продолжается поиск наиболее точного понятия для характеристики описываемого процесса. Основная цель этого поиска состоит в том, чтобы включить в процесс восприятия другого человека в более полном объеме некоторые другие познавательные процессы. Многие исследователи предпочитают в этом случае обратиться к французскому выражению «*connaissance d'autrui*» (знание других), что означает не столько «восприятие другого», сколько «познание другого». В научной литературе в советский и постсоветский периоды весьма часто в качестве синонима «восприятие другого человека» употребляется выражение «познание другого человека» [6; 16, с. 5].

Следует отметить, что проблема познания другого человека в области социальной психологии в той или иной степени за последние двадцать лет актуализировалась неоднократно.

Так, проблеме восприятия родителями своих детей посвящено достаточное количество работ как в зарубежной, например, исследования

в области диспозиционного, ситуативного, интегративного подходов [108; 109; 111], так и в российской психологии. Например, проблемой социально-перцептивных образов детей и взрослых занимались В. Л. Ситников и практически все его ученики.

Однако ни одно исследование не затрагивает проблемы социально-перцептивной детерминации родительско-детских отношений. Видимо, поэтому в научном поиске проблема адекватного отражения и познания людьми друг друга остается в существенном вакууме.

Вышеизложенное позволяет выделить ряд **противоречий** между:

- представлениями о перцептивных процессах в области общей психологии, в которой они рассматриваются с позиции общепсихологического подхода, и представлениями о перцептивных процессах с позиции социально-психологического подхода;

- меняющимся положением семьи и детей в новых социально-экономических условиях общества и отсутствием научных исследований в области социальной психологии по изучению образов детей в сознании родителей и особенностей родительско-детских отношений;

- известными теоретическими аспектами изучения семьи и отсутствием подходов, раскрывающих социально-перцептивные детские образы, которые лежат в основе детерминации поведения родителей и детей по отношению друг к другу;

- прохождением замещающими родителями отбора, постоянным повышением своей квалификации и увеличением численности отказов от принятых на воспитание в семью детей из-за недостаточной компетентности замещающих родителей.

Анализ выделенных противоречий и поиск путей их разрешения определил научную проблему нашего исследования, которая состоит в обосновании теоретического подхода социально-перцептивной детерминации родительско-детских отношений, определении взаимосвязей социально-перцептивных образов с родительским взаимодействием.

Таким образом, **целью** исследования является определение особенностей структуры и содержания социально-перцептивных образов и их взаимосвязей с родительско-детским взаимодействием у замещающих матерей.

Задачи исследования:

1. Определить особенности Я-образов замещающих матерей.
2. Выявить структурные и содержательные характеристики перцептивных образов ребенка, так называемых Ты-образов, в представлениях замещающих матерей.

3. Установить взаимосвязь социально-перцептивных образов с родительско-детским взаимодействием.

Объект исследования – социально-перцептивные образы замещающих матерей как регуляторы их родительско-детского взаимодействия.

Предмет исследования – взаимосвязь социально-перцептивных образов с родительско-детским взаимодействием.

Методы исследования:

Методы теоретического исследования: сравнительный и сопоставительный анализ, обобщение, классификация и др.

Методы эмпирического исследования: интервью, тестирование.

Методики:

1. Методика СОЧ(И) – структура образа человека (иерархическая), автор – В. Л. Ситников [86].

2. Опросник «Взаимодействие родитель–ребенок», автор – И. М. Марковская [57].

Статистические методы обработки материалов исследования: частотный, корреляционный анализ, ранжирование, статистическая оценка достоверности различий, дисперсионный анализ, кластерный анализ и др.

Научная новизна исследования заключается в обосновании теоретического подхода социально-перцептивной детерминации родительско-детских отношений; в определении роли социально-перцептивных образов ребенка в родительско-детских отношениях; в установлении соотношения социально-перцептивных образов ребенка и родительско-детских отношений в приемных семьях; в построении модели родительского взаимодействия на основе социально-перцептивного отражения.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов через создание системы сопровождения, обеспечивающей психологическую безопасность семейной среды, которая позволит включить в работу психологов и педагогов конкретные методы, техники и технологии, обогащающие научно-методическую и психодиагностическую базу деятельности специалистов, осуществляющих психолого-педагогическое сопровождение приемных семей в современных условиях. Вместе с тем полученные результаты будут полезны при осуществлении просветительской, профилактической, диагностической, консультационной, развивающей деятельности специалистов социальной и психологической служб.

ГЛАВА 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ПЕРЦЕПТИВНЫХ ОБРАЗОВ РЕБЕНКА В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ СЕМЕЙ

1.1 Анализ зарубежных подходов к изучению социально-перцептивных образов

Рассматривая проблему социально-перцептивных образов, можно отметить ее неоднозначное трактование как в зарубежной, так в отечественной психологии. Такая неоднозначность связана с неким промежуточным положением самой дефиниции «социально-перцептивные образы», с недостаточной констатацией феноменологического поля, на котором разворачивается сущность этого определения.

Нужно отметить, что, во-первых, эта проблема граничит с областью общей психологии, которая включает в себя методологическую проблему образа, а во-вторых, с областью социальной психологии, которая изучает проблему восприятия и познания человека человеком. Возможно, именно эта ускользающая от взора исследователя ситуация вызывает ряд не только противоречивых, но и крайне непримиримых с точки зрения объективного знания позиций.

Помимо того, в психологии неоднозначно и вариативно трактуется сама категория образа. С одной стороны, образ дает возможность рассмотреть специфику процесса отражения психической организации человека на различных уровнях. А с другой стороны, образ, заключенный в сознание, – это совокупность взаимодействия человека с окружающим миром, на основании чего формируются представления о целостной картине мира, представления о различных объектах социальной действительности, об образе человека, включающем личностные особенности.

Проблеме образа в психологии посвящено весьма значительное количество работ зарубежных и отечественных авторов. Как отмечает С. Д. Смирнов, образ как психологическое понятие имеет более чем двадцатипятивековую историю [88, с. 15–29].

Проведенный теоретический анализ позволяет выделить основные исторические эпохи оформления категории образа в психологической науке (рисунок 1).

Рисунок 1 – Психологические концепции категории образа в психологии

Так, начиная с периода Античности, где основным философским вопросом был Космос, проблема образа находит свое отражение в трудах известных мыслителей, в том числе Платона и Аристотеля. Например, Аристотель считал, что главная функция образа – это возможность выступления в качестве связующего звена между материальным и идеальным миром, между чувствами и разумом, а Платон рассматривал образ как копию копии мира, выделяя его положительную и отрицательную роль. По его мнению, с одной стороны, образы помогают сохранить накопленный опыт, а с другой – способствуют иллюзорному восприятию копии мира вместо его реального восприятия [21, с. 91–97; 74].

В эпоху Средневековья, где основной философский интерес был сосредоточен на Боге, появляется новое понимание и осмысление проблемы образа. Такие рассуждения нашли свое отражение в трудах Августина, Фомы Аквинского, Джордано Бруно. Например, в своих размышлениях Дж. Бруно наделяет образ творческой силой, действующей во внутреннем мире человека. Августином и Фомой Аквинским образ определялся как копия, отражение «истинного» источника смысла – божественного идеала, недоступного человеку [74].

В эпоху Возрождения, при осмыслении философской проблемы природы и общества, а также при выраженном антропоцентризме того времени, проблема образа не утрачивает своей актуальности. Достаточно ярким

представителем обозначенной эпохи является Леонардо да Винчи с весьма своеобразным представлением об образе человека, а точнее его тела. Как отмечает С. С. Дашкова, эти наблюдения художника хорошо согласуются с современными научными данными об одном из уровней восприятия себя человеком – «образе тела», который, составляя уникальную структуру личности, существует в виде сложного комплексного единства бессознательных восприятий, установок, оценок и представлений человека о собственном теле и внешности [29, с. 78–85].

В эпоху Нового времени, при решении философской проблемы человека и общества, образу также уделяли внимание. Например, Дэвид Юм, находясь под впечатлением своей собственной дилеммы между миром разума и материальной реальностью – сутью субъективных представлений, под образом понимал как оставшуюся в уме копию пережитого, впечатление, спрятанное в недрах сознания, а ассоциативные цепи образов – как составляющие знание, которое организуется посредством психологических закономерностей (сходством, непрерывностью и т.д.).

Несколько иное понимание образа было предложено Иммануилом Кантом, который утверждал, что необходимым условием любого знания является процесс формирования образа, поскольку разум и чувство являются производными процесса воображения. Он рассматривал процесс создания образа трансцендентно по отношению к разуму и придавал образу значение источника смысла, творящего начала, позволяющего человеку познавать реальность [48, с. 121–141].

Таким образом, в различные эпохи становления донаучной психологии мыслители были сосредоточены на проблеме образа как источника копии воссоздающего мира, на соотношении внешнего и внутреннего мира человека, на роли образа в объединении мира вещей, окружающих человека и мира его идей.

Что касается научной психологии, то первые разработки по проблеме образа в зарубежной психологии возникли еще в XIX в. и связаны с таким направлением в западной психологии, как структурализм. Ярким представителем структурализма в психологии стал Эдвард Брэдфорд Титченер, который понимал сознание как человеческий опыт в его зависимости от переживающего субъекта. Сам этот опыт, по его мнению, состоит из простейших элементов – ощущений, образов и чувствований, обнаруживаемых благодаря особым образом организованной интроспекции [48, с. 121–141].

Еще один подход в зарубежной психологии – функционализм, в котором понятие образа рассматривалось с позиции перцептивного процесса. Образ восприятия осознавался как функция перцептивной системы. Идеи функционализма получили свое развитие в теории неосознаваемых умозаключений Германа Людвиг Гельмгольца. Его положение сводилось к тому, что первоначальных сенсорных данных мало, чтобы воспринимать детально предметы.

Во-первых, они (предметы) многозначны по природе (зрительное течение не связано строго с сетчаточным принципом стимула и зависит как от положения глаза в пространстве, так и от позиции второго; проекция плоскостей предмета допускает разнообразные объемные толкования).

Во-вторых, они излишни, т.е. не всякое чувство может стать компонентом образа предмета. В контрасте со структурной психологией (В. Вундт, Э. Б. Титченер) функционализм предлагает проведение анализа сознания с точки зрения его функции в поведении как средства, с помощью которого организм адаптируется к обществу. Однако учение Гельмгольца о «бессознательном выводе» как операции построения образа, в которой участвует мышечное движение, наполнило эту категорию новым содержанием. Роль мышечного движения в порождении сенсорных продуктов впоследствии была раскрыта в учении И. М. Сеченова, от которого тянутся нити к современным воззрениям на механизм переработки сенсорной информации.

Таким образом, в функционализме психические функции анализируются в связи с организмом и его потребностями, с одной стороны, и с окружением, на которое обращено поведение, – с другой. Функционализм, где сомкнулись в единый круг психическое действие и психический образ, подчеркивал необходимость рассматривать организм в единстве разума и тела, физических и психических аспектов, но так и не смог преодолеть интроспективное осмысление сознания [74].

Важный вклад в разработку проблемы образа внесла гештальттеория. Она сформировалась в противовес как структурализму, так и функционализму. По мнению гештальтистов, просчеты этих направлений были predeterminedены прежде всего слабостью категории образа. У структуралистов она сводилась к элементам, для воссоединения которых они апеллировали либо к ассоциациям, либо к апперцепции. У функционалистов ощущения, восприятия, представления объяснялись не столько причинными факторами (в виде внешних влияний на органы чувств), сколько целями, заданными сознанием субъекта. Все это не соответствовало критериям научности. В отличие от структурализма и функционализма в гештальтизме в основе находилась категория психического образа, представленность его прошлого и будущего как детерминанты актуального поведения [74, с. 128–129]. В частности, исследования Курта Коффки позволили понять, каким образом формируется восприятие человека. Проведя серию экспериментов, ему удалось установить, что ребенок появляется на свет с несформированными гештальтами, нечеткими образами внешнего мира. Так, например, любое изменение внешности близкого человека может привести к тому, что ребенок его не узнает. К. Коффка предположил, что гештальты как образы внешнего мира формируются у человека с возрастом и со временем приобретают более точные значения, становятся более ясными и дифференцированными [101].

Еще одно направление в западной психологии – бихевиоризм, суть которого сводилась к изучению поведения и поведенческих реакций, а не к такому загадочному агенту, как сознание, которое перечеркивалось даже как регулятор поведения. Подобная ситуация продлилась до того времени, пока Эдвард Чейз Толмен не предложил считать регулятором поведения «когнитивную карту», что внесло в классический бихевиоризм категорию психического образа [74, с. 127]. Однако в период расцвета бихевиоризма и учения об условных рефлексах интерес к категории образа несколько ослаб. Но уже с начала 60-х гг. XX столетия исследование образа приобретает новую силу. В это же время проблема образа входит в социальную психологию, прикладную социальную психологию и психологическую практику.

Одна из существенных теорий, развиваемая в области когнитивной психологии, повлиявшая на развитие проблемы образа в психологии, – теория личностных конструктов Джорджа Келли. Личностный конструкт – это создаваемый субъектом эталон классификации и оценки явлений или объектов по принципу их сходства или отличия друг от друга (например, Россия похожа на Беларусь и Украину, но не похожа на США на основании...). Фактически Келли в своей теории затрагивает вопросы возможности построения образа мира любого индивида, а сами конструкты выступают в качестве критериев для такого конструирования [43; 105, с. 31–35].

Невозможно не затронуть еще один подход к проблеме образа в зарубежной психологии. Весьма своеобразное определение мы встречаем в психоаналитической парадигме. Ее представителей интересовала не столько проблема сознания (Зигмунд Фрейд не видел средств, позволяющих объяснить причины патологических изменений в психике своих пациентов), сколько неосознаваемые явления, расположенные в области бессознательного. Так, используя различные методики объяснения психических проявлений, например, свободный ассоциативный поток мыслей у пациентов, образы их сновидений и др., психоаналитики разработали сложную сеть понятий, применение которых способствовало высвобождению глубинных процессов, за которыми скрывались осознаваемые явления в отраженном самонаблюдении [73, с. 155–157]. Несмотря на то, что сам Фрейд не говорил о проблеме образа, его взгляды привели к новой трактовке сознания как регулятора человеческого поведения. Помимо Фрейда, его ученик Карл Густав Юнг также занимался изучением бессознательного, но не индивидуального, а коллективного бессознательного как образа мира, сформированного в ходе биологической эволюции и культурно-исторического развития, в основе которого уже при рождении заложены «архетипические образы» [32, с. 72–94; 48, с. 121–141].

Таким образом, благодаря идеям психоанализа и аналитической психологии стало возможным разделение внешнего и внутреннего мира человека, который объединялся в образах, предоставляя человеку жизненно

важное ощущение связи с обоими мирами одновременно и возможность переживать саму реальность.

Еще большее влияние человека как целостной личности на развитие проблемы образа в психологии отмечается в гуманистическом направлении. Гуманистическая парадигма со своим противопоставлением механичному бихевиоризму и глубинному психоанализу стремилась построить новую, принципиально иную методологию познания человека как уникального объекта исследования. Справедливости ради нужно заметить, что представители гуманистического подхода заложили основу для познания человека как самоактуализирующейся личности в системе глубинного межличностного общения, переживающей этот мир. Ряд исследований Карла Роджерса, Абрахама Маслоу, Виктора Франкла и др. способствовал развитию такой проблемы, как субъектность, образ человека и его самость. Гуманистическая психология – скорее явление не узконаучного, а общекультурного, точнее, «ноосферного», «планетарного» (В. И. Вернадский) масштаба – делала попытки повернуть человека на самого себя [75, с. 402–408].

Таким образом, проведенный теоретический анализ по изучению проблемы образа в зарубежной психологии показал, что:

- во-первых, за рубежом складывались определенные предпосылки для познания категории психического образа, в частности образа предмета, рассматриваемого как сигнал, на основе которого зарождается и начинает функционировать рефлекс, а впоследствии и поведение человека;
- во-вторых, образ как сенсорная основа мысли человека считался непреклонным постулатом ученых, которые рассматривали психику как сенсорную мозаику, состоящую из ощущений и представлений;
- в-третьих, психический образ выступал как основа восприятия, его целостный и системный характер стал ведущей категорией в психологической школе гештальтпсихологии;
- в-четвертых, открытие области бессознательного способствовало формулировке вопроса о степени осознанности образов, т.к. и бессознательное, и надсознательное играют не менее важную роль, чем сознание;
- в-пятых, выраженная экзистенция субъект-объектных и субъект-субъектных отношений способствовала развитию нового взгляда на аксиологическую проблему, на категорию образа человека как целостной личности, способной к активности и целеполаганию.

1.2 Социально-перцептивный образ (образ человека) в отечественной психологии в советский и постсоветский периоды

С середины XX в. начинается расширенное теоретическое и практическое исследование данного феномена и в отечественной психологии, где категория образа рассматривалась сквозь призму теории отражения в деятельностном, коммуникативном и системном подходах.

Как утверждал Б. Г. Ананьев, положение о том, что сенсорная организация есть отражение среды обитания, образа жизни и способа деятельности, относится и к человеку. Однако эволюционно-биологический подход оказывается недостаточным для объяснения специфического характера этих факторов, определяющих сенсорную организацию человека. Окружающая человека среда, среда его обитания – не только естественные силы природы, но прежде всего «историческая природа», созданная трудом людей [3, с. 61].

Действительно, образ не представляет собой некоего моментального снимка объекта. Образ (в широком смысле его понимания) определяют как субъективную картину мира или его фрагментов, включающую сам субъект, других людей, и пространственное окружение и временную последовательность событий. Используется также понятие «мир в человеке» как обозначение некоторой субъективной реальности, как характеристика внутреннего, субъективного процесса осмысления человеком своих отношений с миром вещей, людей, знаково-символических систем культур и ценностей. «Образ в психологическом смысле – это субъективная модель чего-либо» (Е. А. Климов) [44; 86].

Несмотря на то, что проблемой образа занималось большое количество психологов, например, такие как Б. Г. Ананьев [3], Н. А. Бернштейн [цит. по: 99, с. 48–66], Ф. Е. Василюк [19, с. 5–19], Л. С. Выготский [23, с. 367], В. П. Зинченко [37, с. 313–341], Б. Ф. Ломов [54], А. Н. Леонтьев [51], А. В. Петровский [74], С. Д. Смирнов [88, с. 15–29; 89] и др., в их взглядах все-таки отражалось многообразное понимание проблемы категории образа.

Так, например, основоположник деятельностного подхода А. Н. Леонтьев выдвигал гипотезу об образе как многомерном психическом образовании. По его мнению, формирование образа – сложный и длительный процесс, который постепенно приобретает способность адекватного отражения предмета, соответственно рассматривается психический образ как образ мира [50]. С. Л. Рубинштейн же считал, что образом может быть лишь то явление, которое поддается познанию, т.е. в понятие образа включал представления [82, с. 640]. В. П. Зинченко определял образы как субъективные феномены, возникающие в результате предметно-практической, сенсорно-перцептивной и мыслительной деятельности. По его мнению, образ – это целостное, интегральное отражение действительности, в котором одновременно представлены основные перцептивные категории (пространство, время, движение, цвет, форма, фактура и т.д.). Важнейшей функцией образа является регуляция деятельности. Чтобы выполнить свою функцию, это отражение должно быть объективно верным [37, с. 50–80; 38].

Представители деятельностного подхода отмечали социальную природу сознания, которая проявляется в его творческом, активно-конструктивном характере. Сознание через психические образы не просто и не только отра-

жает предметы, оно формулирует программы деятельности, цели и задачи ее, выступает фундаментом творческой деятельности человека.

Основоположник системного подхода Б. Ф. Ломов рассматривал образ как взаимосвязь внешнего и внутреннего мира, средство, благодаря которому характеристики реальности (время, последовательность и т.д.) перетекают в характеристики внутреннего психического пространства, порождая его. Именно в пространственных терминах описываются ключевые свойства чувственного образа: предметность, объективированность, субъективность [21, с. 91–97; 54].

Вместе с тем известно, что человек является носителем не только биологического (как индивид), но и социального (как личность) опыта, он становится способным к отражению реальности и отражению себя в этой реальности, т.е. становится носителем сознания и выступает в качестве субъекта деятельности. Как субъект деятельности на протяжении своего жизненного пути человек выступает субъектом общения, субъектом познания и субъектом труда.

Социальный характер сознания раскрывается и в коммуникативном подходе. Этот подход требует выявления связи сознания с языком как универсальным средством коммуникации. Язык – это система знаков, с помощью которых осуществляются отношения между людьми, познание мира и самого человека, сохранение и трансляция информации, а также управление поведением. Из этого определения следуют и основные функции языка: коммуникативная, познавательная (когнитивная), экспрессивная, кумулятивная и регулятивная.

Наличие второй сигнальной системы значительно расширяет человеческие возможности не только в познании самого себя и других людей, но и расширяет границы понимания себе подобных.

Развивая идеи перцептивно-коммуникативного подхода, Б. Ф. Ломов утверждал, что познание и общение едины. Обращаясь к категории общения, подразумевают близкую ей категорию социального взаимодействия, означающую в широком смысле процесс обмена чувствами, мыслями, невербальными формами поведения, при котором осуществляется взаимная адаптация субъектов, играющих в зависимости от ситуации различные роли. Положение о том, что в общении люди обмениваются своими образами и представлениями, а значит, и формируют их, открывает путь изучения познания и деятельности через анализ коммуникативных процессов. То, что человек воспринимает, как он мыслит и что переживает, определяется тем, как и с кем он общается [63, с. 5–16].

Рассматривая проблему образа с позиции субъект-субъектного взаимодействия, невозможно не отметить интенсивно развивающееся направление современности. Им является психосемантический подход, вобравший в себя как обобщенные знания зарубежной, так и отечественной

психологии и нашедший отражение не только в общей, но и в социальной психологии, а также прикладной социальной психологии.

По мнению В. Ф. Петренко, именно такой областью психологической науки, которая изучает картину мира индивидуального или коллективного субъекта, является экспериментальная психосемантика [70, с. 3–23].

Возникла психосемантика в начале 1970-х годов и является относительно новым направлением в психологии. У истоков психосемантики стояли Ч. Осгуд, который впервые применил метод семантического дифференциала, и Дж. Келли, знаменитый созданием метода репертуарных решеток. Суть психосемантической парадигмы заключена в исследовании многомерной статистики с целью выявления категориальных структур сознания человека [69].

Теоретико-методологическую основу для развития психосемантического направления в отечественной психологии заложили такие авторы, как Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия. Впоследствии – В. Ф. Петренко, А. Г. Шмелев, Е. Ю. Артемьева, В. И. Похилько, Е. О. Федоров. Смежные дисциплины также внесли свой вклад в развитие данного направления и связаны с именами В. С. Степина в философии, А. Я. Гуревича в культуре, И. А. Мельчука в лингвистике, С. Московичи в социологии, Д. А. Пospelова в информатике [70, с. 3–23].

Применительно к исследованию личности в психологии психосемантическое направление раскрывает собственный взгляд на такую проблему, как понимание человека человеком, взгляд на мир другого через призму своего внутреннего мира. А в данном вопросе заложены все основные актуальные проблемы межличностного взаимодействия на любом уровне общения. Обратная сторона медали заключается в том, что через понимание другого человека открывается уникальная возможность понять самого себя. Но это не единственное достоинство способности человека к адекватному отражению образа другого в своем сознании [71, с. 253–262].

Действительно, каждый человек приходит в мир, не имея ни малейшего представления о том, как строить отношения с людьми и миром в целом. Постепенно, с помощью другого человека, он овладевает определенным уровнем знаний, навыков и умений, становится членом общества в соответствии с правилами и нормами, принятыми в нем. Он учится понимать людей, а также старается быть понятым ими. Передает определенную информацию и получает обратную связь. Переживает какие-либо чувства под влиянием взаимодействия с другими людьми. Все это становится неотъемлемой частью жизни каждого человека. Без общества и взаимодействия с ним трудно представить свое существование.

По мнению М. М. Бахтина, другой есть источник познания для человека. Проводя анализ работ М. М. Бахтина, И. А. Чистилина подмечает одну важную его мысль, суть которой сводится к тому, что мы всегда учитываем не только отношение к нам других, но и предполагаемый нами образ

нашей личности в сознании другого, и утверждает, что «ценностный смысл, с которым подана наша жизнь для другого человека, совершенно отличается от того смысла, с которым она переживается нами самими в нас самих. Эти переживания постоянно расширяют самосознание, открывают перспективу предстоящего единства, заставляют самосознание постоянно перешагивать любой законченный образ своего “Я”. Подобный другой присутствует практически всегда и везде» [103].

Похожие идеи высказывали и многие ученые-психологи. Например, в культурно-исторической теории важная роль отводится другому (взрослому) в процессе обучения, что создает зону ближайшего развития и способствует благоприятному его ходу. В концепции онтогенеза общения другой рассматривается как предмет, или объект, деятельности и общения, способствующий познанию ребенком не только этого другого, но и самого себя.

Следует отметить, что в исследованиях последнего десятилетия был накоплен и обобщен достаточно обширный пласт знаний об образе человека. Так, И. В. Павлов, анализируя научную литературу по проблеме образа, ссылаясь на исследования Б. Ф. Ломова, сосредотачивается на четырех уровнях психического отражения, на основании которых определяются виды образов:

1. Сенсорно-перцептивные (чувственные) образы.
2. Образы-представления или вторичные образы.
3. Рече-мысленные образы – ментальные репрезентации объектов или третичные образы.
4. Интегральные образы реальности, образ мира, социально-перцептивные образы [67].

Вместе с тем одно из противоречий, которое возникает на современном этапе, касается методологической и теоретической проработанности данной проблемы. Теоретический анализ исследований категории образа в отечественной психологии приводит нас к мысли о том, что образы дифференцируются по уровню психического отражения [67], по доминирующей модальности (зрительные образы, слуховые образы, тактильные образы, обонятельные образы, кинестетические образы) [47, с. 146–154], по направленности сознания на предметы жизнедеятельности (образы объектов и образы субъектов), по степени осознанности и переживания субъектом реальности [70, с. 3–23].

Результаты анализа исследований психологии образа позволяют систематизировать сегодняшние представления о типах и видах психических образов на основе уровней психического отражения (таблица 1).

Таблица 1 – Типология психических образов по уровню психического отражения

Уровни психического отражения	Основания	Авторы	Вид образов
Сенсорно-перцептивные (чувственные) образы, или первичные образы	Является базовым уровнем психического отражения. Основная характеристика данного образа состоит в мгновенности возникновения в момент непосредственного воздействия стимула на органы чувств, связан с наличной ситуацией	Б. Г. Ананьев Б. М. Теплов Б. Ф. Ломов	Образ-изображение, включающий пространственные и временные характеристики отражаемого объекта
		В. А. Максимо-вич	Предметный образ, имеющий предметное значение, связывающее его с объективным миром предметов
		А. Е. Климов	Чувственный образ (перцептивный, сенсорный)
Образы-представления, или вторичные образы	Характеризуется возникновением образа вне ситуации непосредственного взаимодействия субъекта с отражаемым объектом. Схематизация перцептивного процесса	С. Л. Рубинштейн	Воспроизведенный образ предмета, основывающийся на прошлом опыте
		Б. Г. Ананьев	Единство и взаимопроникновение чувственного (конкретного) и понятийного (абстрактного)
		Б. Ф. Ломов	Результат функционирования психических процессов, прежде всего памяти и воображения
		А. Е. Климов	Репрезентативный конкретный образ (представления памяти, воображения)
		А. А. Гостев	Чувственные образы предметов, в настоящее время не действующие на органы чувств, но возникшие при их действии в прошлом
В. А. Барабанщиков	Образ, не требующий непосредственного воздействия внешних предметов на органы чувств		

Рече-мысленные образы – ментальные репрезентации объектов, или третичные образы	Позволяют отражать объекты, не имеющие в сенсорно-перцептивном опыте субъекта или в его непосредственных представлениях. Такие объекты могут быть зашифрованы в знаково-символической форме, вплетены в культурно-исторический опыт человечества в качестве теоретических абстракций и обобщенных понятий	И. П. Павлов	Образы третьего порядка. Динамическое образование, механизмом которого является рефлекс
		А. Е. Климов	Репрезентативный отвлеченный образ (понятия, схемы, усвоенные алгоритмы действий)
		Т. Н. Березина	Образы третьего порядка
Интегральные образы реальности, образ мира, социально-перцептивные образы	Характеризуются большим обобщением и усложнением	А. Н. Леонтьев	Психический образ (образ мира)
		Е. А. Климов	Образ мира профессионала, психический регулятор труда; образы Я
		Т. Н. Березина	Образы четвертого порядка
		В. Л. Ситников	Отражение в сознании человека образов других людей и самого себя как члена человеческого сообщества. Я-, Ты-образы

Помимо дифференциации по уровню психического отражения образы могут разделяться по степени осознанности и переживания субъектом реальности. Так, например, В. Ф. Петренко выделяет видимый образ и осознаваемый образ. Он также отмечает, что между ними присутствует существенная разница. Если в первом случае, при отражении видимых образов, где используются ощущения и эмоции, субъект и объект слиты, поэтому реальность непосредственно переживается, то во втором случае нечто чувственное выражается в знаковой форме, совершается акт отчуждения от непосредственно переживаемого. В этой знаковой форме исходное переживание может быть транслировано другому в акте коммуникации или самому себе в форме автокоммуникации [70, с. 3–23]. Соответственно, сознание при такой трактовке есть вторичное восприятие в знаковой форме. Осознается то, что может быть выражено в языке, обладающем системой значений как формой культурно-исторического опыта человечества [71, с. 253–262].

Вместе с тем можно классифицировать образы по направленности сознания на предметы жизнедеятельности. Так, выделяются образы объектов и образы субъектов. В контексте изучаемой проблемы для нас становится актуальным более детальное рассмотрение образов субъектов. К ним можно отнести наиболее интенсивно развивающееся направление в области социальной психологии и прикладной социальной психологии, связанное с межличностным познанием и межличностным взаимопониманием. В этой связи выделяют так называемые социально-перцептивные образы. По мнению В. Л. Ситникова, социально-перцептивные образы – это отражение в сознании человека образов других людей и самого себя как члена человеческого сообщества. Они могут отражать как наиболее значимые и существенные характеристики, так и поверхностные, несущественные, ситуативные, а порой и просто случайные [86]. Следует добавить, что подобные образы, обозначаемые в психологии как Я-, Ты-, Мы-, Он-образы, оформляются в сознании человека только в диалоге при автокоммуникации [55, с. 159–165] или коммуникации с другими [11, с. 17–32].

Еще один вариант анализа проблемы образа субъекта (человека) был представлен в работе Б. А. Еремеева [34]. Он рассмотрел образ человека с различных уровней методологического анализа, выделив в нем макроподход, мезоподход и микроподход (таблица 2).

Таблица 2 – Образ человека с позиции различных уровней методологического анализа (по Б. А. Еремееву, 2003)

Уровень методологии	Основания	Авторы
Макроподход	Образ в его связях и отношениях с различными условиями и обстоятельствами, породившей его ситуацией; о психике и не психике	Г. Гегель, И. М. Сеченов, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, Н. А. Бернштейн, П. Я. Гальперин, Д. И. Дубровский, В. П. Зинченко, С. Д. Смирнов, Б. Ф. Ломов с сотрудниками, В. С. Мерлин, Б. Г. Ананьев и др.
Мезоподход	В пределах психического различаются отдельные образования, прежде всего образы, которые связаны так или иначе друг с другом по различным основаниям	Э. Гуссерль, Л. С. Выготский и А. Р. Лурия, А. Н. Леонтьев, С. Д. Смирнов, Е. А. Климов, В. В. Петухов, Е. Ю. Артемьева, В. Ф. Петренко, А. Г. Шмелев, Ю. К. Стрелков и др.
Микроподход	Образ рассматривается изнутри, где выделяются его «компоненты»: элементы («единицы») и их связи, – а также раскрываются механизмы формирования целостности	Б. Г. Ананьев, Л. М. Веккер, Л. А. Венгер, Л. С. Выготский, В. А. Ганзен, М. Д. Дворяшина, Н. А. Кудрявцева, А. В. Запорожец, В. П. Зинченко, Б. Ф. Ломов, А. Р. Лурия, А. В. Ярмоленко и др.

На современном этапе один из вариантов обобщения проблемы образа-представления показала А. В. Шустова. Проанализировав труды отечественных и зарубежных авторов за последние 120 лет (конец XIX – первое 10-летие XXI в.), на основании использованных категориально-понятийного и историко-ретроспективного методов она заключила, что существует разнообразие понятий образа в категориальном пространстве.

Одновременно она указала на отличительные особенности зарубежной психологии в понимании феномена образа. Его сутью является обозначение четкой принадлежности образа к когнитивным процессам. Образ-представление определяется как средство решения перцептивных, мнестических и мыслительных задач.

В свою очередь преобразование категории образа в отечественной психологии в разные хронологические периоды, соответствующее становлению основных научных направлений, позволяет выделить несколько точек зрения на изучение образа как психологического феномена: как процесс, как продукт, как уровень психического отражения и как модель (представление о мире и репрезентации) [106].

В настоящее время в работе белорусского ученого Е. И. Сутович был проведен теоретический анализ подходов к исследованию образа человека в психологической науке и охарактеризован эмпирический уровень исследований образа человека в современной психологии [98, с. 72–78]. На этой основе она выделила несколько эмпирических этапов в процессе изучения образа человека. По ее мнению, первый этап связан с анализом содержательных и формальных характеристик взаимоотношений респондентов с людьми, образ которых они описывают. Второй этап Е. И. Сутович обозначает как «аналитический». Он заключается в определении возможности выбора среди методик той, с помощью которой могут быть решены исследовательские задачи, а также в потребности разработки новых и/или дополнительных методик исследования образа человека. Третий этап – «описательный», в нем выражается интерес ученых к отдельным процедурам. Вместе с тем она отдельно выделяет еще один подход к образу человека, так называемый «синтезированный». И в качестве примера приводятся подход В. Л. Ситникова и те исследования, которые были проведены под его руководством (таблица 3).

Таблица 3 – Эмпирический уровень исследований образа человека (по Е. И. Сутович, 2017)

Этапы	Характеристики	Авторы
Констатирующий	Связан с анализом содержательных и формальных характеристик взаимоотношений респондентов с людьми, образ которых ими описывается	А. А. Кроник, У. Джеймс, Ч. Кули, Дж. Мид, Г. Хайман, И. С. Кон, А. А. Бодалев и его ученики, Т. С. Табурова и др.

Аналитический	Заключается в определении возможности выбора той методики, с помощью которой могут быть решены исследовательские задачи, а также потребности разработки новых и/или дополнительных методик исследования образа человека	В. П. Серкин
Описательный	В нем выражается интерес ученых к отдельным «описательным» процедурам	С. А. Одинец, А. А. Хвостов, В. С. Атюнина, В. Н. Бурик, С. В. Липпо
Синтезированный	В нем представляются данные об иерархической структуре и содержании образов человека	В. Л. Ситников, С. И. Гусева (Кедич), И. Ю. Шилов, Н. В. Парнюк, А. А. Стреленко, Н. Б. Казначеева, А. В. Комарова, О. Б. Кононова и др.

Таким образом, по результатам проведенного анализа было установлено, что особенностью современного состояния в области изучения проблемы образа является отсутствие единства в определении исследовательских задач и методологических оснований. По мнению Е. И. Сутович, несмотря на то, что в Беларуси ведется научная работа по проблематике образа человека, все еще остаются открытыми вопросы по вычленению преобладающих факторов, обуславливающих потребность в разработке специальных методик. К ним относятся специфика общения и деятельности человека, образ которого описывается; каналы, по которым осуществляется передача информации и формы ее подачи; индивидуально-психологические и личностные особенности людей, у которых анализируемый образ формируется; наличие сторонних лиц, влияющих на процесс становления образа человека [98, с. 72–78].

Одной из важнейших проблем организации системы замещающих семей является обеспечение психологической безопасности приемных детей. Несомненно, семья – это важная микросреда интеллектуального, психического и морального развития ребенка. Однако социальное окружение ребенка может по-разному относиться к нему, от обогащения и конструктивного восприятия его как субъекта таких отношений до пренебрежения и деструктивного отражения его как объекта воздействия со стороны родителей. Именно в таком смысле социальная среда может способствовать не столько «излечению» психики от пагубного воздействия, сколько формированию патогенного влияния [94]. В этой связи нам близка позиция И. А. Боевой, которая отмечает, что в современном обществе существует четко определенная потребность в системе безопасности как для собственного сохранения и развития, так и для сохранения жизненно важных объектов и ценностей. В контексте психологической науки, которая продолжает исследовать проблему безопасности не только в отношениях с предметной средой,

но и применительно к социальному окружению, это означает поиск путей снижения уровня психологического насилия во взаимодействии с другими людьми [9; 10]. Именно насильственное взаимодействие в семье рассматривается как неблагополучие. Такое неблагополучие в семейном взаимодействии порождает негативные последствия, обуславливающие неадекватное восприятие ребенка.

Следует отметить, что проблема восприятия и познания другого человека в социальной психологии в Республике Беларусь поднималась неоднократно. В работе Н. В. Дроздовой был реализован тематический анализ и контент-анализ диссертационных исследований, выполненных отечественными психологами в период с 1960 по 1991 г. Теоретико-методологические факторы развития социальной психологии в Беларуси в изучаемый период сформировали специфику предмета психологии как науки, направление междисциплинарной дифференциации и междисциплинарной интеграции социальной и педагогической психологии, а также центральные и периферийные теории, которые, в свою очередь, определили содержание и структуру социально-психологических исследований [31, с. 47–52].

Одной из последних работ, выполненных в Республике Беларусь по проблеме социальной перцепции, стала кандидатская диссертация И. В. Павлова, в которой он устанавливал взаимосвязи между социально-перцептивным образом отца и образом «Я» у лиц раннего юношеского возраста из полных и неполных семей [67].

Психологическую структуру познания человека человеком, то есть субъективного воссоздания личностной реальности другого человека, составляют ощущение, восприятие и мышление – психические процессы, результатом которых является образ-представление о человеке. Образ-представление осознается как впечатление, затем вербализуется и переводящееся в понятия [67].

Таким образом, эволюция образа в отечественной психологии состоит в трансформации пространственного образа в перцептивные схемы, в значения, в символы. В последних усиливаются элементы абстрагирования от реальности и соответственно уменьшается удельный вес биодинамической и особенно чувственной ткани.

С одной стороны, образ дает возможность рассмотреть специфику процесса отражения психической организации человека на различных уровнях. А с другой стороны, образ, заключенный в сознание, – это совокупность взаимодействия человека с окружающим миром, которая раскрывает основные функции психики. Именно с позиции социального отражения нас будет интересовать проблема социально-перцептивных образов, образа себя и образа другого.

Выводы по главе 1

Проведенный теоретический анализ по изучению проблемы образа в психологии показал:

1. В зарубежной психологии складывались определенные предпосылки для познания категории психического образа, в частности образа предмета, рассматриваемого как сигнал, на основе которого зарождается и начинает функционировать рефлекс, а впоследствии и поведение человека. Вместе с тем в зарубежной психологии проблема образа рассматривалась как сенсорная основа мысли человека, как основа восприятия, как регулятор человеческого поведения, как выраженная экзистенция субъект-объектных и субъект-субъектных отношений.

2. В отечественной психологии проблема образа исследовалась с позиции теории отражения в соответствии с деятельностным, коммуникативным и системным подходами. До сих пор остается актуальным ее многообразное понимание. Эволюция образа в отечественной психологии состоит в трансформации пространственного образа в перцептивные схемы, в значения, в символы. В последних усиливаются элементы абстрагирования от реальности и соответственно уменьшается удельный вес биодинамической и особенно чувственной ткани. С одной стороны, образ дает возможность рассмотреть специфику процесса отражения психической организации человека на различных уровнях. А с другой стороны, образ, заключенный в сознание, – это совокупность взаимодействия человека с окружающим миром, которая раскрывает основные функции психики.

3. Психический образ – универсальная категория, которая может характеризовать как чувственный компонент предмета, формируемый с помощью сенсорных органов, так и абстрактный, комплексный по содержанию, – образ науки, образ жизни, образ матери, образ отца, образ ребенка.

ГЛАВА 2

СОЦИАЛЬНО-ПЕРЦЕПТИВНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ РОДИТЕЛЬСКО-ДЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ

2.1 Социально-перцептивный образ ребенка как субъекта и объекта отношений

В отечественной психологии, занимающейся изучением детской психики, в прошлом отмечается немало работ по исследованию особенностей развития познавательных процессов у детей, представлений детей об окружающем мире, в том числе о других людях, что отражено в трудах ученых-психологов: П. П. Блонского [15], Л. И. Божович [17], Л. С. Выготского [22], В. В. Давыдова [28], А. В. Запорожца [36], В. С. Мухиной [61], М. И. Лисиной [53], А. А. Люблинской [56], Е. Ф. Рыбалко [20], Д. Б. Эльконина [107] и др.

Большой вклад в психологию развития внесли многие видные советские ученые – Л. С. Выготский, Б. Г. Ананьев, А. Н. Леонтьев, А. В. Запорожец, В. Н. Мясищев, П. Я. Гальперин, Л. И. Божович и др. Глубоко изучены познавательные процессы и их развитие в детстве (Л. С. Выготский, А. В. Запорожец, Н. Н. Поддьяков, В. В. Давыдов, Л. А. Венгер), мотивация и ее формирование у ребенка (Л. И. Божович), ход развития социальной перцепции (А. А. Бодалев), моральное развитие детей (Е. В. Субботский, С. Г. Якобсон), сензитивные и критические периоды в развитии (А. В. Запорожец, Д. Б. Эльконин, Н. С. Лейтес), роль коллектива и взаимоотношений в нем для развития детей (А. В. Петровский, Я. Л. Коломинский), влияние общения с матерью на развитие ребенка (М. И. Лисина) и многое другое.

Отдельно можно выделить тех авторов, работы которых были посвящены изучению проблемы социальной перцепции: Г. М. Андрееву, А. А. Бодалева, В. А. Лабунскую, С. В. Кондратьеву, В. Н. Куницыну, В. А. Панферова, Л. А. Петровскую, А. А. Реана и др.

На современном этапе особо выделяются труды В. Л. Ситникова и работы его учеников. Так, например, И. Ю. Шилов изучал проблему полоролевых образов и гендерную идентичность в сознании старшеклассников, обучающихся в образовательных учреждениях разного типа (2000); С. И. Кедич (Гусева) исследовала образ математически одаренного ученика в сознании педагога (2000); Н. С. Бар устанавливала динамику образов ребенка в сознании студентов средних специальных учебных заведений различного профиля (2004); А. А. Стреленко проводила исследование по социально-перцептивным образам подростков и взрослых, переживших сексуальное насилие (2004); А. В. Комарова изучала образ лживого чело-

века в сознании школьников и студентов (2006); Л. И. Доева определяла образ супруга в сознании мужчин и женщин Республики Северная Осетия-Алания (2017) и др.

Важно заметить, что проблеме восприятия родителями своих детей посвящено немало работ и в зарубежной психологии, например, проводившиеся исследования в области диспозиционного подхода.

В этой связи полученные результаты позволяют ученым сделать предварительные выводы о том, что человек как объект познания существенно отличается от всех других объектов познания: предметов, природных явлений, биологических объектов, технических конструкций и т.д., – поэтому познание человека нельзя отождествлять с познанием предмета. По сравнению с предметным познанием межличностное познание человека характеризуется такими особенностями, как повышенная сложность, диалогичность, наличие специфических механизмов, меньшая точность, возможность использования особых источников информации, психологическое содержание, условия возникновения и развития, наличие специфических функций и т.д. [81, с. 49–56].

Однако имеющиеся знания в области межличностного познания не решают многих проблем современности. Например, до сих пор нет ответа на вопрос о механизмах отражения приемного ребенка в сознании замещающих родителей, как и о социально-перцептивных предикторах, лежащих в основе выстраивания отношений в приемных семьях.

В продолжение этой мысли Ю. В. Евстратова, ссылаясь на исследования В. Н. Ослон [66, с. 14] и А. В. Разумовой [78], заключает, что многие аспекты межличностного познания родителями детей остаются малоизученными, притом, что представления родителей о ребенке являются внутренней (ориентировочной) основой взаимодействия с ним и его воспитания [33, с. 140–144].

В психологии часто восприятие человека другим человеком обозначают термином «социальная перцепция». Восприятие другого человека означает восприятие его внешних признаков, соотнесение их с личностными характеристиками воспринимаемого индивида и интерпретацию на этой основе его поступков. По мнению Г. М. Андреевой, для человека социальное познание – это вопрос о том, как он выстраивает образ социального мира или как он «конструирует» социальный мир. Причем под «конструированием» понимается систематизация информации о мире, организация этой информации в связные структуры с целью постижения ее смысла. Результатом такого изучения является построение образа социального мира, который возникает перед человеком как определенная социальная реальность [6, с. 7].

Восприятие образа зависит от многих характеристик. Так, А. В. Комарова с учетом на позиции В. А. Панферова подчеркивает, что результат процессов познания человека человеком есть социально-психологический образ, который включает определение характера, темпе-

раamenta, потребностей, социального статуса и общественных ролей, видов деятельности и поведения, а также способностей [46].

Именно способности, позволяющие человеку чувствовать и понимать другого, устанавливать контакты и взаимоотношения, относятся к числу социально-перцептивных. Социально-перцептивная способность как сложная система структурируется следующим образом: способность понимать психологические свойства и качества человека; способность к опознанию эмоциональных состояний другого человека по выражению лица; способность устанавливать связь между вербальными и невербальными компонентами поведения человека и определять на этой основе его психические свойства и состояния; способность к пониманию отношений, сложившихся между людьми; способность человека видеть качества, свойства людей, имеющих к нему различное отношение. Социально-перцептивный процесс имеет две стороны: субъективную (субъект восприятия – человек, который воспринимает) и объективную (объект восприятия – человек, которого воспринимают) [49; 86, с. 110].

Как отмечает В. А. Барабанщиков, в рамках социальной системы субъект предстает как воспринимающая мир личность. И именно здесь появляется один из узловых моментов – это отношения между людьми. Исключительного развития достигает коммуникативная функция, а взаимодействие человека с миром подчиняется законам общественной жизни [12, с. 57–72]. Восприятие мира опосредуется знаковыми системами, деятельностью, культурой в целом и включает в себя символическое содержание. Особое значение начинают играть не столько поиск и прием полезной информации, сколько ее интерпретация – включение в смысловые конструкции или семантические поля воспринимающего [69; 70, с. 3–23].

Помимо индивидуального субъекта в психологии выделяется групповой субъект. Так, принимая ценности, нормы и интересы референтной группы, индивид воспринимает и себя, и мир «глазами» коллективного субъекта. Чувственное восприятие человека представляется как результат его исторического развития, влияния социокультурных детерминант. Поэтому, заключает В. А. Барабанщиков, вопрос о том, как социальное и культурно-историческое входит в содержание чувственного восприятия и определяет его течение, оказывается не менее значимым, чем вопрос о механизмах превращения энергетического воздействия на органы чувств в «факт сознания» [12, с. 57–72].

В свое время А. А. Бодалев утверждал, что чувственный образ, являющийся первой ступенью познания, формируется как процесс построения изображения. Образ человека как образ восприятия представляет собой совокупность элементов, находящихся в определенном соотношении с совокупностью элементов, составляющих облик отражаемого человека [16, с. 138].

Образ есть отражение реальности в сознании человека. В свою очередь «сознание, т.е. осознание объективной реальности, начинается там,

где появляется образ» (С. Л. Рубинштейн). Известно, что в психологии восприятия образ является продуктом перцептивного процесса и выступает в качестве чувственной формы психического явления, которая имеет свои характеристики, пространственную организацию и временную динамику. Несмотря на более чем вековые разработки в психологии восприятия, категория образа является сложной темой для исследования. Дело в том, как говорилось ранее, психический образ – это универсальная категория, которая характеризует как чувственный компонент предмета, так и абстрактный, комплексный по содержанию, – например, образ ребенка [86; 92].

Следовательно, образ ребенка как социально-перцептивный образ проистекает не только на сенсорно-перцептивном и уровне представлений, но и на вербально-логическом уровне. Вербально-логическое мышление, в отличие от первых двух, относящихся к образному отражению и чувственному познанию, – уровень рационального познания, а также понятийного отражения. Исследователи считают, что существует три уровня воспринимаемого образа, основанных на сферах бытия человека, таких как: физическая, биологическая и социальная системы [54]. На основании указанных систем были определены биологический, психологический, социальный уровни воспринимаемого образа. Так, биологический уровень предполагает восприятие пола, возраста, состояния здоровья, физических данных, конституции, темперамента. Психологический уровень подразумевает анализ таких понятий, как характер, воля, интеллект, эмоциональное состояние. Социальный – включает в себя слухи, сплетни, какую-то информацию, ставшую известной по различным социальным источникам [86].

До сих пор изучение категории образа ребенка как социально-перцептивного предиктора, регулирующего родительно-детские отношения, не ограничивается рамками одной психологии, она проходит сквозь другие науки и обнаруживается в искусстве, религии и иных сферах общественного сознания, т.е. становится междисциплинарной.

Так, долгое время ребенок рассматривался как объект воздействия со стороны взрослых людей. Углубляясь в историю, мы находим большое количество примеров неадекватного, а порой и жестокого отношения взрослых к детям. Так, например, во времена Древней Греции и Рима детей приносили в жертву ритуально, их сжигали на костре, в случае неполноценности выгоняли; иногда дети были орудием кровавой мести. Права матерей о заботе и защите своего потомства не признавались. В средневековой жизни ребенка также ничего не стоила. Довольно широко было распространено инфантицид (детоубийство). Духовенство влияло на позиции по отношению к ребенку и его внутренней жизни, ребенка могли отлучить от матери, рассматривая как нежелательный результат половых отношений. Детей избивали за малейшую провинность, чтобы «изгнать дьявола», называя «одержимыми». Телесные наказания, заброшенность детей, про-

даже их в рабство или крепостную зависимость находят свое отражение в истории многих стран [65, с. 16].

В эпоху Возрождения семейное функционирование приобретает более зрелые формы – родители лишились патриархального права на жизнь и смерть своего ребенка. Дети уже стали распознаваться как личности, а не только как подобие взрослых; родители стали уделять внимание образованию своих детей. Вместе с тем в семьях подчеркивались альтернативные дисциплинарные воздействия – проявления любви и собственный пример, а не только принуждение, страх и физические наказания. Однако и в данную эпоху еще не упоминалось о последствиях, к которым могли привести действия взрослых.

Даже в XVIII и XIX вв. в Европе детей отдавали в зависимость в работные дома. В своем исследовании о положении рабочего класса в Англии Ф. Энгельс, ссылаясь на отчет комиссии, созданной английским парламентом в 1833 году для обследования условий труда на фабриках, писал: «Дети иногда начинали работать с пятилетнего возраста, нередко с шестилетнего, еще чаще с семилетнего, но почти все дети неимущих родителей работали с восьмилетнего возраста; рабочее время у них продолжалось 14–16 часов» [65, с. 15].

Рассматривая ситуацию родительско-детских отношений в колониальной Америке, следует отметить, что от детей требовалось аналогичное – повиновение и покорность. Строгие правила поведения устанавливались для них в соответствии с господством гедонизма. Однако за всеми этими строгостями не было теплоты и нежности. Существовал обычай нанимать кормилицу, чтобы не заботиться о грудных детях и младенцах, что называлось «сдать в аренду». Практика «аренды» детей сохранялась в США до середины XX столетия [65, с. 17].

Исследования, проведенные в области изобразительного искусства, приводят к выводу, что вплоть до XIII века искусство не обращалось к детям, художники даже не пытались их изображать, детские образы в живописи XII века встречаются лишь в религиозно-аллегорических сюжетах. Слово «ребенок» долго не имело того точного значения, которое придается ему сейчас. Детство считалось периодом быстро проходящим и малоценным. Безразличие по отношению к детству, по мнению Ф. Арьеса, было прямым следствием демографической ситуации того времени, отличавшейся высокой рождаемостью и большой детской смертностью.

Лишь в XVI в. календарная иконография как один из элементов искусства претерпит последнее изменение – станет семейной. Такой она станет по причине потребности в интимной, если еще не семейной жизни и символики – человеческого возраста. Художников того времени перестали устраивать изображения только зрелого и старческого возрастов. Поэтому живописцы обратились к изображению трех возрастов – ребенка, юноши (где чаще изображалась пара) и старика. Тогда же в XVI в. появилось иное

видение, символизировавшее продолжительность жизни через возрастную иерархию в семье [8, с. 341–351].

Что касается проблемы представлений взрослых о детях в России до XIX в., то именно до этого периода практически отмечается скудность информации. Сведения о детстве, об отношении к детям и о представлениях о возрастных особенностях детей начинают встречаться в различных текстах лишь в Средние века и имеют свои особенности. Ссылаясь на исследования, проведенные Г. Г. Филлиповой и Е. В. Василенко, можно отметить, что в этот исторический период в сознании взрослых дети уже делились по половым и возрастным особенностям. Но вместе с тем ребенок до 3 лет считался существом среднего рода, что, с одной стороны, обозначало отсутствие дифференциации по половому признаку, а с другой стороны, свидетельствовало о представлении о нем как о бесчувственном объекте. Правда, уже в 15 лет, когда современные дети воспринимаются еще подростками, средневековый юноша на Руси считался взрослым, способным выполнять все виды работы и иметь семью. Однако в этом возрасте молодые люди, как правило, жили с родителями и не несли материальной, хозяйственной и социальной ответственности [100, с. 277–286]. Таково отражение времени. Ссылаясь на исследования М. Мид, Г. Г. Филлипова и Е. В. Василенко отмечают факт зависимости этапов развития ребенка от культурной среды [100, с. 277–286].

Мы не нашли столь исчерпывающей информации о восприятии взрослыми своих детей в прошлом на территории нынешней Республики Беларусь. Поэтому в отношении исторического прошлого нашей страны можно лишь предположить, что восприятие ребенка взрослыми проходило по тому же пути, по которому развивалось само общество. Так, до периода вхождения Беларуси в состав Российской империи восприятие ребенка было обусловлено влиянием идей Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой. В этот исторический период государство начало проявлять заботу о детях. Так, в 1588 году отмечалось опекуновское право, которое было неизменным, и многие концептуальные положения правового документа сохранились не только в дореволюционном, но и в советском семейном праве [91, с. 5].

К тому же в конце XVIII – начале XIX в. уже в составе Российской империи на территории Беларуси использовалась форма патронатного воспитания для осиротевших детей. Например, минский приют для отказных детей и подкидышей, открывшийся в 1894 году, практиковал передачу детей на вскармливание и воспитание в приемные семьи, сохраняя собственную ответственность за судьбы детей [91, с. 6].

Переход от восприятия ребенка как объекта воздействия к восприятию ребенка как субъекта собственного развития происходил постепенно и затрагивал многие сферы общественного сознания. Здесь невозможно не отметить опубликованную работу Ф. Арьеса «Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке» (1960), которая явилась толчком для изучения исто-

рических изменений в жизни детей, а следовательно, и сложившегося, основанного на многовековой истории существования человеческого общества, образа ребенка, изначально сформировавшегося как образа-жертвы, мир для которого казался враждебным.

Однако в XX столетии ситуация меняется. Проводя анализ по проблеме детства в раннем творчестве В. В. Зеньковского, Е. В. Суворкина утверждает, что XX век – это век ребенка. Известный русский богослов, психолог, педагог, религиозный философ В. В. Зеньковский еще в 1916 г. подметил, что интерес к детству особенно возрос. Именно тогда он призвал отказаться от «упрощенного отношения» к детям. Но и сегодня спустя столетие взрослые все так же пренебрегают этим советом. Имеющая место позиция современности, что ребенок занимается несерьезными делами: играми, словотворчеством и т.п., поэтому не заслуживает ни внимания, ни тем более изучения, – встречается и в наше время [97, с. 234–239].

Мнение, что младенцы и дети – всего лишь нечувствительная движимость, объект воздействия в современном мире, сохраняет свою актуальность. Некоторые люди до сих пор верят, что дети не способны чувствовать или запоминать плохое обращение с ними. К сожалению, подобная позиция отмирает сегодня с трудом: свидетельство тому – распространенность конфликтного, насильственного взаимодействия с детьми, причина которого может лежать в неадекватно сформированном образе ребенка в сознании родителей.

Образ ребенка, по мнению В. Л. Ситникова, – это целостная совокупность житейских и научных представлений о ребенке, комплекс социальных установок на ребенка, формирующихся в сознании человека и актуализирующихся в процессе изучения ребенка и взаимодействия с ним. В сознании людей существуют различные типы и виды собирательных, «абстрактных» и конкретных (реальных) образов ребенка. Эти образы отражают специфику социальной перцепции и находятся в динамическом взаимодействии [86]. По убеждению В. Л. Ситникова, образ ребенка в сознании матери будет отличаться от образа того же ребенка в сознании отца, педагога, постороннего человека или другого ребенка. Ребенок же – это, прежде всего, человек, находящийся в стадии интенсивного развития, в сознании каждого человека: ребенка или взрослого. Образ ребенка – это еще и вариант социально-перцептивных образов, под которыми понимается отражение в сознании человека образов других людей и самого себя как члена человеческого сообщества. Они могут отражать как наиболее значимые и существенные характеристики, так и поверхностные, несущественные, ситуативные, а порой и просто случайные [92]. Образ ребенка может отражать и сам ребенок. Такой образ принято называть Я-образом ребенка. В само понятие «образ ребенка» входит и художественный образ, и Я-образ, и образ сверстника, и образ-перспектива, и образ-ретроспектива;

образы «реальных» и «абстрактных» детей представляются в формах образа-идеи, а также образа-роли [86, с. 56–57].

Как отмечал А. Н. Леонтьев, проблема соотношения первичного и репрезентативного образа давно исследуется в психологии восприятия. Одним из первых, кто обратил внимание на данную особенность, был Иоганн Герbart, который разработал понятие апперцепции, предложенное Г. Лейбницем. По мнению автора, апперцепция трактовалась как переход содержания из бессознательного в область осознанного. Благодаря этому процессу становится возможным самосознание [50]. В теме нашего исследования указанный вопрос можно рассматривать с позиции образа ребенка как субъекта и образа его Я.

В свое время С. Л. Рубинштейн характеризовал субъект как способ реализации человеком своей человеческой сущности в мире. Это определение предполагало качество субъекта как детерминанты осуществляемых им изменений в мире (активность), его способность к самостоятельности, самодетерминации (саморегуляции, самоорганизации) и самосовершенствованию [1, с. 13–27].

Также под субъективными параметрами субъекта понимаются индивидуально-психические особенности носителя образов, такие как особенности его познавательной, эмоциональной, мотивационно-волевой сферы, различные личностные характеристики.

По мнению В. Л. Ситникова, можно выделить три типа факторов, влияющих на формирование субъективных параметров: общение с детьми; общение со взрослыми, связанное с детством; не связанная с детьми деятельность, определяющая развитие личности.

Каждая из этих групп факторов формируется в двух периодах: в детстве и зрелом возрасте. Выделение двух периодов обусловлено естественной возрастной специфичностью формирования параметров, определяющих вариативность образов ребенка. Причем влияние первого периода на последующий оказывается, как правило, ключевым, о чем убедительнейшим образом свидетельствуют работы Е. В. Сидоренко [84; 85].

В итоге можно выделить шесть основных групп факторов, влияющих на формирование субъективных параметров:

1. Индивидуальный жизненный опыт детства.

1.1. Опыт взаимодействия со взрослыми:

- наличие родителей и прародителей, их статус, взаимоотношения с ними;
- отношения и опыт взаимодействия: с педагогами, со знакомыми и незнакомыми взрослыми;
- стиль воспитания в семье, детском саду, школе;
- включенность в совместную со взрослыми деятельность;
- разнообразие видов совместной деятельности (игра, отдых, труд, учеба) и их конкретных форм.

1.2. Опыт взаимодействия с детьми:

- наличие, количество, пол и возраст сиблингов и кузенов, взаимоотношения с ними;
- отношения, опыт и разнообразие взаимодействия со сверстниками, старшими и младшими детьми.

1.3. Опыт самостоятельной деятельности в детстве:

- эмоциональный опыт: эмоции и чувства, их спектр, модальность, глубина переживаний;
- конативный опыт: навыки и привычки, любимые и нелюбимые занятия (в том числе уроки), интересы и увлечения, их объем, устойчивость, качество и вариативность;
- когнитивный опыт: знания и умения, их широта, полнота, точность, значимость;
- креативный опыт: способности и успехи, их разнообразие, интенсивность, продолжительность и значительность.

2. Индивидуальный жизненный опыт зрелого возраста.

2.1. Опыт общения с детьми:

- житейский опыт: его истоки, продолжительность, разнообразие, эмоциональная насыщенность, осознанность;
- профессиональный опыт: психолого-педагогические знания, умения и навыки, профессиональная креативность и педагогические способности;
- мотивационная направленность: усталость или энтузиазм, желание или нежелание общаться с детьми;
- модальность эмоций: преобладание мажорных или минорных тонов в процессе взаимодействия с детьми, интенсивность переживаний и чувств.

2.2. Опыт общения со взрослыми по поводу детей:

- включает те же параметры, что в п. 2.1, но опосредованные взаимодействием со взрослыми (коллегами, родителями, администрацией, общественностью, посторонними).

2.3. Опыт самостоятельной деятельности в зрелости – включает те же параметры, что в п. 1.2, но имеется в виду опыт, получаемый в зрелом возрасте.

Выделенное многообразие и ситуативность субъективных и объективных параметров, влияющих на конкретное содержание актуализируемых и неосознаваемых образов, по мнению В. Л. Ситникова, существенно осложняют возможности целенаправленного формирования и коррекции целостных представлений о детях [86].

В то же время отмечаются такие исследования, где образ ребенка анализировался с позиции будущего. Так, А. А. Смирновой и Е. П. Черновой было выделено три типа образов будущего ребенка – «реальный», «идеализированный» и «несформированный». «Реальный» образ будущего

ребенка характеризуется достаточной сформированностью, добротой, честностью, порядочностью, самостоятельностью. Образ будущего ребенка, отнесенный к типу «идеализированный», основывается на идеальных представлениях о ребенке, положительных чувствах и переживаниях, связанных с ним. «Несформированный» тип образа будущего ребенка наблюдается у родителей, обладающих отстраненным отношением к ребенку и не принимающих роль родителя. В описаниях образа ребенка деятельность родителей больше связана с развлечениями и играми с ним, на первый план выходят эмоции и чувства взрослого [цит. по: 86].

Уже неоднократно упоминались разнообразные исследования представлений взрослых о детях, но фактически никем из психологов не изучался целостный образ ребенка, складывающийся в сознании родителей.

Так, до сих пор остается открытым вопрос о содержании, механизмах функционирования образа ребенка в семейном сознании [39, с. 231–240]. Практически нет исследований о взаимосвязях образов детей с личностными особенностями их родителей и со спецификой отношения к ребенку.

Как показывают исследования, проведенные под руководством В. Л. Ситникова, формирование социально-перцептивных образов других людей достаточно тесно связано с собственным Я-образом человека, являющимся неотъемлемым компонентом его сознания. Этому тезису мы находим подтверждение и в других научных работах, например, у А. Д. Андреевой [5, с. 11], С. М. Петровой [72, с. 182–190].

Как отмечает В. Л. Ситников, образ ребенка существует в сознании различных групп людей. Для краткого уточнения того, какой образ имеется в виду, можно использовать ряд аббревиатур, предложенных ученым: ОРСВ – образ ребенка в сознании взрослых; ОРСМ – образ ребенка в сознании матери; ОРСО – образ ребенка в сознании отца; ОРСП – образ ребенка в сознании педагога; ОРСП – образ ребенка в сознании ребенка.

Этот список можно дополнить такими вариантами, как образ реального или абстрактного ребенка в сознании взрослых; образ ребенка в сознании родителей в прошлом, настоящем и будущем; образ биологического и образ приемного ребенка.

Под образом ребенка понимаются целостная совокупность житейских и научных представлений о ребенке, комплекс социальных установок на ребенка, формирующихся в сознании человека и репрезентирующихся в процессе изучения ребенка и взаимодействия с ним [86; 92].

Вслед за В. Л. Ситниковым мы понимаем, что ребенок – это прежде всего человек (находящийся в стадии интенсивного развития). В сознании каждого человека: ребенка или взрослого (включая родителей, педагогов и любых других взрослых, в сознании которых актуализируется образ ребенка) – можно выделить ряд основных видов понятия «образ ребенка», соответствующих основным видам понятия «образ человека». В эту схему мы вводим особенности социальной ситуации развития ребенка, в которой

будет отражена система представлений ребенка о себе, о сверстниках, о взрослых, в том числе о близких взрослых.

Так, мы определяем две системы. Первая – это система представлений «образ ребенка–образ общественного другого». Особенностью такой системы является то, что образ ребенка будет формироваться посредством общения с другими взрослыми, детьми, через наблюдение за отношениями взрослого и ребенка благодаря установлению персональной (45–120 см) или, что чаще, социальной дистанции (120–400 см) [102, с. 51], а зачастую и опосредованно (например, через художественную литературу, сайты сети Интернет, знакомых или малознакомых других детей и взрослых). Результатом подобного познания будет являться формирующаяся Он-концепция, рассматриваемая как система устойчивых представлений о Другом.

Вторая система – «образ ребенка–образ близкого другого (например, родителя и сверстника)». Ее особенностью является то, что образ ребенка будет формироваться посредством общения с другими взрослыми, детьми, через наблюдение за отношениями взрослого и ребенка в процессе установления персональной дистанции (45–120 см), а также через общение с самим собой, с близкими взрослыми, с детьми-сверстниками (друзьями) благодаря установлению интимной (0–45 см) дистанции. Результатом указанного познания будет являться формирующаяся Я-концепция, рассматриваемая как система устойчивых представлений о себе. По сравнению с образами первой системы представлений образы второй системы из-за близости объекта восприятия и частого контактирования с ним, формирующиеся образы будут более четкими и константными.

Так, в эти системы могут быть вписаны различные образы, имеющие свое развитие на всем жизненном пути человека.

Первая система – «образ ребенка–образ общественного другого (общество)», система представлений объективного предметного содержания совместной деятельности и общения, отражающая более отдаленные отношения ребенка к обществу [40, с. 73–82]:

- художественный и литературный образ ребенка (отражение ребенка в произведениях искусства);
- Он-образ ребенка и взрослого (например, в отношениях учитель–ученик);
- обобщенный (абстрактный) – образ ребенка.

Вторая система – «образ ребенка – образ близкого другого (например, родителя и сверстника)», система представлений, отражающая индивидуально-личностные, развивающиеся ближайшие отношения [40, с. 73–82]:

- Я-образ (Я-образ ребенка или образ взрослого в детстве);
- образ сверстника (Ты-образ сверстника реального ребенка или Ты-образ взрослого в его детстве);
- образ-ретроспектива (Ты-образ младшего ребенка);
- образ-перспектива (Ты-образ старшего ребенка).

Следовательно, системы выстраиваются относительно друг друга как центр и периферия, где в первой системе в большей степени будут отражаться эталонные образы или образы-эталоны [92], а во второй – конкретные образы-отражения [86]. Причем в зависимости от ситуации центр и периферия могут меняться местами.

Вместе с тем, разделяя позицию В. Л. Ситникова, мы считаем, что оба эти типа образов могут строиться по различным схемам: проекции (прямой или обратной Я-образу человека, отражающему образ ребенка); стереотипа; установки; аттитюда; атрибуции.

Однако, по сравнению с позицией В. Л. Ситникова, мы критично относимся к таким вариантам образов, как образ-атрибуция, образ-проекция, образ-установка, образ-стереотип, образ-аттитюд. Скорее их можно рассматривать не как образы, а как механизмы, по которым будут формироваться детские образы в сознании взрослых. Более того, образ ребенка актуализируется под воздействием определенных условий, например, при непосредственном общении с ним.

Таким образом, все обозначенные образы могут отражать как целостную идею ребенка, так и его наиболее существенную в конкретной ситуации роль, т.е. образ любого (реального или абстрактного) ребенка может отображаться в двух формах: и как образ-идея, и как образ-роль.

Систему образов ребенка можно оформить в виде схемы, изображенной на рисунке 2.

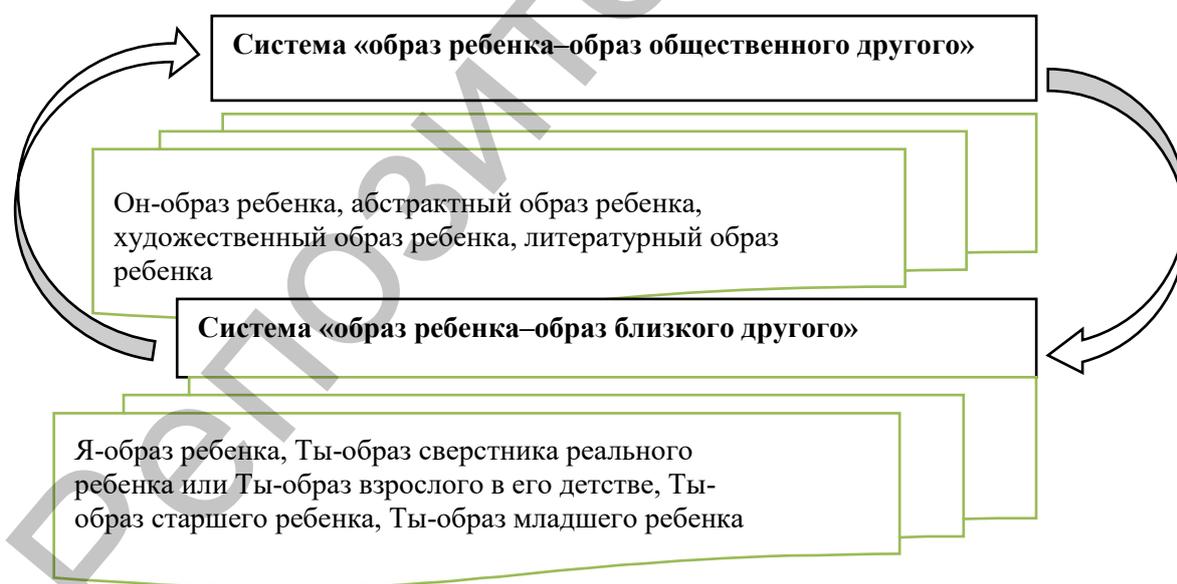

Рисунок 2 – Системы представлений, активизирующие различные образы детей

Как отмечает В. Л. Ситников, обобщенный образ гипотетического, собирательного, «абстрактного» ребенка – это некая имплицитная модель, в которой собираются, проецируются основные представления о детях.

По нашему мнению, такой обобщенный образ будет актуализироваться в большей степени при реализации системы «образ ребенка – образ общественного другого». Его можно назвать образом-эталонном. Подобных моделей может быть практически неограниченно много как в сознании разных людей, так и в сознании одного человека. Более того, в виде такого обобщенного образа-эталона может являться и одна из разновидностей Я-образа ребенка, выступающая в роли ситуативного образа субъективной идеи собственного Я. Такие образы можно назвать эталонным образом-идеей [86].

В систему «образ ребенка–образ общественного другого» как наиболее значимые разновидности обобщенных образов включены и образы «идеальных» представителей той или иной группы, тех, в которых соединяются все лучшие (или худшие) черты, например: «хороший ребенок» («плохой ребенок»), «отличник» («двоечник») и т.п. По мнению В. Л. Ситникова, это такие эталонные образы-роли, с которыми постоянно сравнивают реальных, конкретных детей.

К системе «образ ребенка–образ близкого другого» относятся образы конкретного, реального ребенка, которые можно назвать образами-отражениями. Таких образов также может быть достаточно много, так как, с одной стороны, один и тот же ребенок отражается разными людьми, а с другой – в различных конкретных ситуациях даже одним человеком отражаются разные черты одного и того же конкретного ребенка. Кроме того, этот образ-отражение может передавать образ реального ребенка в обобщенном виде, т.е. это некий образ-идея данного ребенка (какой он вообще). А может отражать более конкретные роли, в которых выступает этот ребенок: дочь, сын, товарищ и прочие, – т.е. некий образ-роль конкретного ребенка.

Как отмечает В. Л. Ситников, одной из важнейших разновидностей образов-отражений являются образы-ориентиры. Они отражают тех конкретных людей, с которыми человек себя сравнивает для того, чтобы точнее осознавать самого себя и то, каким хотелось или, наоборот, не хотелось бы быть [86].

Под воздействием социального опыта актуализируется тот или иной образ ребенка в сознании взрослого, и чем богаче опыт взаимодействия взрослого с детьми, тем разнообразнее и устойчивее становится их система представлений о детях.

Одновременно довольно часто образ ребенка и «образ-обобщение», и «образ-отражение» формируется по принципу проекции. В. Л. Ситников называет такой образ образом-проекцией, который имеет разновидности. Так, при прямой проекции образ отражаемого ребенка по своей структуре практически идентичен Я-образу отражающего человека, а при обратной – образ отражаемого ребенка по своей структуре практически противоположен Я-образу отражающего человека.

Кроме того, нередко образы ребенка бывают не связаны с Я-образом субъекта, актуализирующего эти образы. В этих случаях образы ребенка

(как «образ-обобщение», так и «образ-отражение») могут формироваться по другим схемам: стереотипа, установки, социально-психологического аттитюда или каузальной атрибуции [86].

Один и тот же человек может формировать различные образы ребенка по одной и той же схеме или, в зависимости от личностных особенностей и от ситуации, по всем пяти типичным схемам возникновения образа ребенка. При этом все типичные схемы (кроме установки) могут реализовываться как неосознанно, так и осознанно. Установка бессознательна по определению, а остальные схемы (включая проекцию) осознаются, как правило, лишь при необходимости, в результате тех или иных усилий, направленных на познание ребенка, с целью решения конкретных коммуникативных, образовательных и др. задач.

Образ ребенка может отражать и сам ребенок, кроме того, взрослый может отражать свой собственный образ того, каким он сам был в детстве. Такие образы принято называть Я-образом или в данном случае правильнее сказать Я-ребенок [92]. По нашему мнению, такие образы в большей степени будут относиться к системе представлений «образ ребенка–образ близкого другого», т.к. общение скорее всего будет выстраиваться через интимную пространственную зону [102]. Как убежден В. Л. Ситников, этих образов также может быть значительное количество в зависимости от ситуации актуализации образа или от возраста, в случаях представления образа «Я-ребенок» с опорой на память («Я-в прошлом» – у детей и взрослых) или на воображение («Я-в будущем» – у детей) [86].

Если сравнивать сами образы как элементы двух обозначенных систем представлений, то важно, что между ними есть как более конкретные, так и менее принципиальные различия. Так, например, между Я-образом ребенка и художественным образом ребенка умозрительно отмечается принципиальное различие, а вот по таким образам, как образ-отражение и образ-роль, различия будут менее выраженными. Следовательно, чем больше обобщен образ-ребенка, тем в большей степени он отражает социальную систему, т.е. общество.

Помимо субъективных параметров, влияющих на возникновение тех или иных образов детей в сознании взрослых, можно выделить объективные параметры.

Вслед за В. Л. Ситниковым под объективными параметрами мы понимаем сложившиеся формализованные, стабильные характеристики субъекта, продуцирующего образ ребенка.

К таким объективным параметрам можно отнести социальную роль и положение во взаимодействии по отношению к детям вообще и конкретному ребенку в частности (родитель, близкий или дальний родственник, знакомый, посторонний и др.); пол; возраст; общую культуру, включая национальные и региональные особенности; семейное положение; образо-

вание; наличие собственных детей; стаж работы; место проживания (страна, регион, город, рабочий поселок или сельская местность).

По мере взросления ребенка и становления его личности как «ансамбля отношений» (В. Н. Мясищев) в социально-перцептивном процессе можно отдельно выделить детские образы, регулирующие отношения в субъект-объектном и субъект-субъектном взаимодействии.

По мнению В. Л. Ситникова, характеристика образа ребенка дает возможность выявить отношение к ребенку как к объекту воздействия либо как к субъекту развития.

Ссылаясь на свои исследования, проведенные с разными категориями педагогов, В. Л. Ситников выделяет четыре основных типа характеристик детей, отражающих варианты образа ребенка, отображаемые его окружением и представляющих ребенка как: а) «объект»; б) «субъект»; в) «субъектный объект»; г) «объектный субъект».

Образ ребенка, доминирующий в сознании взрослых, по его мнению, и устанавливает доминирующий стиль их взаимодействия с ребенком. Следовательно, определение типа образа ребенка позволяет косвенно выявить характерный для взрослого стиль взаимодействия с ребенком. Так, ребенок-«объект» – директивный стиль; ребенок-«субъект» – демократический стиль; ребенок-«субъектный объект» – патисипативный стиль; ребенок-«объектный субъект» – попустительский стиль.

Вместе с тем каждый тип образа ребенка имеет различные вариации [86].

В нашем представлении дифференциация образов ребенка может быть представлена в следующем виде:

- «образ объектного ребенка» – отвержение;
- «образ субъектного ребенка» – принятие;
- «образ субъект-объектного ребенка» или «образ объект-субъектного ребенка» – амбивалентность.

В этой модели мы в первую очередь учитывали отношение родителя к ребенку, которое составляет основу социальной ситуации развития на каждом возрастном этапе и является предиктором образа межличностных отношений.

2.2. Проблема типологии социально-перцептивных образов ребенка как фактора детерминации родительско-детских отношений

Родительско-детские отношения складываются совершенно иным образом в отличие от других видов межличностного общения: они более близкие, насыщенные и начинаются с первых дней жизни человека, т.к. семья оказывается первым институтом социализации ребенка.

Сущность понятия «детско-родительские или родительско-детские отношения» в психолого-педагогической литературе однозначно не определена. Во-первых, оно представляется как подструктура семейных отношений, которая включает в себя взаимосвязанные, но неравнозначные отношения: родителей к ребенку – родительское (материнское и отцовское) отношение; отношение ребенка к родителям. Например, А. Я. Варга и Т. С. Драбкина «родительские отношения» определяют как систему разнообразных чувств к ребенку, поведенческих стереотипов, практикуемых в общении с ним, особенностей восприятия и понимания характера и личности ребенка, его поступков [18]. Во-вторых, данные взаимоотношения подразумевают как отношение, взаимовлияние, активное взаимодействие родителя и ребенка, в котором ярко проявляются социально-психологические закономерности межличностных отношений (Н. И. Буянов, А. Я. Варга, А. И. Захаров, О. А. Карбанова, А. Г. Лидерс, И. М. Марковская, А. С. Спиваковская, Т. В. Якимова и др.) [7].

В зарубежной психологии специфика родительско-детских отношений традиционно исследуется в рамках психоаналитического (З. Фрейд, Э. Эриксон, Д. Винникот, Э. Берн и др.), бихевиористского (Дж. Уотсон, Б. Скиннер, А. Бандура и др.) и гуманистического (Т. Гордон, К. Роджерс, Дж. Байард, В. Сатир и др.) направлений [7].

На современном этапе проблема родительско-детских отношений в той или иной степени была затронута в работах российских авторов. Так, А. Е. Рацимор занимался проблемой психологической помощи неблагополучной семье в ее социализации (2003). О. Г. Япарова исследовала социально-психологические детерминанты успешного приемного родительства (2009). Л. А. Забродина рассматривала вопросы психологической поддержки родителей в формировании конструктивных родительско-детских отношений (2010). Л. А. Базалева анализировались личностные факторы эмоционального «выгорания» матерей в отношениях с детьми (2010). Н. А. Ждановой осуществлялась работа по определению влияния внутрисемейных отношений на развитие жизненных смыслов подростков (2010). И. С. Чегиной определена взаимосвязь Я-образа и психологических защит детей старшего дошкольного возраста в системе отношений «мать–ребенок» (2010). В. Н. Ослон занималась исследованием репрезентаций родителей и себя в картине мира ребенка-сироты (2012). М. А. Мягковой осуществлена работа по изучению проблемы психологического сопровождения материнства в неполной семье (2013). О. В. Алмазова рассматривала проблему привязанности к матери как фактора взаимоотношений взрослых сиблингов (2015). Е. А. Левандовская занималась вопросами развития внутреннего мира подростков-сирот, воспитывающихся в учреждениях интернатного типа (2015). С. И. Матафоной затронута проблема восприятия родительско-детского взаимодействия как условия интернализации совладающего поведения (2016). И. Н. Мальковой раскрыты

вопросы семейной истории как фактора формирования материнского отношения (2015). Т. Ю. Загвоздкина акцентировала внимание на проблеме образа семьи у детей старшего дошкольного возраста, воспитывающихся в семьях различного социально-экономического статуса (2016). А. И. Еремеевой рассмотрены социальные представления современных женщин об одиноком материнстве (2016). В. С. Басюк исследовал вопросы психологического сопровождения детей, оставшихся без попечения родителей (2016). С. М. Щербина рассматривала вопросы отношения приемной матери к ребенку в профессиональной замещающей семье (2017). Социально-перцептивными представлениями детей о матери занимался А. А. Реан (2017).

Однако ни одно из исследований последнего десятилетия не затрагивает проблемы социально-перцептивной детерминации родительско-детских отношений. Видимо, поэтому в научном поиске проблема адекватного отражения и познания людьми друг друга остается в существенном вакууме.

Недостаточная разработанность понятий, отсутствие ясного понимания и четкой формулировки приводят к терминологическим разночтениям. Тем не менее ясно, что родительско-детские отношения – один из видов человеческих отношений. Но эти отношения отличаются от всех других видов межличностных отношений. Е. О. Смирнова, выявляя специфику родительско-детских отношений, считает, что, во-первых, они характеризуются сильной эмоциональной значимостью как для ребенка, так и для родителя. Во-вторых, имеет место амбивалентность в отношениях родителя и ребенка. Эта двойственность выражается, например, в том, что, с одной стороны, родитель должен позаботиться о ребенке, а с другой – научить его заботиться о себе самом [90].

Еще одной особенностью родительско-детских отношений, по нашему мнению, выступает специфика социально-перцептивного процесса, в основе которого актуальным становится соотношение понятий «субъект общения» и «объект общения» – отношения. Так, по мнению Б. Д. Парыгина, активный участник или субъект общения может относиться к другому участнику как к субъекту (и тогда он интересен прежде всего в качестве равноправного партнера, личности и индивидуальности) или только как к объекту – средству удовлетворения своих потребностей и интересов. В таком случае правильно говорить не о партнерском, межличностном общении, а об общении функционально-ролевом и притом таком, которое лично не опосредовано [68, с. 238].

Действительно, индивид, включенный в семейное взаимодействие, может выступать и как субъект, и как объект познания. На современном этапе развития представлений о семье обнаруживаются серьезные изменения в области семейного сознания, о чем пишет в своей работе С. А. Ильиных. Понятие «семейное сознание» представляет собой высший уровень психического отражения семейных отношений. В указанном понятии коренятся истоки семейного поведения и семейных отношений [39, с. 231–240].

В исследовании, которое было проведено с участием российских и белорусских респондентов, были определены структурные компоненты в традиционном, эгалитарном и мозаичном типах семейного сознания. Чаще всего мозаичные аспекты сознания обнаруживаются при изучении когнитивных и мотивационных компонентов сознания. Интересно, что у девушек мозаичность сознания встречается чаще, чем у молодых людей. Хотя традиционные аспекты семейного сознания характерны для обеих групп, но все же в большей мере они присутствуют у молодых людей, что, по мнению С. А. Ильиных, связано с усвоением гендерных стереотипов [39, с. 231–240].

Полученные результаты в области социологических исследований находят свое отражение и в психологии. По результатам проведенного исследования С. А. Ильиных и белорусских ученых-социологов можно прогнозировать вероятность проблем в различных сферах семейного взаимодействия, т.к. сознание, которое характеризуется отрывочностью представлений о семье из-за отсутствия целостности ценностно-смысловой структуры личности, вряд ли будет подготовлено к адекватному родительско-детскому взаимодействию. В таком варианте контаминационного сознания сосуществуют совершенно различные, порой прямо противоположные части разных картин мира. Эти элементы извлекаются на поверхность хаотично: на одну и ту же ситуацию мозаичное сознание в одних случаях привлекает традиционные аспекты, а в других – эгалитарные. Мозаичное сознание сдерживает рефлекссию, не позволяя погружаться в глубь явлений [39, с. 231–240], что может снижать эффективность межличностной коммуникации.

Ряд отечественных авторов-психологов также обратил внимание на одну из серьезных проблем в современном обществе – добровольный отказ от рождения детей, безответственное родительство и отчуждение или отвержение детей в семье. Вводя понятие «преградный», т.е. негативный смысл ребенка и детей вообще как регулятор репродуктивного поведения, психологи определили особенности мировоззренческой составляющей мужчин и женщин. Так, оказалось, что преградный смысл ребенка выражен в большей степени у людей, имеющих детей, чем у бездетных респондентов; преградный смысл ребенка является устойчивым личностным образованием и не связан с количеством детей в собственной семье; сформировавшийся преградный смысл ребенка обладает устойчивостью во времени жизни человека детородного возраста; к тому же у имеющих детей мужчин мировоззренческий преградный смысл ребенка сформирован в значительно большей степени, чем у имеющих детей женщин [24, с. 145–149].

Эта проблема обостряется и современными социально-экономическими условиями, которые ставят перед родителями актуальную задачу – подготовить будущего гражданина к самостоятельной жизни в новом обществе. И на то, каким будет этот молодой человек, во многом влияет тип родительско-детских отношений в настоящем.

В связи с тем, что родительско-детские отношения претерпевают серьезное изменение, проблема типологии семьи является достаточно сложной, дискуссионной и до сегодняшнего времени не имеющей однозначного решения в области психологии. Вся сложность ее решения заключается в самой специфике семьи, отношений внутри нее, ее автономности, интимности, изменчивости многих происходящих в ней событий и отсутствии четких очертаний.

Как показал анализ психолого-педагогической литературы по проблемам семейных отношений и социальной перцепции, существует дифференциация понятий «типология семейных отношений» и «типология семьи».

Термин «типология семейных отношений» характеризует семью с точки зрения психологического климата, а термин «типология семьи» носит более социальный оттенок: классификация ведется по количеству членов семьи, социальной принадлежности, месту жительства и т.д.

Так, например, И. Ю. Шилов [104] приводит всеобъемлющую типологию и выделяет критерии, название и определение семейного устройства. Нами были добавлены формы семейного устройства, которые установлены в отношении детей-сирот и детей, лишенных родительского попечительства (таблица 4).

Таблица 4 – Типология семьи

Критерии	Название	Определение
Степень родства	Консангуальная	Семья из кровных родственников, принадлежащих к разным поколениям
	Конъюгальная	Семья из супругов-неродственников и их детей
Принадлежность	Семья происхождения	Семья рождения, или родительская семья
	Прокреационная семья	Семья, вновь созданная взрослыми детьми
Количество поколений	Расширенная	Включает несколько поколений (прародители, родители и дети) – три и более
	Нуклеарная	Включает два поколения (родители и дети)
Число родителей	Полная	Имеет двух родителей
	Неполная	Имеет только одного родителя
Число детей	Бездетная	Нет детей
	Однодетная	Один ребенок
	Многодетная	Трое и более детей
Господство	Патриархальная	Экономическое господство мужчины
	Матриархальная	Хозяйственное господство женщины
Доминирование (главенство, лидерство)	Патерналиная	Социально-ролевое доминирование мужчины
	Матерналиная	Социально-ролевое доминирование женщины
	Эквиполитарная	Равновесие социальных ролей мужчины и женщины

Формы семейного устройства	Усыновление	Между усыновителем и усыновленным возникают такие же права и обязанности, как между родителями и детьми
	Опекунская	Семья, в которой супруги или отдельные граждане выполняют обязанности по воспитанию детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей
	Приемная	Семья, которая воспитывает детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в соответствии с договором о передаче детей на воспитание и трудовым договором
	Детский дом семейного типа	Семья, принявшая на воспитание от пяти до десяти детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей
	Патронатная	Участие граждан в воспитании детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, находящихся в детских интернатных учреждениях и других учреждениях

Как видно из таблицы 4, типы семейных структур, определяемые по критериям родительства–супружества–родства, многообразны и подчеркивают какие-либо свойства в связи с линиями отца либо матери.

Самыми распространенными в современных урбанизированных агломерациях являются нуклеарные семьи, состоящие из родителей и их детей. Расширенная семья представляет собой семью, объединяющую две или более нуклеарных семей с общим домохозяйством и состоящую из трех или более поколений – прародителей, родителей и детей (внуков).

В повторных семьях (основанных на повторном браке) вместе с супругами могут находиться дети от данного брака и дети кого-либо из супругов, приведенные ими и в новую семью.

Рост разводов увеличил долю таких семей, которые в прошлом возникали практически только из-за смерти одного из супругов. Как подчеркивает И. Ю. Шилов, в прошлом дети из повторных семей гораздо реже, чем сейчас, могли иметь при одной матери двух отцов (при одном отце двух матерей). Соответственно, усложнились отношения родства между детьми, имеющими только кровных родителей и имеющими кроме них еще приемных мать или отца [104].

В настоящее время выделяются такие формы устройства детей в семью, как усыновление, опека, приемная семья, детский дом семейного типа и патронат. Каждый вариант данного семейного устройства имеет свои особенности.

Например, усыновление – это такое устройство, где на основании судебного решения между усыновителем и усыновленным возникают такие же права и обязанности, как между родителями и детьми. Еще одна форма семейного устройства – опекунская семья, т.е. семья, в которой супруги или отдельные граждане (опекуны, попечители) выполняют обязанности по вос-

питанию детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на основании решения органа опеки и попечительства об установлении опеки (попечительства) над ребенком и о назначении опекуна. Обязанности по опеке, попечительству над детьми выполняются на безвозмездной основе. Опека устанавливается над детьми в возрасте до 14 лет, а попечительство – над несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет. В свою очередь приемная семья – это семья, которая воспитывает детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в соответствии с договором о передаче детей на воспитание и трудовым договором, в Беларуси имеет ограничения до 4-х детей. Детский дом семейного типа – семья, принявшая на воспитание от пяти до десяти детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в рамках которой супруги или отдельные граждане (родители-воспитатели) выполняют обязанности по воспитанию детей в соответствии с Положением о детском доме семейного типа, утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 февраля 2006 г. № 289, на основании договора об условиях воспитания и содержания детей и трудового договора. Патронатная семья – еще один вариант семейного обустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, находящихся в детских интернатных учреждениях, а также в учреждениях профессионально-технического, среднего специального, высшего образования. Особенностью патронатной семьи является то, что дети могут передаваться патронатным воспитателям в период каникул, выходных дней, государственных праздников и праздничных дней, а также в период их заболевания, в том числе при нахождении на лечении в стационарных условиях в организациях здравоохранения, прохождения вступительных испытаний при поступлении в учреждения образования. Патронатное воспитание осуществляется на безвозмездной основе.

Одна из серьезных психологических проблем касается жизнеспособности семей с вариативными формами семейного устройства.

На основании тенденций в изучении семьи и характеристик ее состава А. В. Махнач выделяет такие параметры, связанные с жизнеспособностью, как характеристики членов семьи, определяемые кровным родством, брачными связями, социальными, экономическими отношениями, местом проживания.

Одновременно проведенный им анализ по изучению отечественных публикаций в отношении семьи показывает многообразие в трактовках типов семей. Он приводит около 32 определений типов современных семей. Причем большая их часть с негативной оценкой. Ученый справедливо отмечает, что зачастую в характеристиках семей фигурируют понятия из житейского лексикона. Более того, в психологических работах при определении характеристики семьи не всегда оправдано использование психиатрической терминологии, например, патогенная семья. Если данные формулировки и соотносимы с поведением или проявлениями кого-то из членов семьи, то вызывает сомнение отнесение этих характеристик ко всей семье в целом. Особенно выделяются среди определений такие, как обреченная, аморальная, неполноценная, что придает явный оттенок осуждения положению, сложившемуся

в семье. При этом, заключает А. В. Махнач, подобная исследовательская позиция явно необъективна [59, с. 37–50].

Важна еще одна особенность, которая отмечается в современной области изучения семьи, – наличие публикаций, отражающих сильные, позитивные, благополучные характеристики семьи. Ориентируясь на исследование А. В. Махнача, можно обратить внимание на небольшое их количество – всего 11% от общего числа проанализированных им работ исходя из базы РИНЦ. Причем немалая часть таких характеристик относится опять же к ненаучной психологии. В связи с этим ученый делает вывод о том, что психология еще не создала адекватного научного словаря для выделения, сравнения и описания семьи, способной соразмерно отвечать внешним влияниям и реагировать на изменения внутри самой себя, оставаясь стабильной и благополучной. Поэтому он предлагает понятие «жизнеспособность семьи», охватывающее онтологическое поле исследований по психологическим проблемам семьи [58].

Что касается классификаций типов семейных отношений, то важно отметить, что в области психологической науки и практики отмечается их внушительное количество. В психологии были предприняты многочисленные попытки построить типологию родительского отношения к ребенку. Например, Л. А. Головей и др., анализируя понятия, отражающие отношения родителей к детям, выделяет следующие: родительское отношение, родительская позиция, родительские установки, стиль родительско-детского взаимодействия, стиль родительского (семейного) воспитания.

В свою очередь С. А. Зайкова [35] предлагает представлять типологию семейных отношений через критерии уровня жизни и оценки нравственного поведения членов семьи (таблица 5).

Таблица 5 – Типология семейных отношений

Критерии	Название семьи	Определение
Благополучные Количественный и качественный уровни жизни	Гармоничная	Полная семья. Определяется по уровню жизни. Оценивается через показатели материального достатка, отношений в семье, поведения ее членов. Восприятие благополучия личностью – целостный образ, как складывается жизнь в целом
Временно неблагополучные Оценка нравственного поведения	Новая	Полная семья. Вновь образованная семья, в связи с чем внутрисемейные отношения в ней еще только зарождаются: идет процесс становления отношений в супружеской подсистеме, налаживание родительских и родительско-детских отношений
	Деструктивная	Полные семьи, но между ее членами нет эмоциональной сплоченности и близости. Как правило, это высокообеспеченная семья. Благополучие носит только видимый характер. Каждый из ее членов ведет обособленный образ жизни. Ссоры и конфликты между супругами недолговременны

Неблагополучные Оценка нравственного поведения	Распадающаяся	Полная или неполная семья. Находящаяся в ситуации, предшествующей бракоразводному процессу. В данной семье возрастает отчуждение между супругами, т.е. супружеские отношения находятся в состоянии кризиса
	Распавшаяся	Неполная семья. Образовавшаяся в результате бракоразводного процесса супругов
	Конфликтная	Полная семья. Ссоры и отрицательные эмоции супругов носят устойчивый характер и тенденцию к закреплению в отрицательных формах поведения
	Аморальная	Полная семья. Супруги адаптировались к самым крайним, негативным формам поведения, пришли к полному забвению этических и моральных норм поведения

Как видно из таблицы 5, наиболее часто в оценке семейных отношений встречается оценочный критерий.

Согласно концепции отношений В. Н. Мясищева, в структуре собственно родительского отношения можно выделить три компонента, с помощью которых психологические отношения описываются: эмоциональный, когнитивный и поведенческий. *Эмоциональный* компонент родительского отношения – совокупность переживаний, связанных с ребенком; *когнитивный* – представление родителя о характере, потребностях, интересах и ценностях своего ребенка; *поведенческий* – стиль обращения с ребенком. Каждый из этих трех элементов, в свою очередь, имеет сложную структуру [62].

Вслед за ним многие авторы (Я. Л. Коломинский, Е. С. Кузьмин, В. Б. Ольшанский, Н. Н. Обозов и др.) выделяют в структуре отношений три взаимосвязанных компонента: когнитивный, эмоциональный и поведенческий. С этими компонентами соотносятся три основных контекста работ по психологии отношений, о которых пишет Е. О. Смирнова [90]:

1. *Познавательные отношения* – другой как предмет познания. Наиболее широко это направление представлено в работах А. А. Бодалева и его последователей. В многочисленных экспериментах выяснялось, как восприятие внешних характеристик человека влияет на оценку его внутренних качеств. В этом контексте человек выступает как предмет восприятия, понимания, познания. В русле этого направления находятся исследования А. А. Кроник, Л. А. Петровской, Е. Ю. Артемьевой, А. Г. Костинской и др.

2. *Эмоциональные отношения* (аттракции) – другой как предмет симпатии. Главной задачей этого направления является изучение детерминации эмоциональных отношений. Расположенность одного человека к другому рассматривается в зависимости от свойств объекта симпатии, в зависимости от свойств субъекта симпатии, в зависимости от соотношения этих свойств и т.д. – Л. Я. Гозман, Ю. Е. Алешина, Т. П. Гаврилова и др.

3. *Практические отношения* – другой как предмет воздействия. Это направление наиболее приближено к практике человеческих отношений и развивается в основном в русле психотерапии и социально-психологического тренинга. Среди психологов данного направления можно назвать Г. А. Ковалева, Л. А. Петровскую, Ю. Н. Емельянова, В. П. Захарова, Н. Ю. Хрящеву, А. У. Хараша и др.

Важно отметить, что вопрос о соотношении общения и отношений был поставлен достаточно давно. По мнению И. М. Марковской, интерес к этой проблеме вызван расширяющейся практикой психологических исследований, в частности, изучением отношений и общения матери и ребенка на ранних этапах онтогенеза [57].

А. А. Бодалев пишет о том, что, к сожалению, в исследованиях чаще принято уделять внимание либо общению, либо отношениям. Тогда как «общение и отношение надо обязательно рассматривать в сопряжении», так как отношение формируется, как правило, в общении, в свою очередь, имеющиеся у общающихся лиц отношения влияют на многие характеристики процесса общения [16]. Он также отмечает, что особой проблемой при изучении взаимозависимостей общения и отношения является установление соответствия характера и способов выражения отношения [цит. по: 57, с. 18–19].

Детско-родительские или родительско-детские отношения как важнейшая детерминанта психического развития и процесса социализации ребенка, по мнению О. А. Карабановой, могут быть определены следующими параметрами:

- характер эмоциональной связи: со стороны родителя – эмоциональное принятие ребенка (родительская любовь), со стороны ребенка – привязанность и эмоциональное отношение к родителю. Особенностью родительско-детских отношений по сравнению с другими видами межличностных отношений является их высокая значимость для обеих сторон;
- мотивы воспитания и родительства;
- степень вовлеченности родителя и ребенка в родительско-детские отношения;
- удовлетворение потребностей ребенка, забота и внимание к нему родителя;
- стиль общения и взаимодействия с ребенком, особенности проявления родительского лидерства;
- способ разрешения проблемных и конфликтных ситуаций; поддержка автономии ребенка;
- социальный контроль: требования и запреты, их содержание и количество; способ контроля; санкции (поощрения и подкрепления); родительский мониторинг;
- степень устойчивости и последовательности (противоречивости) семейного воспитания [41, с. 118–119].

В свою очередь, к интегративным показателям родительско-детских отношений могут быть отнесены:

– родительская позиция, обусловленная характером эмоционального принятия ребенка, мотивами и ценностями воспитания, образом ребенка, образом себя как родителя, моделями ролевого родительского поведения, степенью удовлетворенности родительством;

– тип семейного воспитания, определяемый параметрами эмоциональных отношений, стилем общения и взаимодействия, степенью удовлетворения потребностей ребенка, особенностями родительского контроля и степенью последовательности в его реализации;

– образ родителя как воспитателя и образ системы семейного воспитания у ребенка [41, с. 118–119].

Следует сказать, что в отечественной психологии родительско-детские отношения нашли свое отражение в типологиях, разработанных на основе клинических данных.

Так, В. И. Гарбузов с соавт. (Гарбузов и др., 1977) выделили три типа неправильного воспитания:

- неприятие индивидуальных особенностей ребенка;
- гиперсоциализация, выражающаяся в повышенных требованиях к ребенку без учета его индивидуальных особенностей;
- эгоцентризм, когда ребенок становится «кумиром семьи», «смыслом жизни» для родителей.

Все три типа воспитания крайне неблагоприятны для развития ребенка и ведут к формированию различных неврозов.

А. Е. Личко (Личко, 1979) и Э. Г. Эйдемиллер (Эйдемиллер, 1980) описали следующие типы неправильного семейного воспитания: 1) потворствующая гиперпротекция; 2) доминирующая гиперпротекция; 3) повышенная моральная ответственность; 4) эмоциональное отвержение; 5) жестокое обращение; 6) гипопротекция.

А. И. Захаров (Захаров, 1982) полагает, что родительское отношение может быть оценено по таким параметрам:

- интенсивность эмоционального контакта родителя и ребенка: гиперопека/опека и принятие/непринятие ребенка;
- параметры контроля, среди которых выделяются разрешительный, допускающий, ситуативный и ограничительный контроль;
- последовательность–непоследовательность воспитания;
- аффективная устойчивость–неустойчивость родителя;
- тревожность–нетревожность родителя.

Длительный опыт работы с семьями и анализ экспериментальных данных позволил А. Я. Варге (Варга, 1987) описать структуру родительского отношения, представленную следующими компонентами: 1) интегральное принятие–отвержение ребенка, 2) межличностная дистанция родителя и ребенка, 3) формы и направления родительского контроля; 4) социальная желательность поведения ребенка для родителя. Каждая образующая содержит три компонента: эмоциональный, поведенческий и когнитивный [25; 80, с. 75–79].

Разделяя позицию Л. А. Головей и ее коллег, важно отметить, что применяемый для описания характеристик взаимодействия в системе «родитель–ребенок» понятийный аппарат является громоздким и недостаточно дифференцированным. Это вызывает методические трудности, связанные с операционализацией понятий, и требует для изучения системы «родитель–ребенок» использования целой системы методов, направленных на получение интегративных характеристик ее функционирования [25, с. 84–95].

Мы попытались операционализировать имеющиеся подходы к понятию родительско-детских отношений. Результаты представлены в таблице 6.

Таким образом, анализ основных понятий выявил их неоднозначность и разную степень обобщенности. Ссылаясь на оценку Л. А. Головей, можно сказать, что родительская позиция и родительские установки относятся в большей мере к когнитивной составляющей системы «родитель–ребенок», родительское отношение – к эмоциональному компоненту системы, а стиль взаимодействия «родитель–ребенок» и стиль воспитания – к поведенческому. При этом родительская позиция основана в том числе на родительском отношении, а стиль родительского воспитания – на родительской позиции. Вместе с тем наиболее широким понятием, включающим разносторонние компоненты системы «родитель–ребенок», является тип семейного воспитания [25].

Также важно отметить влияние психологического климата в семье на развитие ребенка, оно в любом возрасте неоспоримо. Однако есть такие возрастные периоды, в которых формируются установки отношения к противоположному полу, закладывается модель семейных отношений в целом. И здесь значительную роль играет влияние представлений родителей о своих детях [30; 80, с. 75–79].

Так, в работе А. В. Колодиной приводятся интересные результаты по проблеме представлений родителя о ребенке как факторе родительско-детских отношений. Она утверждает, что родители, ориентированные на сотрудничество с ребенком, имеют наименьшие расхождения в оценках характеристик реального и идеального ребенка, ребенок воспринимается ими как веселый, общительный, привлекательный, сообразительный и добрый. Особенности позитивного восприятия ребенка, учет его достоинств и признание недостатков позволяют родителю безусловно принимать своего ребенка и способствовать своими воспитательными стратегиями развитию личности подростка. Тогда как контролирующий стиль воспитания родителя сопряжен с существенными расхождениями реального и идеального образа ребенка, в сторону низкой оценки родителем реальных характеристик подростка. Довольно часто контролирующий стиль родительско-детских отношений блокирует проявление инициативы, самостоятельности и активности ребенка в рамках жизнедеятельности, а также способствует реализации стремления родителя «приблизить» качества ребенка к эталонному образу, доминирующему в представлении как важному и необходимому, без учета потребностей, интересов и возможностей самого ребенка [45, с. 69–77].

Таблица 6 – Операционализация понятия «родительско-детские отношения»

Феномен/концепт	Автор(ы)	Теоретический конструкт	Эмпирические индикаторы	Переменные
Материнское отношение	С. Броди (1956)	Стиль ухода и обращения с ребенком начиная с первых дней его жизни формируют те или иные особенности его психики и поведения	<ol style="list-style-type: none"> 1. Матери первого типа. 2. Матери второго типа. 3. Матери третьего типа. 4. Матери четвертого типа 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Матери первого типа легко и органично приспосабливаются к потребностям ребенка. Для них характерно поддерживающее, разрешающее поведение. Мамы не ставят себе задачу к определенному возрасту приучить ребенка к навыкам опрятности. Мамы ждут, пока ребенок сам «дозреет» (например, в ситуации приучения ребенка к туалету). 2. Матери второго типа сознательно стараются приспособиться к потребностям ребенка. Не всегда успешная реализация этого стремления вносит в их поведение напряженность, недостаток непосредственности в общении с ребенком. Они чаще доминируют, а не уступают. 3. Матери третьего типа не проявляют большого интереса к ребенку. Основу материнства составляет чувство долга. В отношениях с ребенком почти нет теплоты и спонтанности. В качестве основного инструмента воспитания такие мамы применяют жесткий контроль. 4. Матери четвертого типа характеризуются непоследовательностью. Их поведение неадекватно возрасту и потребностям ребенка, отмечается много ошибок в воспитании, плохое понимание своего ребенка. Их прямые воспитательные воздействия так же, как и реакция на одни и те же поступки ребенка, противоречивы

Родительское отношение как эмоциональная сторона таких отношений	Е. С. Шеффер, Р. А. Белл (1969)	Динамическая двухфакторная модель родительского отношения (эмоциональный фактор (любовь–ненависть), поведенческий (автономия–контроль)	<ol style="list-style-type: none"> 1. Оптимальный эмоциональный контакт. 2. Излишняя эмоциональная дистанция с ребенком. 3. Излишняя концентрация на ребенке 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Оптимальный эмоциональный контакт (побуждение словесных проявлений, вербализаций; партнерские отношения; развитие активности ребенка; уравновешенные отношения между родителями и ребенком). 2. Излишняя эмоциональная дистанция с ребенком (раздражительность, вспыльчивость; суровость, излишняя строгость; уклонение от контактов с ребенком). 3. Излишняя концентрация на ребенке (чрезмерная забота, установление отношений зависимости; преодоление сопротивления, подавление воли; создание безопасности, опасение обидеть; исключение внесемейных влияний; подавление агрессивности; подавление сексуальности; чрезмерное вмешательство в мир ребенка; стремление ускорить развитие ребенка)
Тип семейного воспитания как интегративная характеристика воспитательной системы	Д. Баумринд (1975)	Классификация стилей родительского воспитания, включающая характер эмоционального отношения к ребенку и тип родительского контроля	<ol style="list-style-type: none"> 1. Авторитетный. 2. Авторитарный. 3. Либеральный. 4. Индифферентный 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Авторитетный стиль характеризуется теплым эмоциональным принятием ребенка и высоким уровнем контроля с признанием и поощрением развития его автономии. Авторитетные родители реализуют демократический стиль общения, готовы к изменению системы требований и правил с учетом растущей компетентности детей. 2. Авторитарный стиль отличается отвержением или низким уровнем эмоционального принятия ребенка и высоким – контроля. Стиль общения авторитарных родителей – командно-директивный, по типу диктата, система требований, запретов и правил ригидна и неизменна.

				<p>3. Особенности либерального стиля воспитания являются теплое эмоциональное принятие и низкий уровень контроля в форме вседозволенности и всепрощенчества. Требования и правила при таком стиле воспитания практически отсутствуют, уровень руководства недостаточен.</p> <p>4. Индифферентный стиль определяется низкой вовлеченностью родителей в процесс воспитания, эмоциональной холодностью и дистантностью в отношении ребенка, низким уровнем контроля в форме игнорирования интересов и потребностей ребенка, недостатком протекции</p>	
58	Родительские отношения как целостная система разнообразных чувств касательно ребенка, поведенческих стереотипов, практикуемых в общении с ним, особенностей восприятия и понимания характера ребенка, его поступков	А. Я. Варга (1986)	Многомерное образование, сочетающее в себе (в разной пропорции) эмоциональные, когнитивные и поведенческие компоненты	<ol style="list-style-type: none"> 1. Интегральное принятие либо отвержение ребенка. 2. Межличностная дистанция («симбиоз»). 3. Формы и направления контроля (авторитарная гиперсоциализация). 4. Социальная желательность поведения 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Принимающе-авторитарное отношение. Характерно для субъективно благополучных родителей. Родители принимают ребенка и одобряют его, но требуют социальных успехов. 2. Отвергающее с явлениями инфантилизации. Характерно для родителей, которые эмоционально отвергают своего ребенка, низко ценят его индивидуально-личностные свойства, приписывают ему социально неодобряемые черты и дурные наклонности, видят более младшим по сравнению с реальным возрастом. 3. Симбиотическое отношение. Характерно для родителей с симбиотическими тенденциями в общении с ребенком и гиперопека. 4. Симбиотически-авторитарное отношение. Родителям свойственны симбиотические тенденции в общении с ребенком и гиперконтроль

Родительское отношение как устойчивое явление, содержание которого включает амбивалентные элементы эмоционально-ценностного отношения	А. А. Бодалев, В. В. Столин (1989)	Неадекватное родительское (материнское) отношение к ребенку	<ol style="list-style-type: none"> 1. Отношение матери к сыну-подростку как к «замещающему» мужу. 2. Гиперопека и симбиоз. 3. Воспитательный контроль посредством нарочитого лишения любви. 4. Воспитательный контроль посредством вызова чувства вины 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Отношение матери к сыну-подростку как к «замещающему» мужу: требование активного внимания к себе, заботы, навязчивое желание находиться постоянно в обществе сына, быть в курсе его интимной жизни, стремление ограничить его контакты со сверстниками. 2. Гиперопека и симбиоз: навязчивое желание удержать, привязать к себе ребенка, лишить его самостоятельности из-за страха возможного несчастья с ребенком в будущем. В этом случае преуменьшение реальных способностей и потенций ребенка приводит родителей к максимальному контролю и ограничениям, желанию все сделать за него, предохранить от опасностей жизни, что по существу означает «зачеркивание» реального ребенка, стагнацию развития ребенка, регресс и фиксацию на примитивных формах общения ради обеспечения симбиотических связей с ним. 3. Воспитательный контроль посредством нарочитого лишения любви: нежелательное поведение (например, непослушание), недостаточные школьные достижения или неаккуратность в быту наказываются тем, что ребенку или подростку демонстрируется, что «он такой не нужен, мама такого не любит». При этом родители прямо не выражают недовольства ребенком, недопустимости подобного поведения, не демонстрируют ясно негативные чувства, которые они переживают в связи с плохим поведением ребенка. С ним не разговаривают, его
---	------------------------------------	---	--	---

				<p>подчеркнуто игнорируют, говоря о ребенке в третьем лице – как об отсутствующем. Послушание достигается ценой обесценивания «Я», сохранения примитивной привязанности.</p> <p>4. Воспитательный контроль посредством вызова чувства вины: ребенок, нарушающий запрет, клеймится родителями как «неблагодарный», «предавший родительскую любовь», «доставляющий своей мамочке столько огорчений», «доводящий до сердечных приступов» и т.д. Развитие самостоятельности скрывается постоянным страхом подростка оказаться виноватым в неблагополучии родителей, отношениями зависимости</p>
<p>Родительские чувства как сложные переплетения, комплекс всех отношений в семье</p>	<p>А. С. Спиваковская (1986)</p>	<p>Типология родительской любви к своему ребенку как спектр отношений</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Симпатия–антипатия. 2. Уважение–пренебрежение. 3. Близость–дальность. <p>Сочетание этих аспектов отношений позволяет описать восемь типов родительской любви</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Действенная любовь (симпатия, уважение, близость). Родительское поведение сосредоточено на принятии ребенка; на внимании и интересе, уважении его прав и обязанностей; сотрудничестве и готовности прийти ему на помощь. 2. Отстраненная любовь (симпатия, уважение, дистантность). Родительское поведение строится на принятии ребенка, но отмечается недостаток внимания и заботы; гипопротекция; низкий уровень кооперации и помощи. 3. Действенная жалость (симпатия, близость, но отсутствие уважения). Родители внимательны к ребенку, их интересы сосредоточены на нем, но как бы не доверяют ребенку, не верят в его возможности и способности. Принятие ребенка; недоверие к нему; излишняя опека и потворствование

Продолжение таблицы 6

				<p>4. Любовь по типу снисходительного отстранения (симпатия, неуважение, большая межличностная дистанция). Принятие ребенка; отстраненность; гипопротекция, оправдание неблагополучия болезнью ребенка, плохой наследственностью.</p> <p>5. Отвержение (антипатия, неуважение, большая межличностная дистанция). Родитель пытается уменьшить всякое общение с ребенком, не замечать его присутствия, становится холодно-непрístupным при его приближении, совершенно отстраняется тогда, когда ребенок нуждается в поддержке и помощи. Отвержение ребенка; ограничение общения, игнорирование; гипопротекция, граничащая с безнадзорностью.</p> <p>6. Презрение (антипатия, неуважение, малая межличностная дистанция). Отвержение ребенка; тотальный контроль, применение наказаний, отсутствие поощрений, преобладание в родительской воспитательной системе запретов.</p> <p>7. Преследование (антипатия, уважение, близость). Отвержение ребенка; доминирующая гиперпротекция, жестокое обращение, тотальный контроль.</p> <p>8. Отказ (антипатия, уважение и большая межличностная дистанция). Отвержение ребенка; гипопротекция и безнадзорность, попустительство, игнорирование</p>
--	--	--	--	--

Родительские установки	Е. А. Савина (2003)	Готовность родителей действовать в определенной ситуации на основе своего эмоционально-ценностного отношения к элементам данной ситуации. Действуя на основе собственных сложившихся установок, родители как бы следуют готовым шаблонам	Компоненты установок: 1. Оценочный. 2. Когнитивный. 3. Интенциональный. 4. Ценности родителей. 5. Восприятие ребенка родителем. 6. Восприятие родителями самих себя	1. Оценочный компонент – это оценка родителями объекта или ситуации воспитания. 2. Когнитивный компонент состоит в системе знаний или идей, которые рассматриваются как достоверные и используются для построения стратегии и тактики воспитания ребенка. 3. Поведенческий компонент родительских установок заключается в намерении или интенции вести себя определенным образом по отношению к ребенку. 4. Ценности родителей как некая абстрактная воспитательная цель (например, воспитать счастливого ребенка). 5. Восприятие ребенка родителем обычно связано с реакциями на его поведение. 6. Восприятие родителями самих себя включает то, как родители воспринимают себя в своей роли
Родительская позиция, рассматриваемая шире, чем родительская установка, представляет систему родительского эмоционального отношения к ребенку, стиля общения с ним и способов поведения с ним	О. Н. Карабаева (2005)	Интегративная характеристика, определяющая тип эмоционального принятия ребенка, мотивы и ценности воспитания, особенности образа ребенка у родителя, представления	1. Эмоциональное отношение к ребенку. 2. Когнитивное видение ребенка. 3. Стиль общения с ребенком	1. Эмоциональное отношение к ребенку (принятие/отвержение). 2. Когнитивное видение (особенности родительского образа ребенка). 3. Стиль общения с ребенком (структурирование позиций как равноправных или как позиций доминирования–подчинения, дисциплиной как системой родительских требований, ценностями родительского воспитания, степенью устойчивости (стабильности) или противоречивости (непоследовательности) родительского отношения)

		последнего о себе как родителе (образ «Я как Родитель»), модели ролевого родительского поведения, степень удовлетворенности родительство		
Тип семейного воспитания как обобщенная характеристика	Л. А. Головей (2014)	Родовое определение таких понятий, как родительское отношение, родительская позиция, родительские установки, стиль детско-родительского взаимодействия, стиль родительского (семейного) воспитания	<ol style="list-style-type: none"> 1. Эмоциональные отношения. 2. Стили общения и взаимодействия. 3. Степень внимания, уделяемого ребенку. 4. Уровень удовлетворения потребностей ребенка, особенности реализации родительского контроля. 5. Последовательность в его реализации 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Эмоциональные отношения (принятие/отвержение, дистанция). 2. Стили общения и взаимодействия (автономия – контроль, иерархия – равноправие, кооперация). 3. Степень внимания, уделяемого ребенку (гиперопека, гипопека, средний уровень). 4. Уровень удовлетворения потребностей ребенка, особенности реализации родительского контроля (требовательность, применение санкций и запретов). 5. Последовательность в его реализации (последовательность/непоследовательность)
Родительское отношение	А. Я. Варга, В. В. Столин (1986)	Система разнообразных чувств по отношению к ребенку, поведенческих стереотипов, практикуемых в общении с ним, особенностей восприятия и понимания характера и	<ol style="list-style-type: none"> 1. Принятие/отвержение ребенка. 2. Кооперация. 3. Симбиоз. 4. Контроль (авторитарная гиперсоциализация). 5. Отношение к неудачам ребенка («Маленький неудачник») 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Принятие/отвержение ребенка. Выражает собой общее эмоционально положительное (принятие) или эмоционально отрицательное (отвержение) отношение к ребенку. 2. Кооперация. Подразумевает стремление взрослых к сотрудничеству с ребенком, проявление с их стороны искренней заинтересованности и участие в его делах.

		личности ребенка, его поступков		<p>3. Симбиоз. Ориентированность взрослого к единению с ребенком или, напротив, к стремлению сохранить между ребенком и собой психологическую дистанцию. Это своеобразная контактность ребенка и взрослого человека.</p> <p>4. Контроль. Характеризует то, как взрослые контролируют поведение ребенка, насколько они демократичны или авторитарны в отношениях с ним.</p> <p>5. Отношение к неудачам ребенка. Показывает, как взрослые относятся к способностям ребенка, его достоинствам и недостаткам, успехам и неудачам</p>
64	Семейные взаимоотношения как латентные нарушения функционирования семьи	Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкис (1987, 1990)	Типы негармоничного воспитания. Нарушение процесса воспитания	<ol style="list-style-type: none"> 1. Потворствующая гиперпротекция. 2. Доминирующая гиперпротекция. 3. Повышенная моральная ответственность. 4. Эмоциональное отвержение. 5. Жестокое обращение. 6. Гипопротекция <p>1. Потворствующая гиперпротекция. Ребенок находится в центре внимания семьи, которая стремится к максимальному удовлетворению его потребностей.</p> <p>2. Доминирующая гиперпротекция. Ребенок также в центре внимания родителей, которые отдают ему много сил и времени. Однако в то же время лишают его самостоятельности, ставя многочисленные ограничения и запреты.</p> <p>3. Повышенная моральная ответственность. Характеризуется сочетанием высоких требований к ребенку с пониженным вниманием к его потребностям.</p> <p>4. Эмоциональное отвержение. В основе эмоционального отвержения лежит осознаваемое или чаще неосознаваемое отождествление родителями ребенка с какими-либо отрицательными моментами в собственной жизни. Ребенок в этой</p>

				<p>ситуации может ощущать себя помехой в жизни родителей, которые устанавливают в отношениях с ним большую дистанцию.</p> <p>5. Жестокое обращение. На первый план выходит эмоциональное отвержение, проявляющееся наказаниями в форме избиений и истязаний, лишением удовольствий, неудовлетворением их потребностей.</p> <p>6. Гипопротекция. Ребенок предоставлен самому себе, родители не интересуются им и не контролируют его</p>
Взаимодействие «родитель–ребенок»	И. М. Марковская (2007)	<p>Взаимодействие понимается в широком и узком смысле слова. В широком смысле слова категория взаимодействия используется для описания целого ряда явлений окружающего мира и тогда общение рассматривается как специфический вид взаимо-</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Нетребовательность–требовательность. 2. Мягкость–строгость. 3. Автономность–контроль. 4. Эмоциональная дистанция–близость. 5. Отвержение–принятие. 6. Отсутствие сотрудничества–сотрудничество. 7. Несогласие–согласие. (Тревожность) 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Нетребовательность–требовательность. Данные этой шкалы показывают тот уровень требовательности родителя, который проявляется во взаимодействии родителя с ребенком. Чем выше показания по этой шкале, тем более требователен родитель, тем более высокого уровня ответственности он ожидает от ребенка. 2. Мягкость–строгость. По результатам этой шкалы можно судить о суровости, строгости мер, применяемых к ребенку, о жесткости правил, устанавливаемых во взаимоотношениях между родителями и детьми, о степени принуждения детей к чему-либо.

		<p>действия, в узком понимании взаимодействие выступает как одна из сторон общения – интерактивная</p>	<p>8. Непоследовательность–последовательность. 9. Авторитетность родителя. (Воспитательная конфронтация в семье) 10. Удовлетворительность отношениями с ребенком (родителем)</p>	<p>3. Автономность–контроль. Чем выше показатели по этой шкале, тем выраженнее контролирующее поведение по отношению к ребенку. Высокий контроль может проявляться в мелочной опеке, навязчивости, ограничительности. Низкий контроль может приводить к полной автономии ребенка, к вседозволенности, которая может быть следствием либо безразличного отношения к ребенку, либо любования.</p> <p>4. Эмоциональная дистанция–близость. Эта шкала отражает представление родителя о близости к нему ребенка. Сравнивая данные родителя и данные ребенка, можно судить о точности представлений родителей, о переоценке или недооценке близости к нему ребенка.</p> <p>5. Отвержение–принятие. Эта шкала отражает базовое отношение родителя к ребенку, его принятие или отвержение личностных качеств и поведенческих проявлений ребенка. Поведение родителей может восприниматься ребенком как принимающее или отвергающее.</p> <p>6. Отсутствие сотрудничества–сотрудничество. Наличие сотрудничества между родителями и детьми отражает характер взаимодействия. Сотрудничество является следствием включенности ребенка во взаимодействие, признания его прав и достоинств. Оно отражает равенство и партнерство в отношениях родителей и детей. Отсутствие такового может быть результатом нарушенных отношений, авторитарного, безразличного или попустительского стиля воспитания.</p>
--	--	--	--	---

				<p>7. Несогласие–согласие. (Тревожность за ребенка). Эта шкала тоже описывает характер взаимодействия между родителем и ребенком и отражает частоту и степень согласия между ними в различных жизненных ситуациях.</p> <p>8. Непоследовательность–последовательность. В этой шкале отражается, насколько последователен и постоянен родитель в своих требованиях, в своем отношении к ребенку, в применении наказаний и поощрений и т.д. Непоследовательность родителя может быть следствием эмоциональной неуравновешенности, воспитательной неуверенности, отвергающего отношения к ребенку и т.п.</p> <p>9. Авторитетность родителя. (Воспитательная конфронтация в семье). Результаты этой шкалы отражают самооценку родителя в сфере его влияния на ребенка, насколько его мнения, поступки, действия являются авторитетными для ребенка, какова их сила влияния.</p> <p>10. Удовлетворительность отношениями с ребенком (родителем)</p>
--	--	--	--	---

Нельзя не отметить взгляд И. М. Марковской на проблему семейных отношений. Она считает, что проблемы родительско-детских отношений рассматриваются в основном в русле педагогической, возрастной и медицинской психологии.

Причем взаимодействие и отношения часто анализируются совместно, не отделяясь друг от друга, используются одни и те же термины для обозначения того и другого. Тем не менее существуют и некоторые методологические сложности, связанные с недостаточной определенностью этих понятий. Следует отметить, что многие исследователи, в основном зарубежные, не давая операциональных определений, довольствуются тем общим смысловым континуумом, который имеют понятия «взаимодействие», «отношение», «общение». Традиции нашей науки иные, и в истории отечественной психологии определение соотношения указанных понятий нередко становилось предметом научных дискуссий. Например, решаются важные вопросы влияния того или иного поведения, личностных качеств, установок родителя на формирование ребенка как личности или на возникновение отклонений и нарушений в развитии, формулируются типы неправильного воспитания ребенка в семье (А. Л. Спиваковская, А. Я. Варга, В. В. Столин, Л. Я. Гозман, Ю. Е. Алешина, Э. Г. Эйдемиллер, А. И. Захаров, В. И. Гарбузов и др.). Исследуется роль взрослого в становлении личности ребенка в традициях культурно-исторического подхода Л. С. Выготского. Важный вклад в изучение этой проблематики внесли работы А. А. Бодалева, М. И. Лисиной, Д. Б. Эльконина и др.

Однако, по мнению И. М. Марковской, многие аспекты взаимодействия родителей и детей остаются не изученными, но социально-психологическое их исследование может способствовать теоретическому и практическому осмыслению обозначенной проблемы [57].

Разделяя позицию ученого, мы считаем, что до сих пор в области социально-психологической психологии отмечается практическое отсутствие типологии семейных отношений, ориентированных на социально-перцептивные процессы семейной среды и на те результаты, посредством которых регулируются родительско-детские отношения.

Выводы по главе 2

1. На современном этапе семейного устройства очевидно усложнение отношений родства между детьми, имеющими только кровных родителей и имеющими кроме них еще приемных мать и отца. В психологии были предприняты многочисленные попытки построить типологию родительского отношения к ребенку. Зачастую в структуре родительского отношения выделяют 3 компонента: эмоциональный, когнитивный, поведенческий, каждый из которых имеет сложную структуру. Несмотря на многочисленные исследования проблемы родительско-детских отношений, многие

аспекты взаимодействия родителей и детей остаются не изученными, однако социально-психологическое их рассмотрение может способствовать теоретическому и практическому осмыслению указанной проблемы.

2. Вслед за В. Л. Ситниковым мы считаем, что ребенок – это прежде всего человек, находящийся в стадии интенсивного развития. Можно выделить ряд основных видов понятия «образ ребенка», соответствующих основным видам понятия «образ человека». В эту схему мы включаем особенности социальной ситуации развития ребенка, в которой будут отражены две системы представлений ребенка о себе, о сверстниках, о взрослых, в том числе о близких взрослых:

- система «образ ребенка–образ общественного другого». Особенностью такой системы является то, что образ ребенка будет формироваться посредством общения с другими взрослыми, детьми, непосредственно через наблюдение за отношениями взрослого и ребенка и опосредованно (например, через художественную литературу, сайты интернета, знакомых или малознакомых других детей и взрослых). Результатом подобного познания будет являться формирующаяся Он-концепция, рассматриваемая как система устойчивых представлений о Другом;

- система «образ ребенка–образ близкого другого (например, родителя и сверстника)». Ее особенностью будет являться то, что образ ребенка будет формироваться посредством общения с другими взрослыми, детьми, через наблюдение за отношениями взрослого и ребенка, а также через общение с самим собой, с близкими взрослыми, с детьми-сверстниками. Результатом такого познания будет являться формирующаяся Я-концепция, рассматриваемая как система устойчивых представлений о себе.

По сравнению с образами первой системы представлений образы второй системы из-за близости объекта восприятия и частого контактирования с ним будут более четкими и константными. Причем образ ребенка, преобладающий в сознании взрослых, определяет доминирующий стиль их взаимодействия с ребенком.

ГЛАВА 3

МЕТОДИКА И ОРГАНИЗАЦИЯ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ СОЦИАЛЬНО-ПЕРЦЕПТИВНЫХ ОБРАЗОВ РЕБЕНКА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОДИТЕЛЕЙ

3.1 Методологические основания эмпирического исследования

Несомненно, семья – это важная микросреда интеллектуального, психического и морального развития ребенка. Семейная среда является значимой в ходе развития подрастающего поколения. Однако социальное окружение может не только обогащать его, но и неадекватно воспринимать. В этом смысле оно может способствовать не столько «излечению» психики от пагубного воздействия, сколько оказывать патогенное влияние.

Как известно, родители должны ухаживать за детьми, проявлять заботу, не нарушая их самооценки и помогая их социализации. Однако сами родители зачастую не соблюдают эти правила и не прислушиваются к своему ребенку. Поэтому уже в раннем детстве ребенок может отчуждаться от собственной индивидуальности. Чаще всего это происходит потому, что у самих взрослых имеются свои представления о ребенке, его способностях и предназначении.

Так, анализ результатов исследования, проведенного коллегами-психологами кафедры практической психологии ЛГУ им. А. С. Пушкина, показал, что для подростков в возрасте 12–13 лет существенную роль в становлении смысла жизни играют родители. Родительский авторитет в среднем подростковом возрасте имеет огромное значение в становлении мировоззрения детей. Данный факт подчеркивает ведущую роль матери и отца в проблемных жизненных ситуациях, в которые попадает подросток. При этом общеизвестно, что подростковый возраст характеризуется реакцией эмансипации, т.е. отдалением от семьи и взрослых, избавлением от опеки родителей [87, с. 118–129].

Согласно взглядам В. Н. Мясищева, богатство отношений с окружающим миром – главное условие нормального развития личности. Он считал, что степень деструктивности депривационных условий в определенной мере зависит от мотивационно-потребностной сферы, конституциональных особенностей, от наличия психических и соматических заболеваний. Ученый подчеркивал необходимость исследования ситуаций, которые можно рассматривать в качестве наиболее значимых источников депривации для данной конкретной личности [62].

В продолжение следует отметить, что отношение к ребенку ближайшего окружения, их индивидуальные особенности могут приводить к тому, что человек начинает воспринимать себя неудачником, несчастным, немощным и т.д., относится к себе как к жертве жизненных обстоятельств. Это может повлиять на то, что его поведение и отношения с окружающими определяются подобным самоотношением, что усложняет его жизнь, а также может привести к психическим и социальным отклонениям, т.е. превратить в реальную жертву, сделать виктимным [94].

Следовательно, в семье может формироваться определенный тип жертвы благодаря тем механизмам социализации, которые для нее характерны: идентификация, импринтинг и др. [цит. по: 95, с. 186–190].

Таким образом, проблема психологической безопасности развития детей и подростков в семье в настоящее время является чрезвычайно актуальной и способствует возникновению множества аспектов гуманистического, социально-экономического, правового, медицинского, образовательного характера.

Так, мы сосредоточили свое внимание на изучении социально-перцептивных образов как регуляторов родительско-детских отношений.

Теоретико-методологической основой исследования явились методологическая проблема образа в психологии (Б. Г. Ананьев, Б. Ф. Ломов, А. Н. Леонтьев, Б. А. Еремеев, Ю. П. Кошелева и др.), положения о социальной природе человека (Б. Г. Ананьев, Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн и др.); концепции социальной перцепции (Г. М. Андреева, А. А. Бодалев, Т. М. Мишина, А. А. Реан, В. Л. Ситников и др.), концепция психологической безопасности (И. А. Баева).

3.2 Программа, предмет, объект и задачи исследования

3.2.1 Программа изучения образа ребенка

Программа включает следующие основные пункты:

1. *Определение предмета, целей и задач исследования.*

2. *Выбор объекта исследования:*

2.1. Определение категории взрослых, которая оказывает наибольшее влияние на развитие, воспитание и образование детей и чьи представления о детях оказываются наиболее полными и репрезентативными.

3. *Разработка методов и процедуры изучения образа ребенка:*

3.1. Выбор компактных, доступных и простых, но информативных и сопоставимых методов изучения образов ребенка, складывающихся в сознании взрослых и детей.

3.2. Разработка процедуры и последовательности сбора эмпирических данных.

3.3. Разработка системы качественного и количественного анализа полученных эмпирических данных.

4. Обработка полученных результатов:

- 4.1. Первичная обработка эмпирических данных.
- 4.2. Математико-статистическая обработка данных.
- 4.3. Анализ полученных результатов.
- 4.4. Структурирование результатов анализа.
- 4.5. Осмысление эмпирических результатов исследования.
- 4.6. Теоретический анализ и психологическая интерпретация эмпирических данных.
- 4.7. Определение плана описания результатов исследования.
- 4.8. Описание полученных результатов.

3.2.2 Объект и предмет исследования

Объектом исследования были определены социально-перцептивные образы как регуляторы родительско-детского взаимодействия.

Предметом исследования стало определение взаимосвязей социально-перцептивных образов с родительско-детским взаимодействием.

На 1-м этапе работы было проведено исследование по методике СОЧ(И) (В. Л. Ситников) с участием 78 женщин в возрасте от 29 до 66 лет, имеющих опыт работы приемным родителем, родителем-воспитателем. Минимальный возраст замещающих матерей – 29 лет, максимальный возраст замещающих матерей – 66 лет ($M=49,64$; $SD=7,54$). Расчет размера выборки происходил с учетом доверительной вероятности 90%, доверительного интервала $\pm 5\%$, генеральной совокупности 100 респондентов, выборочной совокупности от числа 73 респондентов.

На 2-м этапе работы было проведено исследование по методике ВРР (И. М. Марковская) с участием 36 женщин в возрасте от 29 до 66 лет, принявших участие в работе 1-го этапа. Минимальный возраст замещающих матерей – 29 лет, максимальный возраст замещающих матерей – 66 лет ($M=49,08$; $SD=8,93$). Расчет размера выборки происходил с учетом доверительной вероятности 85%, доверительного интервала $\pm 5,43\%$, генеральной совокупности 45 респондентов, выборочной совокупности от числа 36 респондентов.

База исследования: ГУДОВ «Витебский областной институт развития образования».

3.2.3 Основные задачи исследования

Целью проведенного исследования являлось определение взаимосвязей социально-перцептивных образов с родительско-детским взаимодействием у замещающих матерей.

Программа исследования предполагала решение следующих задач: определение особенностей структурных и содержательных характеристик Я-, Ты-образов замещающих матерей; установление взаимосвязей социально-перцептивных образов с родительско-детским взаимодействием.

3.3 Методика изучения образа ребенка и родительско-детских отношений

Для эмпирического исследования мы использовали следующие методики: опросник «Взаимодействие родитель–ребенок» (И. М. Марковская) [57]; методика «СОЧ(И)» (В. Л. Ситников) [86].

В нашем исследовании была применена методика «СОЧ(И) – структура образа человека (иерархическая)», разработанная В. Л. Ситниковым на основе использования методических приемов М. Куна и Т. Мак-Партленда «20 высказываний» и С. Деллингер «Психогеометрический тест». Методика состоит из двух частей: вербальной и невербальной. Первая из них дает возможность сбора вербальной, в той или иной степени осознаваемой информации; вторая позволяет получить данные об интуитивной, мало осознаваемой, невербализованной и неструктурированной группе представлений о человеке. В нашем исследовании была применена вербальная ее часть.

Первая часть методики, которая и была использована нами в исследовании, основана на применении методического приема, предложенного М. Куном и Т. Мак-Партлендом, «20 высказываний». Испытуемым предлагается дать по 20 определений двух (или более) конкретных реальных или воображаемых людей, например, себя, ребенка, взрослого, литературного героя и т.п. Это могут быть односложные синонимы, ассоциативные образы или развернутые определения, но в этом случае каждое определение должно раскрывать только одно понятие. Ответы фиксируются по мере возникновения ассоциаций. Время описания одного человека было ограничено 12 минутами. Затем с помощью разработанной программы проводится сопоставительный анализ структур и содержания социально-перцептивных образов. Мы использовали вариант для взрослых. Приемным родителям (замещающим матерям) предлагалось дать 20 определений самому себе, т.е. описать самого себя. После выполнения задания по истечении 12 минут следовала другая инструкция в отношении приемного ребенка. Замещающим матерям предлагалось дать 20 определений своему приемному ребенку, т.е. описать реального ребенка. Если в семье воспитывалось несколько детей, то была просьба описать одного реального ребенка по желанию родителя.

Соответственно нами были получены две группы образов: Я-образы замещающих матерей и Ты-образы приемных детей.

Полученные первичные эмпирические данные групп образов заносились в матрицу контент-анализа.

Данная программа основана на том, что в структуре представлений о ребенке (в нашем случае и взрослом) были выделены группы характеристик, включающие следующие категории описаний ребенка (взрослого):

1 группа. Характеристики, отражающие объективные или субъективные представления о человеке:

1.1. Объективные характеристики (человек, сестра, мальчик и т.п.); условное обозначение – «к» – конвенциональные, общепринятые.

1.2. Субъективные характеристики (добрый, умный, негодник и т.п.).

2 группа. Характеристики, отражающие различные стороны личности:

2.1. Характеристики, отражающие отношение к деньгам, материальным ценностям, коллекционированию, накоплению вещей (богатый, бедный, модный и т.п.); условное обозначение – «а». В ряде исследований, исходя из того, что вещи, окружающие человека, некоторым образом являются его презентацией самого себя, эти характеристики относили к телесным и обозначали, как и телесные, индексом «т».

2.2. Личностно-волевые характеристики (упорный, неусидчивый, целеустремленный и т. п.); условное обозначение – «в».

2.3. Характеристики особенностей поведения личности как субъекта деятельности (труженик, лентяй, аккуратный и т.п.); условное обозначение – «д».

2.4. Характеристики интеллектуально-творческой сферы личности (любопытный, невнимательный, выдумщик и т.п.); условное обозначение – «и».

2.5. Характеристики особенностей поведения личности, проявляющиеся как во взаимодействии, так и в деятельности (игривый, активный, осторожный и т.п.); условное обозначение – «п».

2.6. Характеристики особенностей поведения личности как субъекта взаимодействия (помощник, добрый, агрессивный и т.п.); условное обозначение – «с».

2.7. Телесно-физические характеристики (толстенький, подвижный, неряха и т.п.); условное обозначение – «т».

2.8. Эмоционально-личностные характеристики (веселый, любимый, задира и т.п.); условное обозначение – «э».

3. Оценочные характеристики отражают модальность отношения к человеку:

3.1. Положительную (добрый, умный, смелый, ласковый и т.п.; условное обозначение – «+»).

3.2. Отрицательную (злой, глупый, трусливый, грубый и т.п.; условное обозначение – «-»).

3.3. Нейтральную (не содержащую четко выраженную оценку отношения к человеку, например: блондин, гражданин, продавец и т.п.; условное обозначение «=»).

Еще одной методикой, использованной в исследовании, стал опросник «Взаимодействие родитель–ребенок» И. М. Марковской.

Данная методика предназначена для диагностики особенностей взаимодействия родителей и детей. Она позволяет выяснить не только оценку одной стороны – родителей, но и видение взаимодействия с другой стороны – с позиции детей.

Опросник «Взаимодействие родитель–ребенок» является «зеркальным» и содержит две параллельные формы: для родителей и для детей. Кроме того, имеется два варианта опросника:

- вариант для подростков и их родителей;
- вариант для родителей дошкольников и младших школьников.

Таким образом, опросник имеет три формы: одну детскую и две взрослые, по 60 вопросов в каждой.

Текст опросника включает 10 шкал – критериев для оценки взаимодействия родителей с детьми. На каждую шкалу варианта опросника для подростков приходится равное количество вопросов, кроме двух, которые выделяет большинство исследователей и которые могут считаться базовыми в родительско-детских отношениях. Это шкалы «автономия–контроль» и «отвержение–принятие», в них вошло по 10 утверждений, а в остальные шкалы – по 5 утверждений. Взрослый вариант опросника для родителей подростков тоже включает 60 вопросов и имеет аналогичную детскому варианту структуру. При заполнении опросника родителям и детям предлагается оценить степень согласия с каждым утверждением по 5-балльной системе: 1 балл – совершенно не согласен, это утверждение совсем не подходит; 5 баллов – совершенно согласен, это утверждение абсолютно подходит.

В опроснике «Взаимодействие родитель–ребенок» (ВРР) для подростков и их родителей представлены следующие 10 шкал:

- 1 шкала: нетребовательность–требовательность родителя. Данные этой шкалы показывают тот уровень требовательности родителя, который проявляется во взаимодействии родителя с ребенком. Чем выше показания по этой шкале, тем более требователен родитель, тем больше ожидает он высокого уровня ответственности от ребенка;

- 2 шкала: мягкость–строгость родителя. По результатам этой шкалы можно судить о суровости, строгости мер, применяемых к ребенку, о жесткости правил, устанавливаемых во взаимоотношениях между родителями и детьми, о степени принуждения детей к чему-либо;

- 3 шкала: автономность–контроль по отношению к ребенку. Чем выше показатели по этой шкале, тем более выражено контролирующее поведение по отношению к ребенку. Высокий контроль может проявляться в мелочной опеке, навязчивости, ограничительности; низкий контроль может приводить к полной автономии ребенка, к вседозволенности, которая может быть следствием либо безразличного отношения к ребенку, либо следствием любования. Возможно также, что низкий контроль связан с проявлением доверия к ребенку или стремлением родителя привить ему самостоятельность;

- 4 шкала: эмоциональная дистанция–эмоциональная близость ребенка к родителю. Обязательно следует обратить внимание на то, что эта шкала отражает представление родителя о близости к нему ребенка. Такая

трактовка шкалы вызвана зеркальной формой опросника, по которой дети оценивают собственную близость к родителям, свое желание делиться самым сокровенным и важным с родителем. Сравнивая данные родителя и данные ребенка, можно судить о точности представлений родителей, о переоценке или недооценке близости к нему ребенка;

– 5 шкала: отвержение–принятие ребенка родителем. Эта шкала отражает базовое отношение родителя к ребенку, его принятие или отвержение личностных качеств и поведенческих проявлений ребенка. Принятие ребенка как личности является важным условием благоприятного развития ребенка, его самооценки. Поведение родителей может восприниматься ребенком как принимающее или отвергающее;

– 6 шкала: отсутствие сотрудничества–сотрудничество. Наличие сотрудничества между родителями и детьми как нельзя лучше отражает характер взаимодействия. Сотрудничество является следствием включенности ребенка во взаимодействие, признания его прав и достоинств. Оно отражает равенство и партнерство в отношениях родителей и детей. Отсутствие такового может быть результатом нарушенных отношений, авторитарного, безразличного или попустительского стиля воспитания;

– 7 шкала: несогласие–согласие между ребенком и родителем. Эта шкала тоже описывает характер взаимодействия между родителем и ребенком и отражает частоту и степень согласия между ними в различных жизненных ситуациях. Используя две формы опросника – детскую и взрослую, можно оценить степень согласия не только по этой шкале, но и по всем остальным шкалам, так как расхождения между ними тоже позволяют судить о различиях во взглядах ребенка и родителя на воспитательную ситуацию в семье;

– 8 шкала: непоследовательность–последовательность родителя. Последовательность родителя является важным параметром взаимодействия, в этой шкале отражается, насколько последователен и постоянен родитель в своих требованиях, в собственном отношении к ребенку, в применении наказаний и поощрений и т.д. Непоследовательность родителя может быть следствием эмоциональной неуравновешенности, воспитательной неуверенности, отвергающего отношения к ребенку и т.п.;

– 9 шкала: авторитетность родителя. Результаты этой шкалы отражают самооценку родителя в сфере его влияния на ребенка, насколько его мнения, поступки, действия являются авторитетными для ребенка, какова их сила влияния. Сравнение с данными ребенка позволяет судить о степени расхождения оценок родительского авторитета. Когда дети дают высокую оценку авторитетности родителя, то чаще всего это означает выраженное положительное отношение к родителю в целом, в связи с чем показатели по этой шкале очень важны для диагностики позитивности–негативности отношений ребенка к родителю, как и показатели по следующей – 10-й шкале;

– 10 шкала: удовлетворенность отношениями детей и родителей. По данным десятой шкалы можно судить об общей степени удовлетворенности отношениями между родителями и детьми – как с той, так и с другой стороны. Низкая степень удовлетворенности свидетельствует о нарушениях в структуре родительско-детских отношений, возможных конфликтах или об обеспокоенности сложившейся семейной ситуацией.

В варианте опросника для родителей дошкольников и младших школьников И. М. Марковский были изменены некоторые вопросы, которые оказались неадекватными для детей этого возраста и заменены две шкалы опросника. Вместо шкал «несогласие–согласие» и «авторитетность родителя» (7-я и 9-я шкалы) были введены две новые шкалы: 7 шкала: «тревожность за ребенка», 9 шкала: «воспитательная конфронтация в семье».

Многие авторы обращают внимание на родительскую тревожность за ребенка как на важный фактор для понимания возникновения невротических реакций у детей. А. И. Захаров выделяет также в качестве черты патогенного типа воспитания низкую сплоченность и разногласия членов семьи по вопросам воспитания, что может приводить к воспитательной конфронтации внутри семьи. Кроме того, замена 7-й и 9-й шкал вызвана отсутствием параллельной формы для детей, так как в этом возрасте детям достаточно трудно отвечать на вопросы, связанные с их отношениями к родителям, а без сравнения с детскими данными шкалы согласия и авторитетности утрачивают свою диагностическую ценность. Опросник (все три формы) прошел проверку на валидность и надежность.

3.4 Сбор и обработка эмпирических данных

Сбор эмпирического материала для выявления взаимосвязей социально-перцептивных образов с родительско-детским взаимодействием происходил в несколько этапов:

- 1 этап охватывал период с января по март 2019 года. С помощью методик СОЧ(И) проводилось исследование с участием замещающих матерей на курсах повышения квалификации;
- 2 этап – период с декабря 2019 г. по февраль 2020 года. С помощью методик СОЧ(И), ВРР проводилось исследование с участием замещающих матерей на курсах повышения квалификации;
- 3 этап включал в себя количественный и качественный анализ полученных данных. В ходе математико-статистической обработки данных проводились ранжирование, статистическая оценка достоверности различий, частотный, корреляционный, дисперсионный и кластерный анализ;
- 4 этап представлял собой обобщение результатов и формулировку выводов.

Выводы по главе 3

1. В нашем исследовании объектом изучения стали социально-перцептивные образы, понимаемые как регуляторы родительско-детского взаимодействия замещающих матерей. Всего исследовано 78 человек, получено 156 отчетов респондентов, отражающих образы самих себя и образы их приемных детей и включающих 2728 вербальных определений.

2. Методика «СОЧ(И) – структура образа человека (иерархическая)» предназначена для выявления и сравнительного анализа образов человека, имеющих в сознании взрослых и детей. В данном случае эта методика направлена на установление подобий и различий в структурах Я-, Ты-образов замещающих матерей. Кроме того, она позволяет сравнить структуры и содержание Я-образов и Ты-образов у замещающих матерей.

3. Опросник «Взаимодействие родитель–ребенок» предназначен для диагностики особенностей взаимодействия родителей и детей. Опросник позволяет выяснить не только оценку одной стороны – родителей, но и видение взаимодействия с другой стороны – с позиции детей. В нашем исследовании данная методика позволила определить особенности взаимодействия с позиции замещающих матерей.

ГЛАВА 4

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПЕРЦЕПТИВНЫХ ОБРАЗОВ РЕБЕНКА КАК ФАКТОРОВ ДЕТЕРМИНАЦИИ РОДИТЕЛЬСКО-ДЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ

4.1 Я-концепция и Я-образы в сознании замещающих матерей

Известно, что под Я-концепцией подразумевается комплекс всех представлений человека о себе. Каждый человек несет в себе Я-образ, который определяет рамки его возможностей, его чувства, мировоззрение, установки. Никто не может действовать в противовес своим внутренним образам. Все наши действия, чувства, поступки согласуются с Я-образом. Он выступает в виде регулятора деятельности, контролера всего жизненного пути человека [13].

С одной стороны, формирование Я-образа происходит в результате рефлексии, самопознания, а с другой стороны, большое влияние на его формирование оказывают значимые другие люди, с которыми человек сталкивается в процессе своей жизнедеятельности.

Зарубежный психолог Роберт Бернс, анализируя работы У. Джемса, Ч. Кули, Д. Мида, Э. Эриксона и К. Роджерса, выделил три основные модальности самоустановок, на основании которых выстраиваются современные научные исследования по изучению социальной перцепции. Так, к таким самоустановкам относят «реальное Я», «зеркальное Я», «идеальное Я», причем каждая модальность включает четыре структурных аспекта: «физическое Я», «социальное Я», «умственное Я», «эмоциональное Я».

Важно отметить, что за последние тридцать лет проводились достаточно разнообразные исследования по изучению Я-концепции детей и взрослых, в том числе роли Я-концепции в воспитании детей. Исследованиями в данных областях занимались Б. Г. Ананьев, А. А. Бодалев, И. С. Кон, Ю. М. Орлов, А. А. Реан, В. Л. Ситников, Е. Т. Соколова, В. В. Столин и др. [96].

Так, Б. Г. Ананьев считал, что образование отношения формирующегося человека к самому себе является наиболее поздним по сравнению с другими свойствами: «Лишь пройдя через многие объекты отношений, сознание становится само объектом самосознания» [4, с. 277].

В свое время Б. Д. Карвасарский подчеркивал, что именно отношение к себе, будучи наиболее поздним и зависимым от всех остальных, за-

вершает становление структуры характера, системы отношений личности и обеспечивает ее целостность [42].

При каждом случае проявления человеком себя в обществе, при осуществлении восприятия соседним наблюдателем происходит взаимодействие Я-образа с образом другого человека, так называемым Ты-образом.

Взаимодействие людей друг с другом – встречный процесс, каждый из них является одновременно и предметом, и субъектом познания. Благодаря восприятию у каждого из участников общения есть возможность в какой-то степени проникнуть во внутренний мир другого, познакомиться с индивидуально-психологическими, характерологическими особенностями партнера по общению, в соответствии с которыми он выстраивает свое поведение по отношению к оппоненту [6].

Как показывают исследования последних лет, наиболее сильное влияние на развивающийся Я-образ как собственное представление ребенка о самом себе нередко оказывают родители, поскольку именно они снабжают детей представлениями о правильных и неправильных действиях, образцами поведения и оценками поступков. Вследствие этого ребенок, как правило, становится таким, каким его видят мамы и папы. Основным моментом здесь может служить не только простое наложение (совпадение) образов – самовосприятие ребенка и восприятие его родителями, но и совместный образ-представление, лежащий в основе складывающихся детско-родительских отношений. Именно поэтому ребенок во многом будет ощущать себя так, как его видит значимое ему окружение близких, семья [27].

Однако встречаются и другие взгляды, в основе которых лежит утверждение о том, что ребенок социализируется не только в семье. Многочисленные социальные группы, значимые другие взрослые и сверстники для детей и подростков, могут серьезным образом влиять на развитие его представлений о самом себе [77, с. 85–91].

Например, отношение со стороны родителей к ребенку формирует представление ребенка о самом себе, уровень его потребностей, привычки, мотивы, установки, иные характеристики. Таким образом, от содержания детско-родительских отношений будет зависеть степень адекватности сформировавшегося образа (его позитивное или негативное отношение к себе, ценности, мотивы, установки).

По мнению В. Л. Ситникова, Я-образы матерей тесно связаны с Ты-образами их детей. Правда, такая связь обнаруживается в отношении биологических родителей. Относительно замещающих родителей подобных исследований нам не известно. Мы предполагаем, что эта связь обнаруживается в отношении биологических семей, а вот у приемных родителей такой связи может и не определяться.

Важно отметить, что в современном обществе родительско-детские или детско-родительские отношения оформляются не только в биологических семьях. С имеющимся в обществе семейным разнообразием зачастую

встают вопросы о взаимодействии родителей и детей в этих социальных общностях, одними из которых являются приемные семьи.

Приемная семья – одна из форм устройства детей-сирот, которая относительно недавно стала чрезвычайно интенсивно и фактически стихийно развиваться.

4.2 Структура и содержание Я-образов и Ты-образов ребенка у замещающих матерей

Одной из задач нашего исследования стало определение особенностей структурных и содержательных характеристик Я-образов самих замещающих матерей и Ты-образов их приемных детей.

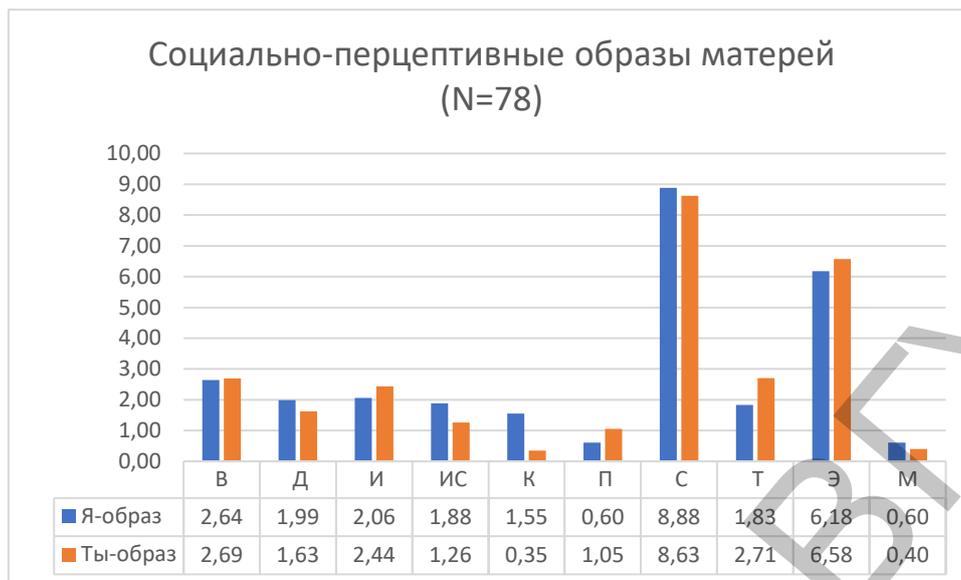
На основании проведенного анализа по частотному словарю методики СОЧ(И) было проведено ранжирование показателей по 10-ти структурным характеристикам образов (таблица 7).

Таблица 7 – Результаты ранжирования структурных компонентов образов (N=78)

Структуры образов	Я-образ		Ты-образ	
	μ	ранг	μ	ранг
Волевые	2,64	3	2,69	4
Деятельностные	1,99	5	1,63	6
Интеллектуальные	2,06	4	2,44	5
Интеллект социальный	1,88	6	1,26	7
Конвенциональные	1,55	8	0,35	10
Поведенческие	0,60	9	1,05	8
Социальные	8,88	1	8,63	1
Телесные	1,83	7	2,71	3
Эмоциональные	6,18	2	6,58	2
Метафорические	0,60	9	0,40	9

Как видно из таблицы, в изучаемых образах на первых двух ранговых местах располагаются социальные и эмоциональные характеристики. Начиная с третьего рангового места имеются отличительные особенности. Так, на третьем месте в Я-образах матерей отмечаются волевые характеристики, а на аналогичном месте в Ты-образах ребенка – телесные характеристики.

Распределение структурных характеристик образов представлено на рисунке 3. На нем видно, что распределения средних значений весьма близки и это наводит на мысль о том, что структуры изучаемых образов очень похожи между собой.

Условные обозначения: В – волевые, Д – деятельностные, И – интеллектуальные, ИС – интеллект социальный, К – конвенциональные, П – поведенческие, С – социальные, Т – телесные, Э – эмоциональные, М – метафорические.

Рисунок 3 – Распределение показателей средних по структурным характеристикам социально-перцептивных образов матерей

Далее мы проанализировали данные средних значений по характеристикам разной модальности. Важно отметить интересную особенность, связанную с практически одинаковым набором положительных и нейтральных характеристик в изучаемых образах и преобладанием отрицательных их элементов в Ты-образах приемных детей по сравнению с аналогичными характеристиками в Я-образах замещающих матерей (рисунок 4).

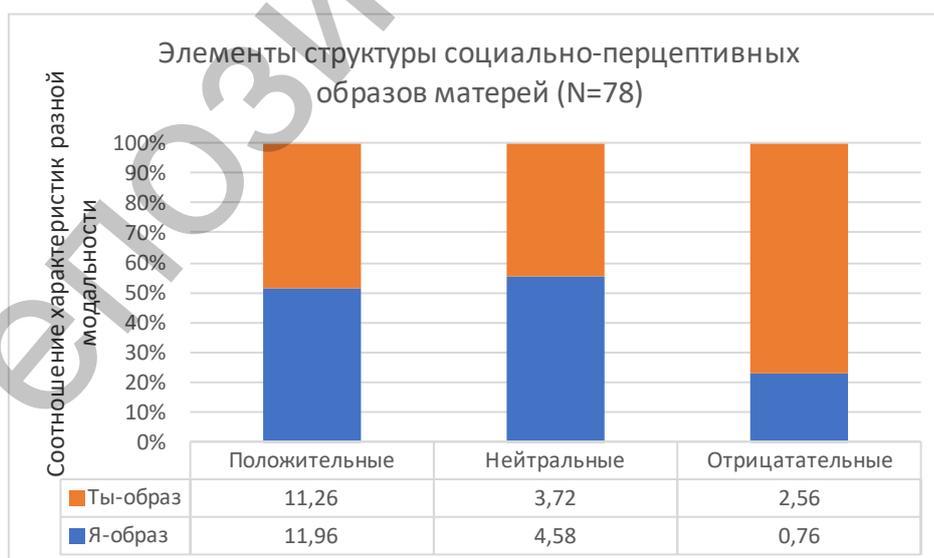

Рисунок 4 – Сравнение характеристик образов по модальности

По нашему мнению, это связано с имеющейся психологической готовностью у замещающих матерей воспринимать приемного ребенка хуже, чем они сами себя воспринимают. Следовательно, выявленная особенность будет характерна для замещающих родителей, о которой еще А. С. Спиваковская говорила как о негативном явлении, в основе которого лежат родительские страхи о неблагоприятном генофонде приемного ребенка [93, с. 127–132]. Такое предубеждение у матерей может развивать неуверенность в родительской компетентности и своих воспитательных возможностях.

Таким образом, несмотря на внешнюю схожесть по структурам содержательных характеристик двух образов, Я-образы замещающих матерей и Ты-образы их приемных детей могут иметь существенные различия по параметрам модальности.

В дальнейшем полученные данные были подвергнуты статистическому анализу. С помощью критерия Колмогорова–Смирнова были получены результаты об отсутствии нормального распределения структурных компонентов Я-образов замещающих матерей (Приложение А) и компонентов Ты-образов их приемных детей (Приложение Б).

Также была проведена описательная статистика. Как видно из нее, показатели по Я- и Ты-образам не имеют нормального распределения (рисунок 5).

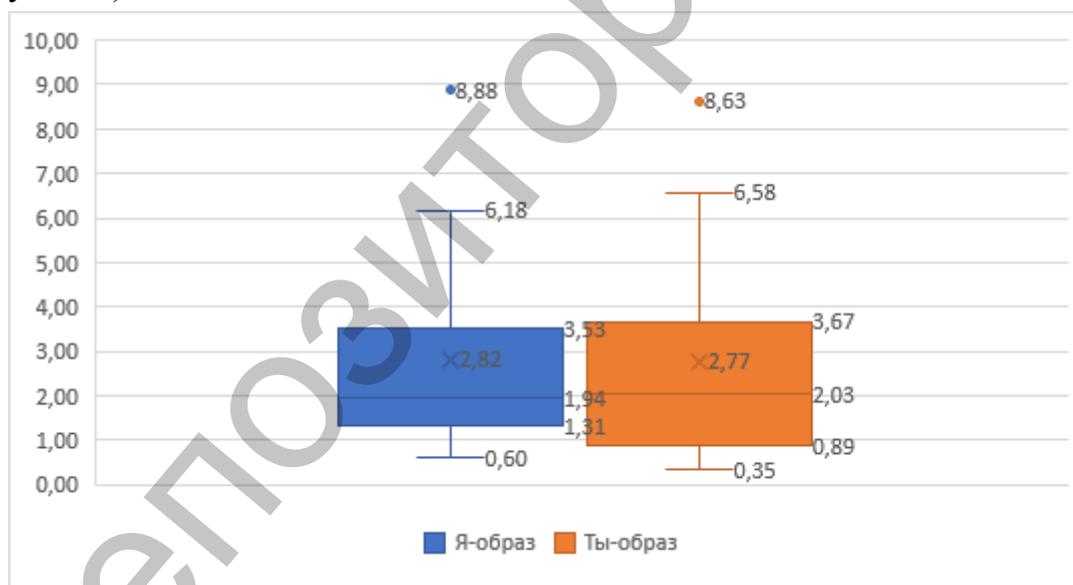

Рисунок 5 – Диаграмма размаха показателей структуры образов

Диаграмма свидетельствует о том, что минимальное значение по Я-образам – 0,60, а по Ты-образам – 0,35; 1-й квартиль по Я-образам – 1,31, а по Ты-образам – 0,89. Медиана по Я-образам – 1,94, а по Ты-образам – 2,03; 3-й квартиль по Я-образам – 3,54, а по Ты-образам – 3,67. Максимальное значение по Я-образам – 8,88, а по Ты-образам – 8,63; 2-е наибольшее значение по Я-образам – 6,18, а по Ты-образам – 6,58.

Соответственно, сильно отклоняющиеся значения устанавливаются по социальным характеристикам изучаемых образов.

На основании проведенного предварительного статистического анализа по определению особенностей распределения изучаемого признака, а также на основании результатов описательной статистики для проверки гипотезы о статистическом различии в показателях структуры Я-, Ты-образов матерей нами был использован Т-критерий Вилкоксона. В первую очередь нас интересовали различия по таким структурным компонентам, как социальные, эмоциональные, телесные и волевые. Именно они занимают первые ранговые места в Я-, Ты-образах замещающих матерей.

На основании проведенного анализа были обнаружены различия по компонентам образов (Приложение В).

Вместе с тем были выявлены достоверные различия по таким структурным характеристикам образов, как социальный интеллект, конвенциональные, поведенческие, телесные и отрицательные характеристики.

Различия отсутствуют по таким структурным характеристикам, как волевые, деятельностные, интеллектуальные, социальные, эмоциональные, метафорические, положительные и нейтральные характеристики.

Помимо различий нас интересовал вопрос о взаимосвязях структурных компонентов изучаемых образов. Так, мы предположили, что может быть обнаружена структурно-статистическая связь между Я-образами замещающих матерей и Ты-образами их приемных детей. Корреляционный анализ проводился с помощью непараметрического критерия г-Спирмена (Пакет SPSS Statistics 23).

В попарном сравнении Я-образов замещающих матерей и Ты-образов приемных детей были выявлены 27 корреляций, из них 2 – отрицательные и 25 – положительные (таблица 8).

Таблица 8 – Показатели корреляций при парном сравнении Я-образов матери и детских образов

Структура образов		Я-образы замещающих матерей												
		В	Д	И	ИС	К	П	С	Т	Э	М	«+»	«=»	«-»
Ты-образы приемных детей	В	,299**		,287*							-,259*			
	Д			,261*		-,250*								
	И						,241*							
	ИС													
	К							,256*						
	П									,295**		,234*		
	С							,298**				,239*		
	Т		,248*		,285*					,257*				
	Э			,259*								,234*		
М											,386**			

«+»					,228*				,244*	,266*			,365**		
«=»												,247*		,291**	,328**
«-»				,248*											,359**

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

Полученные данные по корреляционному анализу свидетельствуют о достаточно тесной связи двух образов в сознании приемных матерей. Более того, мы считаем, что образ приемного ребенка в сознании замещающей матери выстраивается по механизму проекции, в основе которого лежат собственные представления о самой себе. Так, наибольшее количество связей в Я-образах отмечается с интеллектуальными (5 положительных корреляций) компонентами Я-образов замещающих матерей и с положительной модальностью (4 корреляции) их образов.

В дальнейшем мы осуществили проверку наличия связей между различными переменными образов. С помощью критерия χ^2 -статистики было проведено 27 проверок. Например, при проверке гипотезы об отсутствии независимости переменных она подтверждается по 20 корреляциям, таким как: волевые характеристики Я-образов и волевые характеристики Ты-образов ($\chi^2=0,403$ при $p>0,05$), деятельностные и телесные ($\chi^2=0,446$ при $p>0,05$), интеллектуальные характеристики Я-образов и интеллектуальные характеристики Ты-образов ($\chi^2=0,341$ при $p>0,05$), интеллектуальные и эмоциональные ($\chi^2=0,883$ при $p>0,05$), интеллектуальные и отрицательные ($\chi^2=0,425$ при $p>0,05$), интеллект социальный и телесные характеристики ($\chi^2=0,146$ при $p>0,05$), интеллект социальный и положительные характеристики ($\chi^2=0,146$ при $p>0,05$), конвенциональные и деятельностные ($\chi^2=0,987$ при $p>0,05$), поведенческие и интеллектуальные ($\chi^2=0,1734$ при $p>0,05$), социальные и конвенциональные ($\chi^2=0,678$ при $p>0,05$), социальные и положительные ($\chi^2=0,458$ при $p>0,05$), телесные и положительные ($\chi^2=0,438$ при $p>0,05$), эмоциональные и поведенческие ($\chi^2=0,194$ при $p>0,05$), метафорические и волевые ($\chi^2=0,987$ при $p>0,05$), положительные и поведенческие ($\chi^2=0,900$ при $p>0,05$), положительные и социальные ($\chi^2=0,653$ при $p>0,05$), положительные характеристики Я-образов и положительные характеристики Ты-образов ($\chi^2=0,153$ при $p>0,05$), нейтральные характеристики Я-образов и нейтральные характеристики Ты-образов ($\chi^2=0,268$ при $p>0,05$), отрицательные характеристики Я-образов и нейтральные характеристики Ты-образов ($\chi^2=0,347$ при $p>0,05$), отрицательные характеристики Я-образов и отрицательные характеристики Ты-образов ($\chi^2=0,124$ при $p>0,05$).

Зависимость есть отсутствие независимости, это значит, что такие статистические связи не случайны. В ходе математико-статистического анализа выявлено 20 статистически значимых корреляций между структурными компонентами различных образов.

Так, это связи между интеллектуальной характеристикой Я-образов и волевой характеристикой Ты-образов ($\chi^2=0,025$ при $p \leq 0,05$), между интеллектуальной характеристикой Я-образов и деятельностной характеристикой Ты-образов ($\chi^2=0,027$ при $p \leq 0,05$), между социальной характеристикой Я-образов и социальной характеристикой Ты-образов ($\chi^2=0,000$ при $p \leq 0,05$), между метафорической характеристикой Я-образов и метафорической характеристикой Ты-образов ($\chi^2=0,000$ при $p \leq 0,05$), между метафорической характеристикой Я-образов и нейтральной характеристикой Ты-образов ($\chi^2=0,000$ при $p \leq 0,05$), между положительной характеристикой Я-образов и эмоциональной характеристикой Ты-образов ($\chi^2=0,021$ при $p \leq 0,05$), между телесной характеристикой Я-образов и телесной характеристикой Ты-образов ($\chi^2=0,090$ при $p \leq 0,05$).

Полученные результаты о наличии взаимосвязей между переменными образы были подвергнуты проверке по критерию V Крамера для определения силы взаимосвязей между структурами образов (таблица 9).

Таблица 9 – Показатели силы взаимосвязи между переменными социально-перцептивных образов

Структура Я-образов	Структура Ты-образов	Приблизительная значимость	Значение критерия V Крамера	Сила взаимосвязи
ИС	Т	0,15	0,1–<0,2	Слабая
П	И	0,17	0,1–<0,2	Слабая
Э	П	0,19	0,1–<0,2	Слабая
«+»	«+»	0,15	0,1–<0,2	Слабая
«-»	«-»	0,12	0,1–<0,2	Слабая
В	В	0,40	0,2–<0,4	Средняя
Д	Т	0,45	0,2–<0,4	Средняя
И	И	0,34	0,2–<0,4	Средняя
«=»	«=»	0,27	0,2–<0,4	Средняя
«-»	«=»	0,35	0,2–<0,4	Средняя
И	«-»	0,43	0,4–<0,6	Относительно сильная
Т	«+»	0,44	0,4–<0,6	Относительно сильная
М	В	0,53	0,4–<0,6	Относительно сильная
С	«+»	0,46	0,4–<0,6	Относительно сильная
С	К	0,68	0,6–<0,8	Сильная
«+»	С	0,65	0,6–<0,8	Сильная
ИС	«+»	0,91	0,8–1,0	Очень сильная
И	Э	0,88	0,8–1,0	Очень сильная
К	Д	0,99	0,8–1,0	Очень сильная
«+»	П	0,90	0,8–1,0	Очень сильная

Условные обозначения: В – волевые, Д – деятельностные, И – интеллектуальные, ИС – интеллект социальный, К – конвенциональные, П – поведенческие, С – социальные, Т – телесные, Э – эмоциональные, М – метафорические, «+» – положительные, «=» – нейтральные, «-» – отрицательные.

Нами были получены показатели по силе взаимосвязи структурных компонентов изучаемых образов. Из них оказались слабыми 5 положи-

тельных корреляций, средними – 5 положительных корреляций, относительно сильными – 4 корреляции (3 – положительные, 1 – отрицательная), сильными – 2 положительные корреляции, очень сильными – 4 корреляции (3 – положительные, 1 – отрицательная).

По нашему мнению, не имеет смысла описывать все полученные корреляции. Обратим только внимание на их большое количество и рассмотрим такую особенность, как аргументация о тесноте связей структур двух изучаемых образов.

Также нами были проанализированы содержательные характеристики Я-, Ты-образов замещающих матерей. На основании частотных словарей по двум образам можно выделить одинаковые характеристики (таблица 10).

Таблица 10 – Сравнительная характеристика содержания социально-перцептивных образов замещающих матерей

№	Я-образ	Частота	Отн. частот.	Ты-образ	Частота	Отн. частот.
1	добрая	36	46%	добрый	43	55%
2	трудолюбивая	26	33%	ласковый	37	47%
3	веселая	23	29%	любимый	22	28%
4	заботливая	22	28%	веселый	21	27%
5	ответственная	22	28%	умный	21	27%
6	справедливая	17	22%	трудолюбивый	20	26%
7	отзывчивая	15	19%	красивый	18	23%
8	дружелюбная	14	18%	любопытный	15	19%
9	аккуратная	13	17%	ответственный	14	18%
10	внимательная	13	17%	отзывчивый	14	18%
11	мама	13	17%	аккуратный	12	15%
12	любящая	12	15%	дружелюбный	12	15%
13	нежная	12	15%	заботливый	12	15%
14	женщина	11	14%	общительный	11	14%
15	ласковая	11	14%	помощник	11	14%
16	любимая	11	14%	быстрый	10	13%
17	любопытная	11	14%	послушный	10	13%
18	строгая	10	13%	хороший	10	13%
19	терпеливая	10	13%	интересный	9	12%
20	хозяйственная	10	13%	скромный	9	12%
21	интересная	9	12%	спортивный	9	12%
22	красивая	9	12%	активный	8	10%
23	понимающая	9	12%	обидчивый	8	10%
24	симпатичная	9	12%	самостоятельный	8	10%
25	умная	9	12%	вежливый	7	9%
26	жизнерадостная	7	9%	внимательный	7	9%
27	люблю детей	7	9%	воспитанный	7	9%

28	целеустремлен- ная	7	9%	заботливый	7	9%
29	человек	7	9%	капризный	7	9%
30	честная	7	9%	нежный	7	9%
31	гостеприимная	6	8%	радостный	7	9%
32	друг	6	8%	честный	7	9%
33	коммуникабель- ная	6	8%	артистичный	6	8%
34	надежная	6	8%	жалостливый	6	8%
35	скромная	6	8%	застенчивый	6	8%
36	активная	5	6%	любопытный	6	8%
37	доброжелатель- ная	5	6%	гиперактивный	5	6%
38	дочь	5	6%	жизнерадост- ный	5	6%
39	жалостливая	5	6%	игривый	5	6%
40	люблю готовить	5	6%	исполнительный	5	6%
41	обидчивая	5	6%	коммуникабель- ный	5	6%
42	общительная	5	6%	разговорчивый	5	6%
43	повар	5	6%	симпатичный	5	6%
44	ранимая	5	6%	сострадание	5	6%
45	спокойная	5	6%	старательный	5	6%
46	спортивная	5	6%	хитрый	5	6%
47	требовательная	5	6%	бережливый	4	5%
48	хозяйка	5	6%	девочка	4	5%
49	чистоплотная	5	6%	доверчивый	4	5%
50	бабушка	4	5%	контактный	4	5%

Условные обозначения: жирным шрифтом выделены повторяющиеся характеристики.

Как видно из таблицы 10, анализ содержания социально-перцептивных образов, обобщенных по структурно-частотному принципу, показывает, что есть не только структурно-статистическая связь, но и содержательно-качественная связь между элементами изучаемых образов.

При сравнении дословных совпадений двух образов в представлениях замещающих матерей обнаруживается то, что они видят и себя, и своего приемного ребенка: ДОБРЫМИ, ТРУДОЛЮБИВЫМИ, ВЕСЕЛЫМИ, ЗАБОТЛИВЫМИ, ОТВЕТСТВЕННЫМИ, ОТЗЫВЧИВЫМИ, ДРУЖЕЛЮБНЫМИ, АККУРАТНЫМИ, ВНИМАТЕЛЬНЫМИ, ЛАСКОВЫМИ, ЛЮБИМЫМИ, ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫМИ, ИНТЕРЕСНЫМИ, КРАСИВЫМИ, СИМПАТИЧНЫМИ, УМНЫМИ, ЖИЗНЕРАДОСТНЫМИ, ЧЕСТНЫМИ, КОММУНИКАБЕЛЬНЫМИ, СКРОМНЫМИ, АКТИВНЫМИ, ЖАЛОСТЛИВЫМИ, ОБИДЧИВЫМИ, ОБЩИТЕЛЬНЫМИ, СПОРТИВНЫМИ.

При качественном анализе содержания изучаемых образов отмечаются и специфические, не похожие характеристики. Так, в Я-образах за-

мещающих матерей встречаются такие описания: СПРАВЕДЛИВАЯ, МАМА, ЛЮБЯЩАЯ, ЖЕНЩИНА, СТРОГАЯ, ТЕРПЕЛИВАЯ, ХОЗЯЙСТВЕННАЯ, ПОНИМАЮЩАЯ, ЛЮБЯЩАЯ ДЕТЕЙ, ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК, ГОСТЕПРИИМНАЯ, ДРУГ, НАДЕЖНАЯ, ЛЮБЯЩАЯ ГОТОВИТЬ, РАНИМАЯ, СПОКОЙНАЯ, ТРЕБОВАТЕЛЬНАЯ, ХОЗЯЙКА, ЧИСТОПЛОТНАЯ.

При качественном анализе содержания Ты-образов также отмечаются специфические, не похожие характеристики, например, ПОМОЩНИК, БЫСТРЫЙ, ПОСЛУШНЫЙ, ХОРОШИЙ, САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ, ВЕЖЛИВЫЙ, ВОСПИТАННЫЙ, КАПРИЗНЫЙ, РАДОСТНЫЙ, АРТИСТИЧНЫЙ, ЗАСТЕНЧИВЫЙ, ЛЮБОПЫТНЫЙ, ГИПЕРАКТИВНЫЙ, ИГРИВЫЙ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ, РАЗГОВОРЧИВЫЙ, СТРАРАТЕЛЬНЫЙ, СОСТРАДАЮЩИЙ, ХИТРЫЙ, БЕРЕЖЛИВЫЙ, ДОВЕРЧИВЫЙ, КОНТАКТНЫЙ.

Таким образом, на основании проведенного количественного и качественного анализа можно сделать ряд обобщений. Несмотря на имеющееся внешнее подобие, отмечающееся в структурных характеристиках Я-образов матерей, в них также есть существенные различия, которые, на наш взгляд, будут определяющими в выделении себя и другого в процессе социального восприятия.

4.3 Особенности родительско-детского взаимодействия замещающих матерей

Помимо структуры и содержания изучаемых образов и их связей нас интересовал вопрос об особенностях взаимоотношения приемной матери и ребенка. По нашему предположению, Я-образы замещающих мам становятся своеобразными индикаторами в регуляции родительско-детских отношений. Отсюда была сформулирована гипотеза о том, что имеется статистическая зависимость между структурой Я-образов замещающих матерей и их взаимодействием с приемными детьми. Общее количество респондентов, принявших участие в исследовании по методике ВРР (И. М. Марковская), составило 36 человек из числа опрошенных, которые уже принимали участие в исследовании по методике СОЧ(И).

По результатам первичного анализа по методике ВРР были определены показатели повышения значений по шкалам, понижение значений и неопределенные значения по шкалам применяемой методики. Подсчеты абсолютной и относительной частоты представлены в таблице 11.

Таблица 11 – Результаты показателей абсолютной частоты по шкалам ВРР (N=36)

№	Шкалы ВРР	Повышение значений		Понижение значений		Неопределенность	
		Абс. частот.	Отн. частот.	Абс. частот.	Отн. частот.	Абс. частот.	Отн. частот.
1	Требовательность	17	47%	16	44%	3	8%
2	Строгость	16	44%	12	33%	8	22%
3	Контроль	24	67%	11	31%	1	3%
4	Близость	28	78%	6	17%	2	6%
5	Принятие	32	89%	4	11%	0	0%
6	Сотрудничество	27	75%	6	17%	3	8%
7	Согласие	18	50%	9	25%	9	25%
8	Последовательность	31	86%	4	11%	1	3%
9	Авторитетность	23	64%	12	33%	1	3%
10	Удовлетворенность	27	75%	6	17%	3	8%
	Σ	243		86		31	

В изучаемой выборке частота повышения значений присутствует практически по всем шкалам. Преобладающими в частоте повышения показателей отмечаются шкалы «Принятие», «Последовательность», «Близость», «Сотрудничество», «Удовлетворенность». На противоположном полюсе – показатели пониженных значений в порядке убывания по следующим шкалам: «Требовательность», «Строгость», «Авторитетность», «Контроль», «Согласие».

Последующим шагом в нашей работе стало определение связей между Я-образами ребенка и показателями родительского взаимодействия с детьми. С помощью критерия Спирмена было выявлено 9 корреляций, из них положительных – 1 корреляция, отрицательных – 8 корреляций (таблица 12).

Таблица 12 – Показатели корреляций между структурными компонентами Я-образов замещающих матерей и родительским взаимодействием

Структура образов	Н-Т	М-С	А-К	ЭД-Б	О-П	ОС-С	Н-С	Н-П	АР	УОР
В										
Д										
И										-,346*
ИС							-,401*	-,409*	-,386*	
К				-,370*				-,435**		
П										
С										
Т										

Э										
М						,359*				
+										-,409*
=									-,356*	
-										

Условные обозначения: Н-Т – нетребовательность–требовательность, М-С – мягкость–строгость, А-К – автономность–контроль, ЭД-Б – эмоциональная дистанция–близость, О-П – отвержение–принятие, ОС-С – отсутствие сотрудничества–сотрудничество, Н-С – несогласие–согласие, Н-П – непоследовательность–последовательность, АР – авторитетность родителя, УОР – удовлетворенность отношениями с ребенком (родителем). ** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя). * Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

Полученные результаты о наличии взаимосвязей между переменными Я-образов и родительским взаимодействием были подвергнуты проверке по критерию V Крамера для определения силы взаимосвязей между изучаемыми признаками. Так, было подтверждено 9 корреляций, из них слабые – 3 корреляции (1 – положительная, 2 – отрицательные), средние – 1 отрицательная корреляция, относительно сильные – 1 отрицательная корреляция, сильные – 2 отрицательные корреляции, очень сильные – 2 отрицательные корреляции.

Таблица 13 – Показатели силы взаимосвязи между переменными Я-образов матерей и родительским взаимодействием

Шкалы ВРР	Структура Я-образов	Приблизительная значимость	Значение критерия V Крамера	Сила взаимосвязи
Сотрудничество	М	0,14	0,1–<0,2	Слабая
Согласие	ИС	0,11	0,1–<0,2	Слабая
Последовательность	ИС	0,11	0,1–<0,2	Слабая
Авторитетность	ИС	0,30	0,2–<0,4	Средняя
Авторитетность	«+»	0,47	0,4–<0,6	Относительно сильная
Удовлетворенность	И	0,70	0,6–<0,8	Сильная
Последовательность	«=»	0,64	0,6–<0,8	Сильная
Последовательность	К	0,99	0,8–1,0	Очень сильная
Близость	К	0,94	0,8–1,0	Очень сильная

Условные обозначения: И – интеллектуальные, ИС – интеллект социальный, К – конвенциональные, М – метафорические, «+» – положительные, «=» – нейтральные.

Таким образом, корреляции подтверждаются по 6 шкалам методики ВРР – сотрудничество, согласие, последовательность, авторитетность, удовлетворенность, близость и по 6 структурным характеристикам Я-образов: метафорическим, интеллект социальный, положительным, интеллектуальным, нейтральным и конвенциональным.

По нашему мнению, не имеет смысла рассматривать слабые взаимосвязи, т.к. они могут быть случайными.

В свою очередь средняя отрицательная связь отмечается между авторитетностью родителя и социальным интеллектом. Мы предполагаем, что такая связь возможна, когда сама мама считает, что с понижением ее авторитетности как родителя в общении с ребенком ей могут помочь более внимательное отношение к нему, желание понимать поступки и действия, особенности его речи, а также особенности его невербального поведения. С появлением уверенности в своей родительской позиции, с возникновением чувства понимания проблем ребенка понижается сила родительского влияния на него. Данная особенность может быть типичной для родителей, чьи дети вступили в фазу подросткового возраста. Именно в общении с подростками у родителей зачастую возникает чувство потери авторитетности, которое проявляется в отражении родительской самооценки.

Авторитетность также имеет относительно сильную отрицательную корреляционную связь с положительными характеристиками Я-образов замещающих матерей. На наш взгляд, подобная связь возможна в силу того, что с уменьшением силы влияния на ребенка повышается самооценка у замещающих матерей, а с увеличением такой силы – понижается родительская самооценка. Возможно, что указанные особенности связаны с традиционными семейными ролями, где роль отца воспринимается как гарант авторитета, а роль матери заключается в заботе и любви.

Сильная отрицательная связь определяется между удовлетворенностью и интеллектуальной характеристикой Я-образов матерей. Вероятно, данная особенность может рассматриваться как то, что с понижением удовлетворенности в отношениях с ребенком может повышаться обеспокоенность складывающимися отношениями и на этой основе возникать потребность в преодолении стрессовой ситуации. Зачастую для того, чтобы преодолеть возникшее напряжение, активизируется когнитивный компонент нашего сознания. Соответственно в ситуации неудовлетворенности отношениями с ребенком у матери повышаются интеллектуальные возможности для преодоления сложившейся, возможно, конфликтной ситуации. И наоборот, в ситуации удовлетворенности отношениями интеллектуальный показатель не активизируется из-за отсутствия ситуации фрустрации и напряжения.

Также обнаруживается сильная отрицательная связь между последовательностью и нейтральными характеристиками Я-образов замещающих матерей. В ситуации последовательности и постоянстве своих действий уменьшается количество нейтральных характеристик в Я-образах замещающих матерей, причем не только нейтральных, но и уменьшается количе-

ство общепринятых, конвенциональных. В нашей выборке с ними также определилась очень сильная отрицательная корреляция. Возможно, что последовательность действия матери, ее постоянство в своих требованиях будет способствовать снижению психологической защиты ее личности. Действительно, по мнению И. М. Марковской, непоследовательность родителя может быть следствием эмоциональной неуравновешенности, воспитательной неуверенности, отвергающего отношения к ребенку [57].

Еще одна очень сильная отрицательная связь выявилась между близостью и конвенциональными характеристиками Я-образов замещающих матерей. Возможно, что увеличение представлений родителя об эмоциональной близости к нему ребенка будет способствовать уменьшению конвенциональных характеристик в Я-образах замещающих матерей, и наоборот, с уменьшением эмоциональной близости будут увеличиваться конвенциональные, общепринятые характеристики в представлениях о самой себе у замещающих матерей.

Последующим шагом в нашей работе стало установление связей между Ты-образами ребенка и родительским взаимодействием. С помощью критерия Спирмена было обнаружено 6 корреляций, из них положительных – 1, отрицательных – 5 (таблица 14).

Таблица 14 – Показатели корреляций между структурными компонентами Ты-образов замещающих матерей и родительским взаимодействием

Структура образов	Н-Т	М-С	А-К	ЭД-Б	О-П	ОС-С	Н-С	Н-П	АР	УОР
В							,339*			
Д										
И										
ИС			-,336*							
К							-,362*			-,506**
П										
С										
Т						-,365*				
Э										
М										
+										
=										
-										-,351*

Условные обозначения: Н-Т – нетребовательность–требовательность, М-С – мягкость–строгость, А-К – автономность–контроль, ЭД-Б – эмоциональная дистанция–близость, О-П – отвержение–принятие, ОС-С – отсутствие сотрудничества–сотрудничество, Н-С – несогласие–согласие, Н-П – непоследовательность–последовательность, АР – авторитетность родителя, УОР – удовлетворенность отношениями с ребенком (родителем). ** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя). * Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

Полученные результаты о наличии связей между переменными Ты-образов и родительским взаимодействием были подвергнуты проверке по критерию V Крамера для определения силы взаимосвязей между изучаемыми признаками. Так, было подтверждено 5 корреляций, из них слабые – 1 отрицательная корреляция, средние – 2 отрицательные корреляции, относительно сильные – 1 положительная корреляция, сильные – 1 отрицательная корреляция (таблица 15).

Таблица 15 – Показатели силы взаимосвязи между переменными Ты-образов детей и родительским взаимодействием

Шкалы ВРР	Структура Ты-образов	Приблизительная значимость	Значение критерия V Крамера	Сила взаимосвязи
Сотрудничество	Т	0,06	<0,1	Несущественная
Согласие	К	0,15	0,1–<0,2	Слабая
Удовлетворенность	К	0,20	0,2–<0,4	Средняя
Удовлетворенность	«←»	0,21	0,2–<0,4	Средняя
Согласие	В	0,46	0,4–<0,6	Относительно сильная
Контроль	ИС	0,70	0,6–<0,8	Сильная

Условные обозначения: В – волевые, ИС – интеллект социальный, К – конвенциональные, Т – телесные, «←» – отрицательные.

Таким образом, корреляции подтверждаются по 3 шкалам методики ВРР – согласие, удовлетворенность, контроль и по 4 структурным характеристикам Ты-образов ребенка – конвенциональным, волевым, отрицательным характеристикам и социальному интеллекту.

В отношении других корреляций следует отметить одну: между удовлетворенностью и конвенциональной характеристикой Ты-образов, по силе взаимосвязи это средняя отрицательная корреляция. По нашему мнению, с увеличением степени удовлетворенности отношениями с ребенком уменьшается степень использования общепринятых конвенциональных характеристик в отношении ребенка. С увеличением удовлетворенности в отношениях с ребенком его образ становится более дифференцированным и конкретным. Более того, с увеличением удовлетворенности уменьшается количество отрицательных характеристик в Ты-образах ребенка.

Также была определена одна относительно сильная положительная корреляция – между согласием и волевой характеристикой Ты-образов ребенка. Вероятно, такая особенность связана с тем, что замещающие мамы считают, что с увеличением волевых усилий можно прийти к согласию во взаимоотношениях с детьми. Причем подобное усилие, по их мнению, должен прилагать сам ребенок. На наш взгляд, скорее всего, это отраженные

представления того, как бы мама сама поступила, оказавшись на месте ребенка в ситуации общения с мамой, аналогичной ей самой.

Еще одна сильная отрицательная корреляция установилась между контролем и социальным интеллектом. Скорее всего, неадекватный контроль (как в варианте мелочной опеки, так и в варианте вседозволенности) будет способствовать уменьшению успешности общения и социальной адаптации, которые лежат в основе социального интеллекта.

На основании проведенного анализа можно сделать некоторые обобщения. По нашему мнению, родительское взаимодействие в большей мере определяется Я-образами замещающих матерей, чем их представлениями о приемных детях.

В связях родительского взаимодействия с изучаемыми образами выявляются как специфические, так и типичные особенности. Так, к специфическим особенностям, определяемым в Я-образах, будут относиться метафорические и интеллектуальные структурные характеристики, которые мы относим к когнитивному компоненту самосознания, к специфическим особенностям в Ты-образах – волевые характеристики, которые мы относим к регулятивному компоненту самосознания. Также важно отметить специфические модальные характеристики, которые выделились при определении силы взаимосвязи. В Я-образах это положительные и нейтральные характеристики, а в Ты-образах – отрицательные. Типичными, повторяющимися во взаимосвязях являются конвенциональные характеристики и социальный интеллект. Наиболее типичным родительским реагированием по отношению к приемному ребенку будет взаимодействие по таким его вариантам, как сотрудничество, согласие, удовлетворенность.

4.4 Построение кластерной модели родительского взаимодействия на основе социально-перцептивного отражения

Следующим шагом в нашей работе стало построение кластерной модели родительского взаимодействия замещающих матерей на основании социально-перцептивных образов, которые выступают регуляторами таких отношений.

Так как структурные компоненты Я-образов замещающих матерей коррелируют с родительским взаимодействием, мы построили дендрограмму (рисунок 6), на которой изображены предполагаемые кластеры, сгруппированные на основе показателей корреляционного анализа. Для построения кластерной модели были использованы показатели шкал ВРР со средней, относительно сильной, сильной и очень сильной взаимосвязью переменных Я-образов замещающих матерей, которые отражены в построении кластеров (таблица 16).

Таблица 16 – Шаги агломерации

Порядок агломерации (кластеров)						
Этап	Объединенный кластер		Коэффициенты	Этап первого появления кластера		Следующий этап
	Кластер 1	Кластер 2		Кластер 1	Кластер 2	
1	14	16	4,000	0	0	15
2	9	25	8,500	0	0	11
3	12	36	14,500	0	0	23
4	5	32	22,000	0	0	15
5	15	18	29,500	0	0	17
6	13	22	37,500	0	0	25
7	11	26	46,000	0	0	10
8	17	27	57,500	0	0	29
9	19	29	70,000	0	0	14
10	6	11	82,833	0	7	18
11	9	30	97,000	2	0	18
12	4	34	120,000	0	0	26
13	1	20	143,000	0	0	24
14	19	23	168,500	9	0	19
15	5	14	195,750	4	1	24
16	3	10	224,250	0	0	25
17	7	15	253,417	0	5	33
18	6	9	282,583	10	11	30
19	19	28	312,583	14	0	23
20	2	21	343,083	0	0	28
21	24	31	377,583	0	0	26
22	8	35	418,083	0	0	29
23	12	19	474,750	3	19	27
24	1	5	542,833	13	15	32
25	3	13	614,583	16	6	28
26	4	24	687,333	12	21	27
27	4	12	789,517	26	23	32
28	2	3	898,433	20	25	31
29	8	17	1009,433	22	8	31
30	6	33	1188,552	18	0	34
31	2	8	1370,486	28	29	35
32	1	4	1578,552	24	27	33
33	1	7	1794,254	32	17	34
34	1	6	2359,100	33	30	35
35	1	2	3245,750	34	31	0

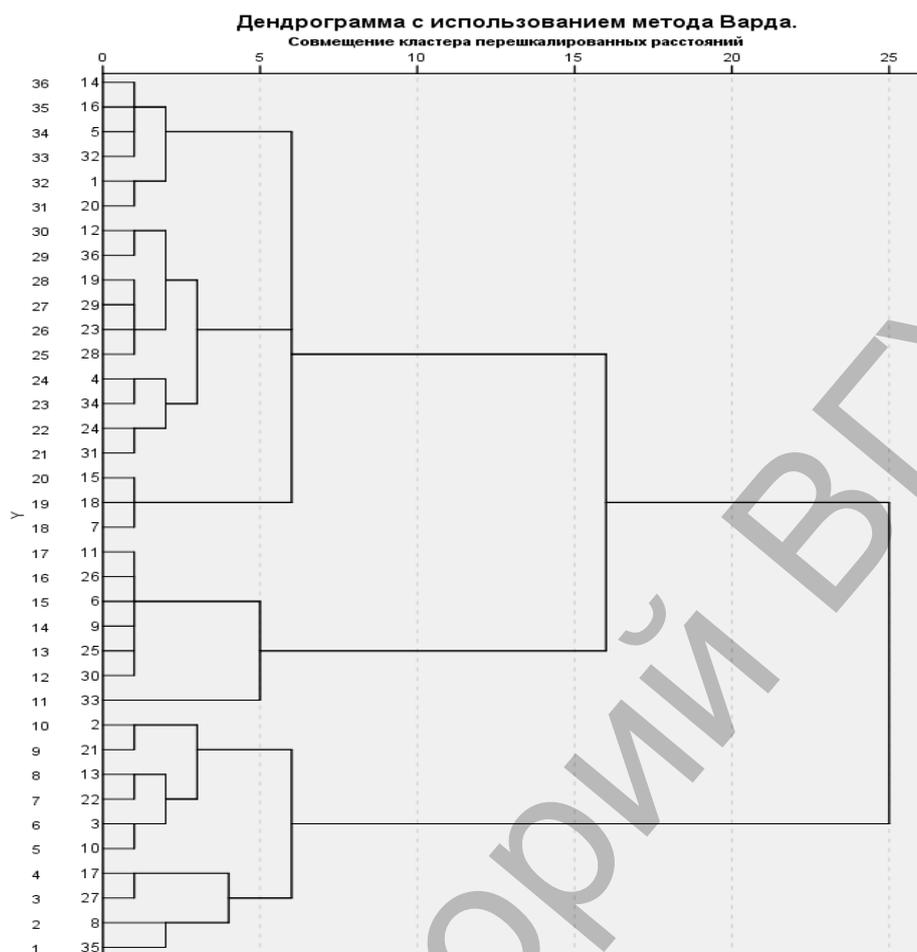

Рисунок 6 – Дендрограмма кластерной модели родительского взаимодействия на основе социально-перцептивного отражения Я-образов замещающих матерей

В дальнейшем мы провели проверку на определение устойчивости четырехкластерной и пятикластерной модели (таблица 17).

Таблица 17 – Результаты сопряженности выборов кластерной модели родительского взаимодействия на основе социально-перцептивного отражения Я-образов замещающих матерей

Комбинационная таблица Ward Method * Ward Method						
		Количество				
		Ward Method				Всего
		1	2	3	4	
Ward Method	1	6	0	0	0	6
	2	0	10	0	0	10
	3	10	0	0	0	10
	4	0	0	7	0	7
	5	0	0	0	3	3
Всего		16	10	7	3	36

По результатам проверки мы видим, что четырехкластерное решение неустойчивое, поэтому выбираем пятикластерное решение.

Для того чтобы можно было проанализировать полученные результаты, мы воспользовались методом сравнения средних (таблица 18).

Таблица 18 – Результаты кластерного анализа на основе сравнения средних

		Отчет								
Ward Method		ИС	И	К	«=»	«+»	АР	Н-П	ЭД-Б	УОР
1	Среднее	2,17	2,17	0	2,33	17,5	18,83	20,17	21,17	21,83
	N	6	6	6	6	6	6	6	6	6
	Стандартное отклонение	1,17	0,75	0	1,37	1,38	1,33	3,06	1,94	2,32
2	Среднее	1,6	2,4	1,2	2,6	12,8	6,6	20,5	20,1	21,4
	N	10	10	10	10	10	10	10	10	10
	Стандартное отклонение	1,65	2,01	1,4	1,78	3,77	1,84	3,41	3,57	3,47
3	Среднее	2	2,1	0,7	4,7	11,5	16,7	19,1	19,4	19,7
	N	10	10	10	10	10	10	10	10	10
	Стандартное отклонение	1,49	2,47	1,16	2,45	1,9	1,77	2,23	2,22	2,83
4	Среднее	0,86	0,14	1,29	3,71	5,86	19,43	23,43	21,43	20,57
	N	7	7	7	7	7	7	7	7	7
	Стандартное отклонение	1,07	0,38	2,21	5,22	1,86	1,13	1,27	0,98	0,79
5	Среднее	2,67	1,67	1,33	2,33	17,33	13	15,33	14,67	19
	N	3	3	3	3	3	3	3	3	3
	Стандартное отклонение	0,58	0,58	1,53	1,15	0,58	0	0,58	1,15	3,46
Все-го	Среднее	1,75	1,78	0,89	3,33	12,25	14,47	20,19	19,89	20,64
	N	36	36	36	36	36	36	36	36	36
	Стандартное отклонение	1,4	1,85	1,43	2,89	4,56	5,44	3,22	2,92	2,76

Условные обозначения: ИС – интеллект социальный, И – интеллектуальные характеристики, К – конвенциональные характеристики, «=» – нейтральные характеристики, «+» – положительные характеристики, АР – авторитетность родителя, Н-П – непоследовательность–последовательность, ЭД-Б – эмоциональная дистанция–близость, УОР – удовлетворенность отношениями с ребенком.

Итак, анализируемые признаки распределились следующим образом:
 1-й кластер объединяет матерей с выраженными показателями по социальному интеллекту и характеристикам когнитивного компонента самосознания, с выраженным позитивным самопринятием, с признаками отсутствия конфронтации в семье и показателями авторитетного родителя, повышенными показателями представления родителя об эмоциональной

близости к нему ребенка, с признаками повышенной степени общей удовлетворенности отношениями родителя с ребенком.

2-й кластер объединяет матерей с выраженными показателями когнитивного компонента самосознания, с выраженными показателями обезличенности своего Я, с позитивным самопринятием, повышенными показателями представления родителя об эмоциональной близости к нему ребенка, с признаками повышенной степени общей удовлетворенности отношениями родителя с ребенком. Вместе с тем показатели по переменным «интеллектуальные характеристики», «эмоциональная близость» и «удовлетворенность общением с ребенком» имеют большой разброс. Поэтому полученные данные по указанным показателям нами рассматриваются как не очень надежные. Более надежными являются показатели по «конвенциональным характеристикам» и «положительным характеристикам».

3-й кластер объединяет матерей с выраженными показателями по социальному интеллекту и характеристикам когнитивного компонента самосознания, с признаками неприятия себя или с признаками неумения (нежелания) разобраться в отношении к себе, с признаками отсутствия конфронтации в семье и показателями авторитетного родителя. Однако можно заметить, что показатели по шкалам «социальный интеллект» и «интеллектуальные характеристики» имеют большой разброс. Поэтому полученные данные по названным показателям нами рассматриваются как не очень устойчивые в данном кластере. Более надежными являются показатели по «нейтральным характеристикам» и по показателям шкалы «авторитетность родителя».

4-й кластер объединяет матерей с выраженными показателями обезличенности своего Я, с признаками неприятия себя или с признаками неумения (нежелания) разобраться в отношении к себе, с выраженными признаками отсутствия конфронтации в семье и показателями авторитетного родителя, с признаками последовательности и постоянства родителя в своих требованиях, в собственном отношении к ребенку, в применении наказаний и поощрений. Аналогично предыдущим кластерам в 4-м наблюдаются не очень устойчивые позиции по «конвенциональным характеристикам», «нейтральным характеристикам». Более надежными являются показатели по шкалам «авторитетность родителя», «последовательность родителя», «эмоциональная близость».

5-й кластер объединяет матерей с выраженными показателями по социальному интеллекту, с выраженными показателями обезличенности своего Я, с позитивным самопринятием. Также отмечаются менее устойчивые позиции по шкале «конвенциональные характеристики». Более надежными являются показатели по шкалам «социальный интеллект», «позитивные характеристики».

Проверка с помощью кластеризации k -средними и результатами ANOVA привела к следующему (таблица 19).

Таблица 19 – Показатели дисперсионного анализа по Я-образам и шкалам ВРР

ANOVA						
	Кластер		Ошибка		F	Значимость
	Средний квадрат	ст. св.	Средний квадрат	ст. св.		
Интеллект социальный	3,93	4	1,71	31	2,30	0,08
Интеллектуальные	7,14	4	2,96	31	2,42	0,07
Конвенциональные	7,49	4	1,34	31	5,59	0,00
Положительные	124,82	4	7,40	31	16,86	0,00
Нейтральные	36,28	4	4,74	31	7,66	0,00
Авторитетность	222,93	4	4,69	31	47,58	0,00
Удовлетворенность	14,57	4	6,71	31	2,17	0,10
Последовательность	36,65	4	7,00	31	5,23	0,00
Близость	19,31	4	7,11	31	2,72	0,05

Как видно из результатов проверки с помощью ANOVA, отсутствуют различия по таким показателям, как социальный интеллект, интеллектуальные характеристики, удовлетворенность. Однако отмечаются достоверные различия по следующим показателям: конвенциональные характеристики, положительные и нейтральные характеристики, авторитетность, последовательность, близость. Таким образом, в предполагаемую классификацию мы внесли изменения. Итак, анализируемые признаки, с внесенными поправками, распределились следующим образом:

1-й кластер (позитивные авторитеты, ориентированные на близость с ребенком) объединяет матерей с выраженным позитивным самопринятием, с признаками отсутствия конфронтации в семье и показателями авторитетного родителя, повышенными показателями представления родителя об эмоциональной близости к нему ребенка.

2-й кластер (недоверчивые и не доверяющие, позитивные, ориентированные на близость с ребенком) объединяет матерей с выраженными показателями обезличенности своего Я (возможно, с высокой степенью психологической защиты своего Я), с позитивным самопринятием, повышенными показателями представления родителя об эмоциональной близости к нему ребенка.

3-й кластер (не принимающие себя авторитеты) объединяет матерей с признаками неприятия себя или с признаками неумения (нежелания) разобраться в отношении к себе, но с признаками отсутствия конфронтации в семье и показателями авторитетного родителя.

4-й кластер (не принимающие себя авторитеты, последовательные в своих действиях) объединяет матерей с выраженными показателями

обезличенности своего Я, с признаками неприятия себя или с признаками неумения (нежелания) разобраться в отношении к себе, но с выраженными признаками отсутствия конфронтации в семье и показателями авторитетного родителя, с признаками последовательности и постоянства родителя в своих требованиях, в собственном отношении к ребенку, в применении наказаний и поощрений.

5-й кластер (позитивно ориентированные только на себя) объединяет матерей с выраженными показателями обезличенности своего Я, но с позитивным самопринятием.

Следовательно, полученные данные подтверждают наше предположение о наличии пяти групп родительского отношения к ребенку на основании Я-образов замещающих матерей.

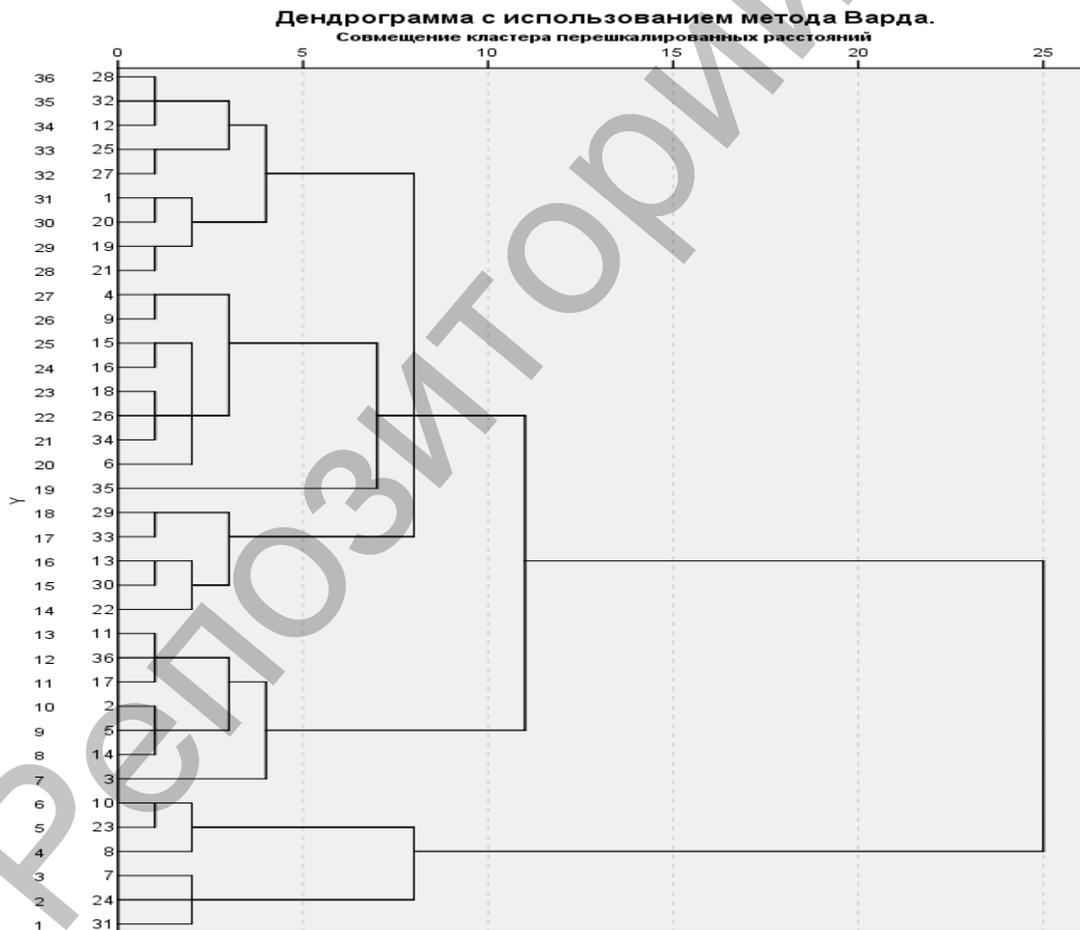
Аналогичным способом было проведено построение кластерной модели родительского взаимодействия на основе Ты-образов приемных детей. Так как структурные компоненты Ты-образов приемных детей коррелируют с родительским взаимодействием, мы построили дендрограмму (рисунок 7), на которой изображены предположенные кластеры, сгруппированные на основе показателей корреляционного анализа. Для построения кластерной модели были использованы показатели шкал ВРР со средней, относительно сильной, сильной взаимосвязью переменных Ты-образов приемных детей (таблица 20).

Таблица 20 – Шаги агломерации

Порядок агломерации (кластеров)						
Этап	Объединенный кластер		Коэффициенты	Этап первого появления кластера		Следующий этап
	Кластер 1	Кластер 2		Кластер 1	Кластер 2	
1	28	32	2,000	0	0	8
2	29	33	5,125	0	0	25
3	13	30	8,250	0	0	20
4	18	26	11,375	0	0	12
5	15	16	14,875	0	0	17
6	10	23	19,000	0	0	18
7	1	20	23,500	0	0	22
8	12	28	28,833	0	1	24
9	11	36	34,333	0	0	13
10	4	9	39,958	0	0	27
11	2	5	45,958	0	0	16
12	18	34	52,000	4	0	17
13	11	17	59,833	9	0	26
14	25	27	67,958	0	0	24
15	19	21	76,458	0	0	22
16	2	14	84,958	11	0	26
17	15	18	96,392	5	12	21
18	8	10	108,100	0	6	31
19	7	24	120,600	0	0	23

Окончание таблицы 20

20	13	22	134,308	3	0	25
21	6	15	148,542	0	17	27
22	1	19	163,542	7	15	28
23	7	31	182,875	19	0	31
24	12	25	204,617	8	14	28
25	13	29	227,958	20	2	33
26	2	11	251,958	16	13	29
27	4	6	278,094	10	21	30
28	1	12	312,227	22	24	32
29	2	3	348,322	26	0	34
30	4	35	404,340	27	0	32
31	7	8	469,840	23	18	35
32	1	4	536,562	28	30	33
33	1	13	605,443	32	25	34
34	1	2	704,442	33	29	35
35	1	7	930,632	34	31	0

**Рисунок 7 – Дендрограмма кластерной модели
родительского взаимодействия на основе социально-перцептивного
отражения Ты-образов приемных детей**

В дальнейшем мы провели проверку на определение устойчивости четырехкластерной и пятикластерной модели (таблица 21).

Таблица 21 – Результаты сопряженности выборов кластерной модели

Комбинационная таблица Ward Method * Ward Method						
Количество						
		Ward Method				Всего
		1	2	3	4	
Ward Method	1	9	0	0	0	9
	2	0	7	0	0	7
	3	9	0	0	0	9
	4	0	0	6	0	6
	5	0	0	0	5	5
Всего		18	7	6	5	36

По результатам проверки мы видим, что четырехкластерное решение неустойчивое, поэтому выбираем пятикластерное решение.

Для того чтобы можно было проанализировать полученные результаты, мы воспользовались методом сравнения средних (таблица 22).

Таблица 22 – Результаты кластерного анализа на основе сравнения средних

Отчет								
Ward Method		ИС	В	К	«←»	Н-С	А-К	УОР
1	Среднее	0,89	2,33	0,33	0,67	17,56	17,56	21,33
	N	9	9	9	9	9	9	9
	Стандартное отклонение	0,93	1,58	0,50	1,00	1,67	1,42	1,73
2	Среднее	0,86	2,43	0,29	1,29	13,14	16,43	23,29
	N	7	7	7	7	7	7	7
	Стандартное отклонение	1,07	0,98	0,76	1,38	1,68	2,39	1,25
3	Среднее	1,00	3,78	0,44	1,44	15,78	15,00	19,78
	N	9	9	9	9	9	9	9
	Стандартное отклонение	0,71	1,39	0,73	1,42	1,48	1,46	2,54
4	Среднее	0,67	1,00	1,33	4,33	11,83	16,17	17,00
	N	6	6	6	6	6	6	6
	Стандартное отклонение	0,82	1,26	0,52	2,66	1,47	2,38	2,28
5	Среднее	1,00	1,60	0,00	4,80	16,20	16,30	21,60
	N	5	5	5	5	5	5	5
	Стандартное отклонение	1,00	1,14	0,00	1,79	1,30	0,91	1,67
Всего	Среднее	0,89	2,39	0,47	2,17	15,11	16,29	20,64
	N	36	36	36	36	36	36	36
	Стандартное отклонение	0,85	1,57	0,70	2,25	2,56	1,92	2,76

Условные обозначения: ИС – интеллект социальный, В – волевые характеристики, К – конвенциональные характеристики, «←» – отрицательные характеристики, Н-С – несогласие-согласие, А-К – автономность-контроль, УОР – удовлетворенность отношениями с ребенком.

Итак, анализируемые признаки распределились следующим образом:

1-й кластер объединяет матерей, у которых образ ребенка определяется через согласие между матерью и ребенком, через повышение функций контроля, через представления матери об эмоциональной близости к ней ребенка, через повышение степени общей удовлетворенности отношениями матери с ребенком.

2-й кластер объединяет матерей, чей образ ребенка устанавливается через регулятивный компонент самосознания ребенка, повышение функции контроля, через общую удовлетворенность отношениями с ребенком. Вместе с тем важно сказать, что показатели по переменной «контроль» имеют большой разброс. Поэтому полученные данные по этому показателю нами рассматриваются как не совсем надежные. Более надежными являются показатели по «волевым характеристикам» и «удовлетворенность общения с ребенком».

3-й кластер объединяет матерей, чей образ ребенка определяется через социальный интеллект, регулятивный компонент самосознания ребенка, через согласие между родителем и ребенком.

4-й кластер объединяет матерей, чей образ ребенка устанавливается обезличенностью Я-ребенка, негативным восприятием. Причем, показатели по «отрицательным характеристикам» являются менее надежными, чем показатели по «конвенциональным характеристикам».

5-й кластер объединяет матерей, чей образ ребенка определяется через социальный интеллект, негативное восприятие, через согласие между родителем и ребенком, через повышение функции контроля, через общую удовлетворенность отношениями с ребенком.

Проверка с помощью кластеризации к-средними и результатами ANOVA привела к следующим результатам (таблица 23).

Таблица 23 – Показатели дисперсионного анализа по Ты-образам и шкалам ВРР

ANOVA						
	Кластер		Ошибка		F	Значимость
	Средний квадрат	ст. св.	Средний квадрат	ст. св.		
Удовлетворенность	46,76	4	2,56	31	18,28	0,00
Согласие	28,19	4	3,77	31	7,48	0,00
Контроль	17,15	4	1,94	31	8,85	0,00
Отрицательные	24,45	4	2,56	31	9,57	0,00
Волевые	10,74	4	1,41	31	7,64	0,00
Социальный интеллект	0,50	4	0,76	31	0,66	0,62
Конвенциональные	0,87	4	0,44	31	2,01	0,12

По результатам дисперсионного анализа отсутствуют различия по таким показателям, как социальный интеллект и конвенциональные характеристики. Однако отмечаются достоверные различия по следующим показателям: волевые характеристики, отрицательные характеристики, контроль, согласие, удовлетворенность. Соответственно, на основании полученных результатов в предполагаемую классификацию мы внесли изменения.

1-й кластер (матери, ориентированные на взаимодействие с ребенком) объединяет матерей, чей образ ребенка определяется через согласие между матерью и ребенком, через повышение функции контроля, через представления матери об эмоциональной близости к ней ребенка, через повышение степени общей удовлетворенности отношениями матери с ребенком. Образ субъектного ребенка.

2-й кластер (матери, ориентированные на развитие ребенка) объединяет матерей, чей образ ребенка устанавливается через регулятивный компонент самосознания ребенка, повышение функции контроля, через общую удовлетворенность отношениями с ребенком. Образ субъектного ребенка.

3-й кластер (матери, ориентированные на договор с ребенком) объединяет матерей, чей образ ребенка определяется через регулятивный компонент самосознания ребенка, через согласие между родителем и ребенком. Образ субъектного ребенка.

4-й кластер (матери, не ориентированные на взаимодействие с ребенком) объединяет матерей, чей образ ребенка характеризуется обезличенностью Я-образа ребенка, негативным его восприятием. Образ объектного ребенка.

5-й кластер (матери, ориентированные на исправление ребенка) объединяет матерей, чей образ ребенка определяется через негативное восприятие, через согласие между родителем и ребенком, через повышение функции контроля, через общую удовлетворенность отношениями с ребенком. Образ субъект-объектного ребенка.

В общем и целом построение кластерной модели родительского взаимодействия на основе социально-перцептивного отражения предполагает вариативность и разнообразие родительского отношения к приемным детям. Более того, полученные данные позволяют увидеть последующие пути в оказании психологической помощи приемным семьям.

Выводы по главе 4

Таким образом, на основании проведенного эмпирического исследования можно сделать некоторые обобщения.

Во-первых, Я-образы замещающих матерей по своей структуре тесно связаны с Ты-образами приемного ребенка, что говорит о едином механизме формирования этих образов и свидетельствует о том, что мамы, как правило, выбирают ребенка, опираясь не столько на отражение реальных особенностей ребенка, сколько на собственную Я-концепцию.

Во-вторых, качественный анализ показал, что содержательная взаимосвязь отмечается между элементами Я-образов замещающих матерей и Ты-образами их приемных детей.

В-третьих, социально-перцептивные характеристики Я-образов и Ты-образов замещающих матерей являются индикаторами особенностей регуляции ими родительско-детских отношений. Они позволяют достаточно точно диагностировать особенности отношения матерей к приемным детям.

В-четвертых, на основании проведенного исследования стало возможным построение кластерной модели родительского взаимодействия посредством социально-перцептивного отражения образа ребенка. На основании такой модели стало возможным определение особенностей родительско-детского взаимодействия в приемных семьях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Роль социально-перцептивных образов в межличностном взаимодействии весьма значима для определения адекватного восприятия субъектов взаимодействия. Проблема адекватного отражения и взаимного отражения субъектами семьи друг друга решает многие вопросы социальной, семейной, возрастной психологии. Целью нашего исследования было определение особенностей структуры и содержания социально-перцептивных образов и их взаимосвязь у замещающих матерей с их родителемско-детским взаимодействием.

Теоретический анализ по изучаемой теме исследования позволил нам прийти к выводам о том, что категория образа является очень сложной и многогранной проблемой. В связи с широким научным интересом к ней сложились различные подходы на пути изучения данного вопроса. С точки зрения социальной психологии категория образа рассматривается в рамках теории отражения, с философской точки зрения на протяжении эволюции развития образа человека прослеживается тенденция к усовершенствованию человеческого образа. С точки зрения когнитивной психологии восприятие образа связано с рефлекторной деятельностью. Оно представляет собой сложную систему условных и безусловных рефлексов, связанных динамической деятельностью.

Каждая теория заслуживает внимания, но ни одна из них не противоречит тому факту, что адекватное восприятие образа партнера по общению способствует оптимизации коммуникации между субъектами, влияет на будущие отношения между ними. В каждом случае выражения проявления человеком себя, а также его восприятия соседним наблюдателем происходит взаимодействие Я-образа и образа другого, т.е. Ты-образа. Во время восприятия образа другого осуществляется двойной процесс, так называемая двойная трансформация. С одной стороны, при включении в имеющуюся Ты-концепцию происходит сверка на устранение противоречий новой информации с уже имеющейся, с другой стороны, согласование трансформированной Ты-концепции с имеющейся Я-концепцией, уточняется, не приводит ли изменение представлений о другом человеке к необходимости существенно изменить представление о себе.

Сфера образов является важнейшим компонентом индивидуального сознания человека. Восприятие другого происходит в том числе через собственную внутреннюю картину мира, следовательно, первостепенной задачей является адекватное восприятие, прежде всего, своего собственного образа.

Я-образ – главный элемент нашей жизни, ничего не происходит без согласования с ним. Для успешного функционирования в реальном мире Я-образ должен соответствовать реальности. Представление человека о самом себе может быть целостным и прочным, что позволяет ему

чувствовать себя уверенно, спокойно и комфортно в окружающем мире. Соответствие собственного образа действительности дает человеку возможность быть уверенным в своих силах, твердо стоять на ногах, иметь адекватную самооценку, самовыражаться и развиваться, способствует творческому развитию и акмеологическому росту.

Воспринимая другого человека, мы всегда воспринимаем его как представителя тех или иных общественных отношений, определяя тем самым свое место в этих отношениях, создавая предпосылки для познания своей собственной сущности. Особую актуальность приобретает этот факт в ситуации непрерывного взаимодействия людей, то есть в семье. Семья – это мощный транслятор ценностей от поколения в поколение, она является базовым фундаментом общества. Однако в настоящее время такой институт социализации претерпевает серьезные изменения, повлекшие за собой глубокий кризис.

Среди прочих проблем одной из самых злободневных является проблема социального сиротства. Эту проблему Республика Беларусь аналогично Российской Федерации пытается решить способом создания таких форм семейного устройства, как усыновление, опекунская и приемная семья, детский дом семейного типа, патронатная семья. В связи с недостаточной изученностью родительско-детских отношений и их детерминант наш исследовательский интерес был сосредоточен на изучении социально-перцептивных образов, которые являются такими детерминантами родительско-детских отношений. По нашему мнению, познание структуры и содержания социально-перцептивных образов будет способствовать установлению взаимопонимания между субъектами. Адекватное восприятие приемного ребенка в рамках приемной семьи будет помогать эффективному родительско-детскому взаимодействию. Таким образом, категория образов является фундаментальной в исследовании межличностных отношений.

Данные, полученные эмпирическим путем, показали, что все изученные социально-перцептивные образы по своей структуре и содержанию связаны между собой. Скорее всего в основе их формирования лежит единый механизм, который способствует осуществлению выбора приемного ребенка. Причем такой выбор у замещающих матерей осуществляется с опорой на собственную Я-концепцию, а не на отражение реальных особенностей приемного ребенка.

Вместе с тем полученные данные свидетельствуют о том, что социально-перцептивные образы замещающих матерей являются индикаторами особенностей регуляции ими родительско-детских отношений. Они позволяют диагностическим путем определять отношения матерей к приемным детям.

Также разработанная типология родительско-детского отношения показывает разнообразие таких отношений, которые могут как способствовать позитивному развитию ребенка, так и увеличить вероятность последующей травматизации психики ребенка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова, К. А. С. Л. Рубинштейн – ретроспектива и перспектива / К. А. Абульханова // Проблемы субъекта в психологической науке. – М.: ИП РАН, 2000. – С. 13–27.
2. Агеев, В. С. Исследование перцептивных процессов в социальной психологии (по: Агеев, В. С. Специфика подхода к исследованию перцептивных процессов в социальной психологии [Электронный ресурс] / В. С. Агеев, Г. М. Андреева // Межличностное восприятие в группе / под ред. Г. М. Андреевой, А. И. Донцова. – М.: Изд-во Моск. ун-та. – 1981. – С. 13–26). – Режим доступа: <http://www.psychology-online.net/articles/doc-1271.html>. – Дата доступа: 29.11.2018.
3. Ананьев, Б. Г. О проблемах современного человекознания / Б. Г. Ананьев. – СПб.: Питер, 2001. – 272 с.
4. Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. – Л.: ЛГУ, 1968. – 339 с.
5. Андреева, А. Д. Психологический образ детства у родителей современных школьников / А. Д. Андреева // Вестник Мининского университета. – 2019. – Т. 7, № 4(29). – С. 11.
6. Андреева, Г. М. Психология социального познания / Г. М. Андреева. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 288 с.
7. Андреева, Т. В. Психология современной семьи: монография / Т. В. Андреева. – СПб.: Речь, 2005. – 436 с.
8. Арьес, Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / Ф. Арьес. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 416 с.
9. Баева, И. А. Психологическая безопасность в образовании: монография / И. А. Баева. – СПб.: Изд-во «Союз», 2002. – 271 с.
10. Баева, И. А. Психологическая безопасность образовательной среды (Теоретические основы и технологии создания): автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.07 / И. А. Баева; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. – СПб., 2002. – 44 с.
11. Барабанщиков, В. А. Коммуникативный подход в исследованиях восприятия / В. А. Барабанщиков // Психологический журнал. – 2012. – Т. 33, № 3. – С. 17–32.
12. Барабанщиков, В. А. Субъект и объект восприятия / В. А. Барабанщиков // Эпистемиология & философия науки. – 2006. – № 1, Т. VII. – С. 57–72.
13. Барабанщиков, В. А. Психология восприятия. Организация и развитие перцептивного процесса / В. А. Барабанщиков. – М.: Когито-Центр, 2006. – 239 с.

14. Бессчетнова, О. В. Приемная семья: социально-демографический анализ: монография / О. В. Бессчетнова; под ред. Г. В. Дыльнова. – Саратов: Научная книга, 2008. – 288 с.
15. Блонский, П. П. Избранные педагогические и психологические сочинения [Текст]: в 2 т. / [сост. и авт. вступ. статьи М. Г. Данильченко, А. А. Никольская]; под ред. А. В. Петровского; АПН СССР. – М.: Педагогика, 1979.
16. Бодалев, А. А. Восприятие и понимание человека человеком / А. А. Бодалев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 200 с.
17. Божович, Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л. И. Божович. – М.: Просвещение, 1968. – 464 с.
18. Варга, А. Я. Системная семейная психотерапия. Краткий лекционный курс / А. Я. Варга, Т. С. Драбкина. – СПб.: Речь, 2001. – 144 с.
19. Василюк, Ф. Е. Структура образа [Текст] / Ф. Е. Василюк // Вопросы психологии. – 1993. – № 5. – С. 5–19.
20. Возрастная и дифференциальная психология: возрастная и индивидуальная изменчивость психики. Роль труда, общения и познания в развитии. Игра и ее роль в псих. развитии. Периодизация жизненного цикла человека / Е.Ф. Рыбалко [и др.]. – СПб.: Питер: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001. – 221 с.
21. Володина, К. А. Исторический аспект становления категории «образ» в психологической науке / К. А. Володина // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. – 2014. – № 3(23). – С. 91–97.
22. Выготский, Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. / Л. С. Выготский. – М.: Педагогика, 1984. – Т. 4: Детская психология. – 432 с.
23. Выготский, Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. / Л. С. Выготский; под ред. А. М. Матюшкина. – М.: Педагогика, 1983. – Т. 3: Проблемы развития психики. – 365 с.
24. Галузо, П. Р. Преградный смысл ребенка и репродуктивное поведение бездетных и имеющих детей родителей / П. Р. Галузо [и др.] // Актуальные вопросы помощи личности в кризисных состояниях: материалы междунар. науч.-практ. конф., Брест, 23–24 марта 2017 г.: в 2 ч. – Брест: БрГУ им. А. С. Пушкина, 2017. – С. 145–149.
25. Головей, Л. А. К проблеме дифференциации основных понятий в системе «родитель–ребенок»: теоретический и эмпирический аспекты / Л. А. Головей [и др.] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12, Психология. Социология. Педагогика. – 2014. – № 2. – С. 84–95.
26. Гурко, Т. А. Теоретические подходы к изучению семьи: [монография] [Электронное издание] / Т. А. Гурко; Институт социологии РАН. – Электрон. текст. дан. (объем 2,5 Мб). – 2-е изд., перераб.

- и доп. – М.: Ин-т социологии РАН, 2016. – 210 с. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
27. Гусева, С. И. Образ математически одаренного ученика в сознании педагога: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / С. И. Гусева; Ленинградский гос. обл. ун-т им. А. С. Пушкина. – СПб., 2000. – 18 с.
 28. Давыдов, В. В. Проблемы развивающего обучения: Опыт теоретического и экспериментального психологического исследования / В. В. Давыдов. – М.: Педагогика, 1986. – 240 с.
 29. Дашкова, С. С. Психолого-исторические особенности понимания человека в творческом наследии Леонардо да Винчи / С. С. Дашкова // Вопросы психологии / ред. А. М. Матюшкин, О. А. Конопкин. – 1988. – № 6, ноябрь–декабрь. – С. 78–85.
 30. Доева, Л. И. Представления о супругах у мужчин и женщин Северная Осетия-Алания: монография / Л. И. Доева, В. Л. Ситников; Сев.-Осет. гос. пед. ин-т. – Владикавказ: Изд-во СОГПИ, 2018. – 200 с.
 31. Дроздова, Н. В. Теоретико-методологические факторы развития социальной психологии в Республике Беларусь / Н. В. Дроздова // Психологический журнал. – 2010. – № 1. – С. 47–52.
 32. Дэвис, Д. Фрейд, Юнг и психоанализ [Текст] / Д. Дэвис // Кембриджское руководство по аналитической психологии: сб. / под ред. П. Янг-Айзендрат, Т. Даусона. – М.: Добросвет, 2000. – С. 72–94.
 33. Евстратова, Ю. В. Исследования категории образа: история и современность / Ю. В. Евстратова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 3. – С. 140–144.
 34. Еремеев, Б. А. Психометрика мнений о людях: автореферат дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.05 / Б. А. Еремеев; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 2003. – 40 с.
 35. Зайкова, С. А. К вопросу типологии современной семьи. (Электронный журнал) / С. А. Зайкова // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 6. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/106=7806>. – Дата доступа: 17.02.2020.
 36. Запорожец, А. В. Избранные психологические труды: в 2 т. / А. В. Запорожец. – М.: Педагогика, 1986. – Т. 1: Психическое развитие ребенка. – 320 с.
 37. Зинченко, В. П. Восприятие, движение, действие / В. П. Зинченко. – Москва–Воронеж // Образ и деятельность / В. П. Зинченко. – М.: Ин-т практической психологии; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 1997. – С. 313–341. – Режим доступа: <http://www.psychlib.ru/inc/absid.php?absid=90249>. (Напечатано по: Запорожец, А.В. Восприятие, движение, действие / А. В. Запорожец, В. П. Зинченко // Познавательные процессы: ощущения, восприятие. – М.: Педагогика, 1982. – С. 50–80).

38. Зинченко, В. П. Истоки культурно-исторической психологии: философско-гуманитарный контекст / В. П. Зинченко, Б. Пружинин, Т. Щедрина. – М.: РОССПЭН, 2010. – 415 с.
39. Ильиных, С. А. Фамилистика: введение нового понятия «семейное сознание» / С. А. Ильиных // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2013. – № 3-1. – С. 231–240.
40. Карабанова, О. А. Ориентирующий образ в структуре социальной ситуации развития ребенка: от Л. С. Выготского к П. Я. Гальперину / О. А. Карабанова // Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология. – 2012. – № 4. – С. 73–82.
41. Карабанова, О. А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования / О. А. Карабанова. – М.: Гардарики, 2005. – 320 с.
42. Карвасарский, Б. Д. Психотерапия / Б. Д. Карвасарский. – СПб.: Питер, 2002. – 672 с.
43. Келли, Джордж А. Психология личности: Теория личных конструктов. Мастерская психологии и психотерапии / А. Джордж Келли. – СПб.: «Речь», 2000. – 249 с.
44. Климов, Е. А. Образ мира в разнотипных профессиях / Е. А. Климов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995. – 224 с.
45. Колодина, А. В. Представления родителя о ребенке как фактор детско-родительских отношений / А. В. Колодина // Вестник Омского университета. Сер. Психология. – 2016. – № 2. – С. 69–77.
46. Комарова, А. В. Социально-перцептивные образы и особенности их отражения в сознании младших школьников / А. В. Комарова // Актуальные проблемы психологии личности: сб. ст. по материалам III Междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск: СибАК, 2010.
47. Костюченко, Е. В. Особенности перцептивной репрезентации одоративной составляющей образа мира / Е. В. Костюченко // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2014. – № 1. – С. 146–154.
48. Кюглер, П. Психические образы как мост между субъектом и объектом [Текст] / П. Кюглер // Кембриджское руководство по аналитической психологии: сб. / под ред. П. Янг-Айзендрат, Т. Даусона. – М.: Добросвет, 2000. – С. 121–141.
49. Лабунская, В. А. Невербальное поведение: социально-перцептивный подход / В. А. Лабунская; отв. ред. И. П. Шкуратова; Рост. гос. ун-т им. М. А. Суслова. – Ростов н/Д: Изд-во Ростов. гос. ун-та, 1986. – 136 с.
50. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М.: Смысл, Академия, 2005. – 352 с.
51. Леонтьев, А. Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. / А. Н. Леонтьев. – М.: Педагогика, 1983. – Т. I. – 392 с.

52. Леонтьев, А. Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. – М.: Педагогика, 1983. – Т. II. – 320 с.
53. Лисина, М. И. Общение, личность и психика ребенка / М. И. Лисина; под ред. А. Г. Рузской; Акад. пед. и соц. наук, Моск. психол.-соц. ин-т. – М.: Ин-т практ. психологии. – Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. – 383 с.
54. Ломов, Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б. Ф. Ломов. – М.: Изд-во «Наука», 1984. – 444 с.
55. Лотман, Ю. М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) / Ю. М. Лотман // Семиосфера. – СПб.: Искусство. – СПб., 2000. – С. 159–165.
56. Люблинская, А. А. Детская психология [Текст]: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. – М.: Просвещение, 1971. – 415 с.
57. Марковская, И. М. Психология детско-родительских отношений: монография / И. М. Марковская. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – 91 с.
58. Махнач, А. В. Жизнеспособность замещающей семьи как малой социальной группы: автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.05 / А. В. Махнач; Институт психологии РАН. – М., 2019. – С. 44.
59. Махнач, А. В. Тенденции в изучении семьи и характеристик ее состава, связанных с жизнеспособностью / А. В. Махнач // Вестник РГГУ. Сер. Психология. Педагогика. Образование. – 2019. – № 2. – С. 37–50. DOI: 10.28995/2073-6398-2019-2-37-50.
60. Митрикас, А. А. Семья как ценность: состояние и перспективы ценностного выбора в странах Европы / А. А. Митрикас // Социологические исследования. – 2004. – № 5. – С. 65–73.
61. Мухина, В. С. Проблемы генезиса личности: учеб. пособие к спецкурсу / В. С. Мухина; Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. – М.: МГПИ, 1985 (1986). – 103 с.
62. Мясищев, В. Н. Психология отношений: избранные психологические труды / В. Н. Мясищев. – М.: Ин-т практ. психологии. – Воронеж: НПО «МОДЭК», 1998. – 368 с.
63. Носуленко, В. Н. Познание и общение: системная исследовательская парадигма / В. Н. Носуленко, Е.С. Самойленко // Психологический журнал. – 2012. – № 4. – С. 5–16.
64. Об утверждении Государственной программы «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь на 2016–2020 годы» [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Республики Беларусь, 14 марта 2016 г., № 200 // Сайт Совета Министров Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.government.by/ru/solutions/2431>. – Дата доступа: 06.08.2019.
65. Обухова, Л. Ф. Детская психология: теории, факты, проблемы / Л. Ф. Обухова. – М.: Тривола, 1995. – 360 с.

66. Ослон, В. Н. Репрезентация родителей и себя в картине мира ребенка-сироты [Электронный ресурс] / В. Н. Ослон // Электронный журнал «Психологическая наука и образование». – 2012. – № 4. – С. 70–80. – Режим доступа: www.psyedu.ru. – Дата доступа: 03.08.2019.
67. Павлов, И. В. Взаимосвязь социально-перцептивного образа отца и образа «Я» у юношей и девушек из полных и неполных семей: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / И. В. Павлов; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2018. – 26 с.
68. Парыгин, Б. Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории / Б. Д. Парыгин. – СПб.: ИГУП, 1999. – 592 с.
69. Петренко, В. Ф. Основы психосемантики / В. Ф. Петренко. – СПб.: Питер, 2005. – 480 с.
70. Петренко, В. Ф. Психосемантические аспекты картины мира субъекта / В. Ф. Петренко // Психология. – 2005. – Т. 2, № 2. – С. 3–23.
71. Петренко, В. Ф. Сознание и проблема контакта с внеземными цивилизациями / В. Ф. Петренко / Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция; под ред. проф. Д. И. Дубровского. – М.: ООО «Издательство МБА», 2013. – 272 с.
72. Петрова, С. М. К проблеме структурных компонентов самосознания личности: методический аспект / С. М. Петрова // Вестник Псковского государственного педагогического университета. Сер. Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. – 2007. – № 1. – С. 182–190.
73. Петровский, А. В. История и теория психологии / А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский. – Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1996. – Т. 1. – 416 с.
74. Петровский, А. В. История и теория психологии / А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский. – Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1996. – Т. 2. – 416 с.
75. Позднеева, С. П. В. И. Вернадский: биосфера, ноосфера и человек / С. П. Позднеева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2016. – Т. 16, вып. 4. – С. 402–408.
76. Поспелова, Н. В 2018-м родители письменно отказались от 99 младенцев. Как усыновляли и опекали детей в прошлом году [Электронный ресурс] / Н. Поспелова. – Режим доступа: <https://news.tut.by/society/630162.html>. – Дата доступа: 23.03.2019.
77. Психология подростка. Полное руководство / под ред. члена-корреспондента РАО А. А. Реана. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. – 432 с.
78. Разумова, А. В. Адекватность образа ребенка у родителей с разными стилями семейного воспитания и личностными особенностями: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / А. В. Разумова; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2004. – 24 с.

79. Реан, А. А. Восприятие матери: общие тенденции и гендерно-социальные особенности / А. А. Реан // Национальный психологический журнал. – 2017. – № 2(26). – С. 85–91.
80. Родители и дети: Психология взаимоотношений / под ред. Е. А. Савиной, Е. О. Смирновой. – М.: «Когито Центр», 2003. – 230 с. – С. 75–79.
81. Романов, Д. К. Особенности познания человека человеком / Д. К. Романов // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2012. – № 3(19). – С. 49–56.
82. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2000. – 720 с.
83. Рыбалко, Е. Ф. Возрастная и дифференциальная психология: Возраст. и индивидуал. изменчивость психики. Роль труда, общения и познания в развитии. Игра и ее роль в псих. развитии. Периодизация жизн. цикла человека / Е. Ф. Рыбалко [и др.]. – СПб.: Питер: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. – 221 с.
84. Сидоренко, Е. В. Мотивационный тренинг [Текст]: практ. руководство / Е. В. Сидоренко. – СПб.: Речь, 2005. – 233 с.
85. Сидоренко, Е. В. Опыты реориентационного тренинга / Е. В. Сидоренко. – СПб.: Ин-т тренинга, 1995. – 249 с.
86. Ситников, В. Л. Образ ребенка в сознании детей и взрослых / В. Л. Ситников. – СПб.: Химиздат, 2001. – 288 с.
87. Ситников, В. Л. Образ тела в сознании виктимных подростков, переживших сексуальное насилие / В. Л. Ситников, А. А. Стреленко // Ученые записки ЗабГУ. Сер. Педагогика. Психология. – 2016. – Т. 11, № 2. – С. 118–129.
88. Смирнов, С. Д. Мир образов и образ мира / С. Д. Смирнов // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. – 1981. – № 2. – С. 15–29 [с сокращениями].
89. Смирнов, С. Д. Психология образа: проблема активности психического отражения / С. Д. Смирнов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. – 232 с.
90. Смирнова, Е. О. Межличностные отношения дошкольников: диагностика, проблемы, коррекция / Е. О. Смирнова, В. М. Холмогорова. – М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2005. – 158 с.
91. Социально-педагогическое сопровождение приемной семьи: учеб.-метод. пособие / В. В. Мартынова [и др.]. – Минск: ОДО «Тон-пик», 2004. – 240 с.
92. Социально-психологическая перцепция в системе образования: монография / под общ. и науч. ред. д-ра психол. наук, проф. В. Л. Ситникова, науч. ред. д-р психол. наук, проф. Л. А. Регуш. – СПб.: «ЭЛВИ-Принт», 2016. – 150 с.

93. Спиваковская, А. С. Психологическая помощь семьям, взявшим на воспитание детей из государственных учреждений / А. С. Спиваковская // Лишенные родительского попечительства: хрестоматия. – М.: Просвещение, 1991. – 223 с. – С. 127–132.
94. Стреленко, А. А. Проблемы психологической безопасности детей и подростков в семейной среде [Электронный ресурс] / А. А. Стреленко // Психология семьи в современном мире: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. / Урал. гос. пед. ун-т. – Электрон. дан. – Екатеринбург: [б. и.], 2017. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
95. Стреленко, А. А. Психологические проблемы детско-подростковой виктимности / А. А. Стреленко // Психолого-педагогические технологии в условиях инновационных процессов в медицине и образовании: материалы 4 Междунар. междисциплинарной науч.-практ. конф., Кемер, Турция, 29 апреля – 7 мая 2013 г. / под науч. ред. М. Г. Чухровой. – Новосибирск: Изд. «Архивариус-Н», 2013. – С. 186–190.
96. Стреленко, А. А. Социально-перцептивные образы виктимной личности / А. А. Стреленко. – Витебск, 2009. – 138 с.
97. Суворкина, Е. Н. Проблема детства в раннем творчестве протоиерея В. В. Зеньковского (анализ его комментария к книге К. Гроса «Душевная жизнь ребенка», 1916) / Е. Н. Суворкина // Вестник АГУ. – 2016. – № 4(189). – С. 234–239.
98. Сутович, Е. И. Научные подходы к исследованию образа человека / Е. И. Сутович // Вестник БарГУ. Сер. Педагогические науки. Психологические науки. Филологические науки. – 2017. – № 5. – С. 72–78.
99. Фаликман, М. В. Принципы физиологии активности Н. А. Бернштейна в психологии восприятия и внимания: проблемы и перспективы / М. В. Фаликман, Е. В. Печенкова // Культурно-историческая психология. – 2016. – Т. 12, № 4. – С. 48–66.
100. Филлипова, Г. Г. Представления о возрастной периодизации детства в средневековой Руси / Г. Г. Филлипова, Е. В. Василенко // Знание. Понимание. Умение. – 2014. – № 3. – С. 277–286.
101. Фрейджер, Р. Личность. Теории, упражнения, эксперименты / Р. Фрейджер, Д. Фейдимен. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2004. – 608 с.
102. Чернова, Г. Р. Психология общения / Г. Р. Чернова, Т. В. Слотина. – СПб.: Питер, 2012. – 240 с.
103. Чистилина, И. А. Герменевтическая концепция М. М. Бахтина: от идеи диалога к проблеме понимания: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / И. А. Чистилина; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2006. – 22 с.
104. Шилов, И. Ю. Фамилистика. (Психология и педагогика семьи): практикум / И. Ю. Шилов. – СПб.: ООО «Изд-во “Петрополис”», 2000. – 416 с.
105. Шкуратова, И. П. Личностные конструкты для построения образа мира / И. П. Шкуратова // Психология субъективной семантики

- в фундаментальных и прикладных исследованиях: материалы науч. конф., посвященной 60-летию со дня рождения Е. Ю. Артемьевой / отв. ред. Д. А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2000. – 147 с. – С. 31–35.
106. Шустова, А. В. Теоретико-методологический анализ феномена образа-представления в отечественной и зарубежной психологии [Электронный ресурс] / А. В. Шустова // Коллекция гуманитарных исследований. – 2017. – № 4(7). – Режим доступа: <http://j-chr.com/>. – Дата доступа: 22.11.2018.
 107. Эльконин, Д. Б. Детская психология / Д. Б. Эльконин; ред.-сост. Б. Д. Эльконин. – 5-е изд., стереотип. – М.: Изд. центр «Академия», 2008. – 383 с.
 108. Balliet D., Tybur J., and Van Lange P. (2016). Functional Interdependence Theory: An Evolutionary Account of Social Situations. *Personality and Social Psychology Review*, 21(4), 1–28. DOI: 10.1177/1088868316657965.
 109. Bergsund H., Wentzel-Larsen T., Jacobsen H. (2020). Parenting stress in long-term foster carers: A longitudinal study. *Child & Family Social Work*, 25(S1), 53–62. <https://doi.org/10.1111/cfs.12713>.
 110. Damman J. L., Johnson-Motoyama M., Wells S. J., Harrington K. (2020). Factors associated with the decision to investigate child protective services referrals: A systematic review. *Child & Family Social Work*, March, 1–20. <https://doi.org/10.1111/cfs.12755>.
 111. Flaquer, L. (2014) Family-related factors influencing child well-being. En *Handbook of Child Well-Being: Theories, Methods and Policies in Global Perspective*; pp. 2229–2255. https://doi.org/10.1007/978-90-481-9063-8_87.
 112. Zemp M., Jockers M., and Mata J. (2020). The Role of Constructiveness in Interparental Conflict for Mothers' Perception of Children's Health. *Family Relations*, May, 1–15. DOI:10.1111/fare.12449.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А

Таблица – Результаты нормальности распределения показателей структуры Я-образов

Одновыборочный критерий Колмогорова–Смирнова														
		В	Д	И	ИС	К	П	С	Т	Э	М	+	=	-
N		78	78	78	78	78	78	78	78	78	78	78	78	78
Параметры нормального распределения a, b	Среднее	2,6410	1,9872	2,0641	1,8846	1,5513	,6026	8,8846	1,8333	6,1795	,6026	11,9615	4,5769	,7564
	Среднекв. отклонение	1,69011	1,77642	1,71578	1,38621	2,33909	,88772	3,14573	1,31343	2,90429	1,49753	4,47922	3,49218	1,27091
Наибольшие экстремальные расхождения	Абсолютная	,172	,198	,182	,174	,254	,367	,095	,199	,137	,438	,111	,174	,340
	Положительные	,172	,198	,182	,174	,246	,367	,084	,199	,107	,438	,079	,174	,340
	Отрицательные	-,115	-,132	-,114	-,108	-,254	-,249	-,095	-,146	-,137	-,344	-,111	-,102	-,276
Статистика критерия		,172	,198	,182	,174	,254	,367	,095	,199	,137	,438	,111	,174	,340
Асимптотическая значимость (2-сторонняя)		,000с	,000с	,000с	,000с	,000с	,000с	,078с	,000с	,001с	,000с	,018с	,000с	,000с

Условные обозначения: В – волевые, Д – деятельностные, И – интеллектуальные, ИС – интеллект социальный, К – конвенциональные, П – поведенческие, С – социальные, Т – телесные, Э – эмоциональные, М – метафорические, «+» – положительные, «=» – нейтральные, «-» – отрицательные.

Таблица – Результаты нормальности распределения показателей структуры Ты-образов

Одновыборочный критерий Колмогорова–Смирнова														
		В	Д	И	ИС	К	П	С	Т	Э	М	+	=	-
N		78	78	78	78	78	78	78	78	78	78	78	78	78
Параметры нормального распределения a, b	Среднее	2,6923	1,6282	2,4359	1,2564	,3462	1,0513	8,6282	2,7051	6,5769	,3974	11,2564	3,7179	2,5641
	Среднекв. отклонение	1,66949	1,43345	1,65608	1,04987	,59928	,99214	2,76860	2,05198	2,46808	1,30274	4,22557	2,41154	2,50501
Наибольшие экстремальные расхождения	Абсолютная	,148	,246	,245	,263	,436	,251	,128	,161	,111	,453	,083	,146	,183
	Положительные	,148	,246	,245	,263	,436	,251	,128	,161	,111	,453	,061	,146	,183
	Отрицательные	-,117	-,128	-,116	-,147	-,282	-,146	-,103	-,100	-,093	-,380	-,083	-,104	-,153
Статистика критерия		,148	,246	,245	,263	,436	,251	,128	,161	,111	,453	,083	,146	,183
Асимптотическая значимость (2-сторонняя)		,000с	,000с	,000с	,000с	,000с	,000с	,003с	,000с	,018с	,000с	,200с,d	,000с	,000с

Условные обозначения: В – волевые, Д – деятельностные, И – интеллектуальные, ИС – интеллект социальный, К – конвенциональные, П – поведенческие, С – социальные, Т – телесные, Э – эмоциональные, М – метафорические, «+» – положительные, «=» – нейтральные, «-» – отрицательные.

Таблица – Результаты проверки гипотезы о достоверности различий в Я-, Ты-образах замещающих матерей

Статистические критерии													
	В2–В1	Д1–Д2	И2–И1	ИС2–ИС1	К2–К1	П2–П1	С2–С1	Т2–Т1	Э2–Э1	М2–М1	«+»2–«+»1	«=»2–«=»1	«-»2–«-»1
Z	-,344b	-1,236c	-1,775b	-3,297c	-4,320c	-3,066b	-,700c	-3,326b	-,973b	-1,174c	-1,420c	-1,513c	-5,797b
Асимптотическая значимость (2-сторонняя)	,731	,216	,076	,001	,000	,002	,484	,001	,330	,241	,156	,130	,000
a. Критерий знаковых рангов Вилкоксона													
b. На основе отрицательных рангов.													
c. На основе положительных рангов.													

Условные обозначения: В1 – волевые Я-образов, В2 – волевые Ты-образов, Д1 – деятельностные Я-образов, Д2 – деятельностные Ты-образов, И1 – интеллектуальные Я-образов, И2 – интеллектуальные Ты-образов, ИС1 – интеллект социальный Я-образов, ИС2 – интеллект социальный Ты-образов, К1 – конвенциональные Я-образов, К2 – конвенциональные Ты-образов, П1 – поведенческие Я-образов, П2 – поведенческие Ты-образов, С1 – социальные Я-образов, С2 – социальные Ты-образов, Т1 – телесные Я-образов, Т2 – телесные Ты-образов, Э1 – эмоциональные Я-образов, Э2 – эмоциональные Ты-образов, М1 – метафорические Я-образов, М2 – метафорические Ты-образов, «+»1 – положительные Я-образов, «+»2 – положительные Ты-образов, «=»1 – нейтральные Я-образов, «=»2 – нейтральные Ты-образов, «-»1 – отрицательные Я-образов, «-»2 – отрицательные Ты-образов.

Научное издание

СТРЕЛЕНКО Анна Анатольевна

**СОЦИАЛЬНАЯ ПЕРЦЕПЦИЯ
И ОТНОШЕНИЯ С ДЕТЬМИ В ПРИЕМНЫХ СЕМЬЯХ**

Монография

Технический редактор

Г. В. Разбоева

Корректор

А. Н. Фенченко

Компьютерный дизайн

Л. Р. Жигунова

Подписано в печать 2020. Формат 60x84^{1/16}. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 7,03. Уч.-изд. л. 6,69. Тираж экз. Заказ .

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П. М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П. М. Машерова».

210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.